

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 24

Санкт-Петербург
2024

Редколлегия:

- И. И. Елисеева*, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. И. Бояркина, канд. соц. наук (Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого);
О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. А. Галкин, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (зам. гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Н. В. Колесник, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт
здоровья и благосостояния, Хельсинки, Финляндия);
М. В. Масловский, д-р соц. наук, проф. (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Е. В. Тыканова, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
И. Шубрт (Jiří Šubrt), д-р соц. наук, доцент
(Карлов университет, Прага, Чехия)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

EDN: IPOVXC

*Научное периодическое издание «Петербургская социология сегодня»
выходит с 2009 года.*

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

*Регистрационный номер СМИ:
ПИ № ФС 77-55387 от 17.09.2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Социология здоровья и старения

<i>Сурмач М. Ю., Корнейко П. Л.</i> Социологический анализ здоровья в субъективных оценках пожилого населения: методология и результаты изучения в Гродненской области Республики Беларусь	5
<i>Парфенова О. А.</i> Старение как объект исследования в социальных науках	30
<i>Григорьева И. А.</i> Перспективы изучения отложенного старения в России и Европе (эссе)	45

Социология труда и организаций

<i>Потапов Д. А., Маркова Н. Г.</i> Корпоративное обучение сотрудников на базе «EdTech» компании в условиях бизнес-процессов	62
<i>Скороходова Н. Д.</i> Карьера тренера-женщины в спорте с доминированием мужчин: пример юношеских команд по боевым искусствам в Санкт-Петербурге	78

Социокультурные исследования

<i>Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С.</i> Живая индология в МАЭ в 1920–1930-е годы	95
<i>Федорова О. А., Журавлева А. В.</i> Стратегии коммуникации с аудиторией молодежных лайфстайл блогеров (на материале платформы YouTube)	113

Научная жизнь

<i>Бредникова О. Е., Бурмыкина О. Н., Галкин К. А., Дмитриева В. Д., Еремичева Г. В., Колесник Н. В., Мацкевич М. Г., Муфтахова М. Н., Назарова И. Б.</i> О потенциале и возможностях социологии в новых реалиях	135
--	-----

Рецензии

<i>Денисова В. А.</i> Рецензия на книгу: Bennett W., Livingston S. The Disinformation Age. — Cambridge University Press, 2020. 294 p.	149
<i>Швецова С. Э.</i> Рецензия на книгу: Перес К. Невидимые женщины: Почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных. — Альпина Паблишер, 2020. 496 с.	156

CONTENTS

Sociology of Health and Aging

<i>Surmach M. Y., Korneiko P. L.</i> Sociological analysis of health in subjective assessments of the elderly population: methodology and results for the Grodno region of the Republic of Belarus	5
<i>Parfenova O. A.</i> Aging as an object of research in social sciences	30
<i>Grigoryeva I. A.</i> Perspectives on the study of delayed aging in Russia and Europe (essay)	45

Sociology of Work and Organizations

<i>Potapov D. A., Markova N. G.</i> Corporate training of employees on the basis of the company's EdTech in the context of business processes	62
<i>Skorokhodova N. D.</i> Career of a female coach in male-dominated sports: An example of youth martial arts teams in St. Petersburg	78

Sociocultural Studies

<i>Krasnodembskaya N. G., Soboleva E. S.</i> Living Indology at MAE in the 1920s and 1930s.	95
<i>Fedorova O. A., Zhuravleva A. V.</i> Strategies of communication with the audience of youth lifestyle bloggers (based on Youtube platform)	113

Scientific Life

<i>Brednikova O. E., Olga N. Burmykina O.N., Galkin K. A., Dmitrieva V. D., Eremicheva G.V., Kolesnik N.V., Matskevich M.G., Muftakhova A. N., Nazarova I. B.</i> On the potential and opportunities of sociology in new realities	135
--	-----

Book Review

<i>Denisova V. A.</i> Book Review: Bennett W. Livingston S. The Disinformation Age. — Cambridge University Press, 2020. 294 p.	149
<i>Shvetsova S. E.</i> Book Review: Perez K. Invisible Women: Data Bias in a World Designed for Men. — Alpina Publisher, 2020. 496 p.	156

DOI: 10.25990/socinstras.pss-24.vrjh-s205

EDN: NNWOMW

УДК 316.346.32-053.9

М. Ю. СУРМАЧ, П. Л. КОРНЕЙКО

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗДОРОВЬЯ В СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНКАХ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ В ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проведен анализ методологических подходов к исследованию и измерению самооценки здоровья, разработан инструментарий, наиболее релевантный для изучения здоровья лиц возраста 60 лет и старше. Наиболее методически правильной в части оценки респондентами старших возрастных групп субъективных ощущений относительно своего здоровья признана методика ВОЗЖ-26 — стандартизированная русскоязычная версия WHOQOL-BREF. На примере Гродненской области выполнен анализ удовлетворенности состоянием здоровья данной категории респондентов, исследована зависимость СОЗ от пола, места жительства, наличия работы, состояния в браке, наличия детей, проживания со своими детьми совместно либо раздельно, получения пенсии. Обнаружено, что выделяются три четких ранговых места ($p < 0,05$) в структуре ответов, которые соответствуют следующим баллам оценки удовлетворенности собственным здоровьем по пятибалльной шкале: первое место соответствует варианту ответа «3 балла». Респонденты незначимо чаще (52,44%) оценивают свою удовлетворенность собственным здоровьем как соответствующую позициям средней и ниже средней (1–3 балла). Показатель удовлетворенности собственным здоровьем выявил значительную устойчивость к социально-демографическим факторам. Сопоставление с опубликованными ранее результатами исследований в российской популяции показало, что плохие самооценки здоровья лиц старших возрастных групп Гродненской области коррелируют с таковыми в Российской Федерации, доля же хороших самооценок значительно превышает соответствующие показатели для россиян.

Ключевые слова: самооценка здоровья, субъективная оценка, возраст 60 лет и старше, Гродненская область.

* Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант Г24У-007 от 02.05.2024)

MARINA Y. SURMACH, PAVEL L. KORNEIKO

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF HEALTH IN SUBJECTIVE ASSESSMENTS OF THE ELDERLY POPULATION: METHODOLOGY AND RESULTS FOR GRODNO REGION, REPUBLIC OF BELARUS

An analysis of methodological approaches to the study and measurement of self-assessment of health has been carried out, and tools have been developed that are most relevant for studying the health of people aged 60 years and older. The WHOQOL-26 method, a standardized Russian version of WHOQOL-BREF, was recognized as the most methodologically correct in terms of assessing subjective feelings regarding their health by respondents in older age groups. Using the example of the Grodno region, an analysis of satisfaction with the health status of this category of respondents was carried out, the dependence of POPs on gender, place of residence, availability of work, marital status, presence of children, living with their children together or separately, and receipt of a pension was investigated. It was found that there are three clear ranking places ($p < 0.05$) in the structure of answers, which correspond to the following points for assessing satisfaction with one's own health on a five-point scale: the first place corresponds to the answer option "3 points". Respondents are insignificantly more likely (52.44%) to rate their satisfaction with their own health as average and below average (1–3 points). The indicator of satisfaction with one's own health revealed significant resistance to socio-demographic factors. A comparison with previously published research results in the Russian population has shown that poor self-assessments of health among people in older age groups in the Grodno region correlate with those in the Russian Federation, while the proportion of good self-assessments significantly exceeds the corresponding indicators for Russians.

Keywords: self-assessment of health, subjective assessment, age 60 years and older, Grodno region.

Введение

Всемирная организация здравоохранения определяет здоровье как состояние полного физического, душевного, социального благополучия, а не только отсутствие заболевания и физических дефектов, при этом ведущая роль в его регулировании отводится социальным детерминантам (Social determinants of health).

Самооценка здоровья (СОЗ) — это интегральный показатель, который отражает субъективные ощущения человека относительно своего здоровья, является структурным компонентом отношения человека к здоровью и косвенно отражает мотивацию на здоровьесбережение.

С методологической точки зрения СОЗ прочно заняла позицию простого и удобного в измерении индикатора, способного отражать здоровье населения и даже выступать в качестве объективного предиктора смертности. СОЗ широко применяется в эпидемиологических исследованиях как мера оценки состояния здоровья населения и играет все более важную роль в клинических испытаниях и скрининговых исследованиях, поскольку уже более 10 лет назад обнаружена и подтверждена довольно высокая степень соответствия самооценки и объективной характеристики здоровья (до 80%) (Bombak 2013, *The relationship between self-rated health...* 2013).

Многие исследования подтверждают взаимосвязь самооценки состояния здоровья с риском смерти, особенно среди пожилых мужчин. Оценка состояния здоровья по самооценке состояния здоровья, при использовании для сравнения состояния здоровья в странах Восточной и Западной Европы, показала результат, соответствующий данным, полученным для этих стран с точки зрения показателей смертности (Self-reported health 2004). Основываясь на данных социолого-статистических исследований, Elżbieta Dziankowska-Zaborszczyk, Beata Ciabiada, Irena Maniecka-Bryła статистически обосновали, что самооценка здоровья является независимым предиктором преждевременной смертности. В рамках программы СИНДИ ВОЗ ими были проанализированы данные, полученные при опросе 1002 мужчин и 826 женщин 18–64 лет в 2001 г., с последующим 8-летним демографоэпидемиологическим наблюдением за выживанием, фактом смерти или миграции из Лодзи, и обоснован вывод о том, что вопросы, касающиеся самооценки здоровья, должны являться необходимым элементом эпидемиологических исследований, связанных со здоровьем популяции (Dziankowska-Zaborszczyk, Ciabiada, Maniecka-Bryła 2014).

В условиях постарения населения использование СОЗ для определения прогноза жизни и здоровья пожилых является весьма привлекательным. СОЗ является показателем, независимо и достоверно ассоциирующимся со смертностью. Это дает основание полагать, что в условиях дефицита ресурсов СОЗ может быть полезна на практике в качестве рутинно измеряемого показателя в исследованиях общественного здоровья для скрининга населения пожилого возраста для целевых профилактических вмешательств (Самооценка здоровья москвичей 2019).

Являясь не клиническим и потому относительно субъективным социологическим показателем, показатель СОЗ, как и иные социологические показатели, при их идентичности объективным характеристикам

здоровья, используются даже шире клинических, поскольку характеризуют косвенным образом здоровье и тех респондентов, которые не обращаются за медицинской помощью, хотя имеют отклонения в здоровье.

Благодаря информативности показателя СОЗ большинство исследований по проблемам здоровья включают вопросы по самооценке в качестве точки отсчета при характеристике различных аспектов здоровья (Журавлёва 2006). Показатели самооценки здоровья и информированности в совокупности с другими показателями позволяют прогнозировать поведение людей в случае формирования групп риска (Здоровье студентов 2014).

Цель данной работы состоит в выявлении уровня самооценки удовлетворенности состоянием своего здоровья лиц в возрасте 60 лет и старше, проживающих в Гродненской области.

Организация исследования и методы

В процессе исследования были решены следующие задачи:

- выполнен анализ методологических подходов к исследованию и измерению СОЗ, разработан инструментарий для исследования в Гродненской области;
- выполнен расчет выборочной совокупности лиц возраста 60 лет и старше, проживающих в Гродненской области, репрезентативно представляющей область в целом, а также репрезентативной для отдельных групп (выделенных по полу и проживанию в городе и сельской местности). Проанализированы данные опроса 1270 человек в возрасте 60 лет и старше, проживающих в Гродненской области (когортное проспективное исследование), в том числе 460 мужчин и 810 женщин, в том числе городское население 846 человек (из них 304 мужчины и 542 женщины) и сельское население — 424 человека (из них 156 мужчин и 268 женщин). Анкетирование проводилось на базе учреждений здравоохранения: ГУЗ «Городская поликлиника № 1 г. Гродно», ГУЗ «Городская поликлиника № 3 г. Гродно», УЗ «Городская клиническая больница № 2 г. Гродно», Сопоткинская горпоселковая больница, Лойковская врачебная амбулатория, Подлабенская врачебная амбулатория, в базах практики УО «Гродненский государственный медицинский университет», таких как УЗ «Лидская ЦРБ», УЗ «Слонимская ЦРБ», УЗ «Островецкая ЦРБ», УЗ «Волковысская ЦРБ», УЗ «Щучинская ЦРБ», УЗ «Мостовская ЦРБ», при содействии Гродненской

областной организации «Белорусское Общество Красный Крест». Каждому опрашиваемому перед началом исследования сообщались правила опроса: анонимность, добровольность участия, оценка данных в обобщенном виде. Сбор данных осуществлялся сплошным методом в период с 06.06.2022 г. по 27.11.2023 г., критерий включения — возраст респондента, критерий исключения — отказ респондента либо невозможность участия в опросе по состоянию здоровья;

- по материалам опроса изучены значения показателя СОЗ и исследовано влияние на него социально-демографических факторов (пол, место жительства, наличие работы, состояние в браке, наличие детей, проживание со своими детьми или отдельно, получение пенсии);
- по опубликованным источникам проведено сопоставление полученных результатов с данными исследований СОЗ, выполненных в Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение

Субъективные оценки здоровья: методология исследований

Несмотря на отмечаемую авторами гетерогенность (Герри, Байдин 2017) и субъективность данного показателя, он был рекомендован для использования экспертами ВОЗ еще в 1996 г. (de Bruin, Picavet, Nossikov 1996). Изначально в рекомендациях ВОЗ 1996 г. предлагалось использовать следующую шкалу для измерения СОЗ: «Аспект „Воспринимаемое здоровье“. Вопрос: „Каково Ваше здоровье в общем?“ Варианты ответа: „Очень хорошее, Хорошее, Удовлетворительное, Плохое, Очень плохое“» (рис. 1) (Герри, Байдин 2017).

Instrument

Perceived health

How is your health in general?

- Very good
- Good
- Fair
- Bad
- Very bad

Рис. 1. Инструментарий для измерения СОЗ в рекомендациях ВОЗ 1996 г.

В дальнейших исследованиях методологические подходы к измерению показателя СОЗ варьировали. Например, Евростат дополнил пять вариантов ответа опциями «Не знаю» и «Без ответа» (рис. 2) (European health interview survey).

HS01 How is your health in general? Is it...		
•	very good	1
•	good	2
•	fair	3
•	bad	4
•	very bad	5
•	don't know	8
•	refusal	9

Рис. 2. Инструментарий для измерения СОЗ Евростата

В работах российских авторов преобладают трехбалльные шкалы: так, в изучении вклада СОЗ в смертность от всех причин и от сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ) среди москвичей 55 лет и старше, С. А. Шальнова, А. Э. Имаева, А. В. Капустина, Г. А. Муромцева, Ю. А. Баланова, В. М. Школьников (2019) предлагали респондентам оценить свое здоровье с выбором вариантов «хорошее, удовлетворительное, плохое» (Самооценка здоровья москвичей 2019). Такая же шкала применялась коллективом авторов МГУ им. М. В. Ломоносова при изучении субъективной оценки здоровья состоящими в браке городскими жителями (Антонов, Карпова, Новоселова 2020) и коллективом ФНИСЦ РАН при изучении здоровья подростков (варианты ответа формулировались как «хорошее, нормальное, плохое») (Здоровье подростков и окружающая среда 2021).

Самооценка здоровья рассматривается как обязательный компонент оценки связанного со здоровьем качества жизни (СЗКЖ, health-related quality of life — HRQOL). Инструменты изучения СЗКЖ различны, соответственно, вопросы, позволяющие получить информацию о самооценке здоровья, также отличаются.

Наиболее широко распространенными инструментами изучения и оценки качества жизни являются опросники SF-36 и WHOQOL (WHOQOL-BREF).

SF-36 состоит из 11 разделов, результаты оценок по которым представляются в баллах по 8 шкалам (Ware, Sherbourne 1992). Шкалы опросника SF-36 следующие: Physical Functioning (PF) — физическое функционирование, отражающее степень, в которой здоровье лимитирует выполнение физических нагрузок (самообслуживание, ходьба,

подъем по лестнице, переноска тяжестей); Role-Physical (RP) — влияние физического состояния на ролевое функционирование (работу, выполнение будничной деятельности); Bodily Pain (BP) — интенсивность боли и ее влияние на способность заниматься повседневной деятельностью, включая работу по дому и вне дома; General Health (GH) — общее состояние здоровья — оценка пациентом своего состояния здоровья в настоящий момент и перспектив лечения; Vitality (VT) — жизнеспособность (подразумевает ощущение себя полным сил и энергии или, напротив, обессиленным); Social Functioning (SF) — социальное функционирование, определяется степенью, в которой физическое или эмоциональное состояние ограничивает социальную активность (общение); Role-Emotional (RE) — влияние эмоционального состояния на ролевое функционирование, предполагает оценку степени, в которой эмоциональное состояние мешает выполнению работы или другой повседневной деятельности (включая увеличение затрат времени, уменьшение объема выполненной работы, снижение качества ее выполнения и т. п.); Mental Health (MH) — самооценка психического здоровья, характеризует настроение (наличие депрессии, тревоги, общий показатель положительных эмоций). Все шкалы опросника объединены в два измерения: физический компонент здоровья (1–4 шкалы) и психический (5–8 шкалы).

SF-36 для анализа самооценки здоровья предлагает шесть вопросов, основанных на 5-балльной шкале: «В целом как бы Вы могли охарактеризовать Ваше здоровье: 1 — отличное, 2 — очень хорошее, 3 — хорошее, 4 — плохое, 5 — очень плохое»; «В сравнении с состоянием Вашего здоровья год назад Ваше здоровье сейчас: 1 — значительно лучше, 2 — немного лучше, 3 — примерно такое же, 4 — немного хуже, 5 — значительно хуже, чем год назад»; четыре вопроса объединены (рис. 3).

WHOQOL-BREF (Skevington, Lotfy, O'Connel 2004, Study protocol for the World Health Organization project 1993, WHOQOL: Measuring Quality of Life), или сокращенный опросник качества жизни ВОЗ (ВОЗКЖ-26) (Russian WHOQOL-BREF), является краткой версией состоящего из 100 вопросов опросника WHOQOL-100. Краткий опросник WHOQOL-BREF включает 26 пунктов, которые оценивают физическое здоровье, психологическое здоровье, социальные отношения и окружающую среду. ВОЗКЖ-26 удобен своей, с одной стороны, краткостью, с другой — осуществляет оценку качества жизни по различным сферам, обеспечивая полноту охвата, а также предполагает активность и субъектность респондентов.

Насколько верным или неверным представляется по отношению к Вам каждое из нижеперечисленных утверждений? (Обведите одну цифру в каждой строке)	Определенно верно	В основном верно	Не знаю	В основном неверно	Определенно неверно
Мне кажется, что я более склонен к болезням, чем другие	1	2	3	4	5
Мое здоровье не хуже, чем у большинства моих знакомых	1	2	3	4	5
Я ожидаю, что мое здоровье ухудшится	1	2	3	4	5
У меня отличное здоровье	1	2	3	4	5

Рис. 3. Методика исследования СОЗ в опроснике ВОЗ SF-36

Вопросы, входящие в опросник ВОЗКЖ-26, позволяют оценить качество жизни в 6 сферах жизни человека: физическая сфера, психологическая сфера, независимость, социальная активность, окружающая среда и духовность. Состав профилей универсален, емко и не нуждается в адаптации для целевой возрастной группы. Кроме того, качество жизни можно оценить и интегрально.

WHOQOL-100 для самооценки здоровья предлагает следующие два вопроса: «Насколько Вы удовлетворены Вашим здоровьем? 1 — совершенно не удовлетворен; 2 — не удовлетворен, 3 — ни удовлетворен, ни не удовлетворен, 4 — удовлетворен, 5 — абсолютно удовлетворен», «Какое у Вас здоровье? 1 — очень плохое, 2 — плохое, 3 — ни плохое, ни хорошее, 4 — хорошее, 5 — очень хорошее», WHOQOL-BREF (ВОЗКЖ-26) содержит только первый из двух представленных выше вопросов.

Следует отметить, что не всегда вербальная формулировка ответов является достаточно четко понимаемой респондентами. Для того чтобы повысить объективность данных, возможно применение цифровых или визуальных шкал. Например, вопрос может быть сформулирован следующим образом: «Оцените, пожалуйста, состояние Вашего здоровья по 10-балльной шкале (от позиции 10: „отличное“ до позиции 1: „очень плохое“, где 5 — средний уровень): 1..2..3..4..5..6..7..8..9..10». Впоследствии 10-балльная шкала может быть переведена в 5-балльную путем объединения позиций: 1 + 2, 3 + 4, 5 + 6, 7 + 8, 9 + 10 соответственно, и даже в наиболее

простую для анализа — 3-балльную, путем объединения позиций: 1 + 2 + 3 + 4 («плохое»), 5 + 6 + 7 («удовлетворительное»), 8 + 9 + 10 («хорошее»). К группе также распространенных общих опросников СЗКЖ можно отнести опросник EQ-5D (EuroQoL — группа опросников) — анкету, состоящую из пяти блоков вопросов о субъективных ощущениях физического и психического здоровья человека (EQ-5D-3L), отличающуюся тем, что, наряду с аналоговыми, респонденту предлагаются и визуальные шкалы. Опросник EQ-5D используется для измерения состояния здоровья пациентов, предоставления доказательств эффективности затрат и опросов популяции с целью изучения здоровья населения. Основными преимуществами использования EQ-5D, в отличие от других общих опросников качества жизни, является то, что итоговые данные представляют собой единую балльную оценку здоровья респондента. Этот опросник универсально используется как для расширенных опросов населения, так и для специфических групп. Существует несколько модификаций инструментария, некоторые в настоящее время находятся в разработке и совершенствуются.

Существуют и адаптированные русскоязычные версии. Так, Международный центр экономики, управления и политики в области здоровья НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, в фокус-группах провел тестирование различных инструментов оценки качества жизни с использованием опросника EQ-5D. По результатам тестирования стало ясно, что в официальной русской версии EQ-5D-3L есть лингвистические и логические несоответствия. Посредством дальнейших консультаций с двумя сертифицированными англо-русскими переводчиками и представителями EuroQoL группы центр внес изменения в формулировки русскоязычной версии анкеты, сделав их максимально близкими к лингвистическому варианту официального инструмента EQ-5D-3L. Центр первым в России адаптировал анкету EQ-5D-3L с учетом национальных особенностей языка и получил одобрение на разработанный вариант русской версии опросника от EuroQoL группы (Анкета EQ-5D-3L). Однако использование данного инструментария требует регистрации на портале EuroQoL.

По результатам анализа представленных выше методик в данном исследовании было принято решение использовать опросник ВОЗКЖ-26 — стандартизированную русскоязычную версию опросника ВОЗ WHOQOL-BREF, не имеющую заявленных рекламаций, зарекомендовавшую себя как инструментарий с положительным опытом использования.

**Результаты самооценки здоровья лицами возраста 60+,
проживающими в Гродненской области
Республики Беларусь**

На вопрос «Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?» ответы распределились следующим образом (рис. 1). Большинство респондентов (39,45%, 95% ДИ = 35,98; 43,03%) выбрали вариант «3» пятибалльной шкалы (от «очень не удовлетворен», или 1, до «очень удовлетворен», или 5). Доли «неудовлетворенных» (варианты 1 и 2 в сумме) и «удовлетворенных» (варианты 4, 5 в сумме) составили 27,64 и 32,91% соответственно, различались статистически значимо ($\chi^2 = 4,48, p = 0,0342$).

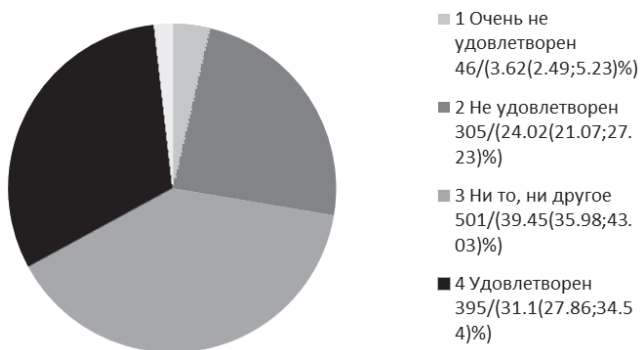

Рис. 4. Самооценка удовлетворенности состоянием своего здоровья лицами возраста 60 лет и старше, проживающими в Гродненской области ($N = 1270$ чел.): абсолютные значения (чел.), доля от выборочной совокупности (%), 95% ДИ

Таким образом, можно выделить три четких ранговых места в структуре ответов, которые соответствуют следующим баллам оценки удовлетворенности собственным здоровьем по пятибалльной шкале: первое место — ответ «3 балла», второе — 4–5, третье — 1–2 балла соответственно.

Анализ данного показателя в зависимости от пола выявил (табл. 1), что структура ответов у мужчин и женщин примерно одинакова. Сравнение групп по экстенсивным показателям с расчетом критерия χ^2 выявило, что гендерные различия в структуре ответов статистически незначимы.

Таблица 1

**Распределение ответов
«Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?»
в зависимости от пола**

Пол респон- дента	Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья? (чел. /95% ДИ)					Всего, чел. /%
	Очень не удовлетво- рен	Не удов- летворен	Ни то, ни другое	Удовле- творен	Очень удовлетво- рен	
Муж- ской	<u>13</u> 2,83 (1,41; 5,58)%	<u>100</u> 21,74 (17,21; 27,08)%	<u>202</u> 43,91 (38,08; 49,92)%	<u>140</u> 30,43 (25,22; 36,21)%	<u>5</u> 1,09 (0,36; 3,2)%	<u>460</u> (100%)
Жен- ский	<u>33</u> 4,07 (2,63; 6,27)%	<u>205</u> 25,31 (21,59; 29,43)%	<u>299</u> 36,91 (32,67; 41,37)%	<u>255</u> 31,48 (27,44; 35,82)%	<u>18</u> 2,22 (1,23; 3,99)%	<u>810</u> (100%)

При анализе показателя «Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?» в зависимости от места проживания установлено, что статистических различий в распределении ответов не наблюдается (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов
«Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?»
в зависимости от места проживания**

Место жители- ства	Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья? (чел. /95% ДИ)					Всего, чел. /%
	Очень не удовлетво- рен	Не удов- летворен	Ни то, ни другое	Удовле- творен	Очень удовлетво- рен	
Город	<u>31</u> 3,66 (2,33; 5,72)%	<u>201</u> 23,76 (20,2; 27,72)%	<u>341</u> 40,31 (36,06; 44,71)%	<u>260</u> 30,73 (26,81; 34,96)%	<u>13</u> 1,54 (0,77; 3,06)%	<u>846</u> (100%)
Село	<u>15</u> 3,54 (1,85; 6,66)%	<u>104</u> 24,53 (19,57; 30,28)%	<u>160</u> 37,74 (31,91; 43,94)%	<u>135</u> 31,84 (26,33; 37,91)%	<u>10</u> 2,36 (1,07; 5,11)%	<u>424</u> (100%)

Анализ показателя «Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?» в зависимости от того, работает опрашиваемый или

нет, показал, что различия значимы для вариантов «Не удовлетворен» (доля выбравших данный вариант ответа у работающих значимо ниже, $\chi^2 = 14,57$, $p = 0,0001$) и «Удовлетворен» (доля выбравших данный вариант ответа у работающих значимо выше, $\chi^2 = 16,07$, $p = 0,0001$), по полярным вариантам ответа («Очень не удовлетворен» и «Очень удовлетворен» соответственно) различия близки к статистически значимым; по ответу «Ни то, ни другое» различия отсутствуют (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов
«Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?»
в зависимости от того, работает опрошиваемый или нет

Работаете ли Вы?	Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья? (чел./95% ДИ)					Всего, чел./%
	Очень не удовлетворен	Не удовлетворен	Ни то, ни другое	Удовлетворен	Очень удовлетворен	
Да (группа 1)	9 2,13 (0,93; 4,82)%	67 15,88 (11,83; 20,98)%	159 37,68 (31,84; 43,9)%	175 41,47 (35,47; 47,73)%	12 2,84 (1,38; 5,77)%	422 (100%)
Нет (группа 2)	37 4,36 (2,88; 6,55)%	238 28,07 (24,27; 32,2)%	342 40,33 (36,08; 44,73)%	220 25,94 (22,26; 30)%	11 1,3 (0,61; 2,74)%	848 (100%)
Различия между группами	$\chi^2 = 3,76$, $p = 0,05$	$\chi^2 = 14,57$, $p = 0,0001$	Нет статистически значимых различий	$\chi^2 = 16,07$, $p = 0,0001$	$\chi^2 = 3,64$, $p = 0,06$	—

Анализ показателя «Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?» в зависимости от состояния в браке показал, что у состоящих в браке доля тех, кто выбирает ответ «Очень не удовлетворен», значимо ниже, а доля тех, кто выбирает вариант «Удовлетворен», — значимо выше; по остальным вариантам ответа различия не подтверждаются статистически (табл. 4).

Анализ показателя «Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?» в зависимости от наличия у респондентов детей показал, что чаще те, у кого имеются дети, указывали ответы «...» (... и «...» (... человек...%)).

Таблица 4

**Распределение ответов
«Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?»
в зависимости от состояния в браке**

Со- стоите ли Вы в браке?	Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья? (чел. / 95% ДИ)					Всего, чел. / %
	Очень не удовлетво- рен	Не удов- летворен	Ни то, ни другое	Удовле- творен	Очень удовлетво- рен	
Да (группа 1)	26 2,83 (1,72; 4,61)%	213 23,15 (19,77; 26,92)%	362 39,35 (35,29; 43,56)%	306 33,26 (29,39; 37,37)%	13 1,41 (0,7; 2,82)%	920 (100%)
Нет (группа 2)	20 5,71 (3,27; 9,81)%	92 26,29 (20,71; 32,75)%	139 39,71 (33,23; 46,58)%	89 25,43 (19,93; 31,84)%	10 2,86 (1,3; 6,17)%	350 (100%)
Различия между группами	$\chi^2 = 5,57$, $p = 0,0183$	Нет стати- стически значимых различий	Нет стати- стически значимых различий	$\chi^2 = 3,92$, $p = 0,0477$	Нет стати- стически значимых различий	—

Наличие детей оказалось значимым для выбора полярных вариантов ответов: те респонденты, у кого детей нет, несколько чаще выбирали вариант ответа «Очень не удовлетворен» ($\chi^2 = 3,47$, $p = 0,0626$) и значимо реже — вариант «Очень удовлетворен» ($\chi^2 = 13,06$, $p = 0,0003$) (табл. 5).

Таким образом, доля респондентов, оценивающих удовлетворенность состоянием своего здоровья на высший балл, среди лиц, имеющих детей, в сравнении с не имеющими значимо выше.

Анализ показателя «Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?» в зависимости от проживания совместно либо раздельно со своими детьми показал, что данный фактор не влияет статистически значимо на распределение структуры ответов (табл. 6).

Анализ показателя «Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?» в зависимости от получения пенсии выявил, что респонденты, не получающие пенсии, чаще по отношению к другим группам выбирают ответ «Очень удовлетворен». Очевидно, что в группе преобладают лица трудоспособного возраста и структура ответов определена данным фактором.

Таблица 5

**Распределение ответов
«Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?»
в зависимости от наличия детей**

Есть ли у Вас дети?	Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья? (чел./95% ДИ)					Всего, чел./%
	Очень не удовлетворен	Не удовлетворен	Ни то, ни другое	Удовлетворен	Очень удовлетворен	
Да (группа 1)	$\frac{37}{3,27}$ (2,15; 4,92)%	$\frac{274}{24,18}$ (21,06; 27,6)%	$\frac{443}{39,1}$ (35,44; 42,89)%	$\frac{364}{32,13}$ (28,67; 35,8)%	$\frac{15}{1,32}$ (0,69; 2,52)%	$\frac{1133}{(100\%)}$
Нет (группа 2)	$\frac{9}{6,57}$ (2,89; 14,27)%	$\frac{31}{22,63}$ (14,81; 32,97)%	$\frac{58}{42,34}$ (32,06; 53,31)%	$\frac{31}{22,63}$ (14,81; 32,97)%	$\frac{8}{5,84}$ (2,44; 13,32)%	$\frac{137}{(100\%)}$
Различия между группами	$\chi^2 = 3,47$, $p = 0,0626$	Нет статистически значимых различий	Нет статистически значимых различий	Нет статистически значимых различий	$\chi^2 = 13,06$, $p = 0,0003$	—

Таблица 6

**Распределение ответов
«Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?»
в зависимости от проживания со своими детьми**

Вы проживаете вместе со своими детьми?	Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья? (чел./95% ДИ)					Всего, чел./%
	Очень не удовлетворен	Не удовлетворен	Ни то, ни другое	Удовлетворен	Очень удовлетворен	
Да	$\frac{13}{5,7}$ (2,86; 11,05)%	$\frac{52}{22,81}$ (16,48; 30,67)%	$\frac{87}{38,16}$ (30,32; 46,67)%	$\frac{71}{31,14}$ (23,87; 39,48)%	$\frac{5}{2,19}$ (0,74; 6,35)%	$\frac{228}{(100\%)}$
Нет	$\frac{33}{3,17}$ (2,04; 4,89)%	$\frac{253}{24,28}$ (21,03; 27,86)%	$\frac{414}{39,73}$ (35,9; 43,69)%	$\frac{324}{31,09}$ (27,53; 34,9)%	$\frac{18}{1,73}$ (0,95; 3,11)%	$\frac{1042}{(100\%)}$

У респондентов, получающих пенсию по инвалидности, доля тех, кто выбрал варианты «Очень не удовлетворен» или «Не удовлетворен», статистически значительно превышала таковые в других группах (в том числе в сравнении с получающими пенсию по возрасту), а доля респондентов, выбравших ответ «Удовлетворен», являлась статистически значимой на самом низком уровне (табл. 7).

Таблица 7

**Распределение ответов
«Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?»
в зависимости от получения пенсии**

Получа- ете ли Вы пен- сию?	Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья? (чел. / 95% ДИ)					Всего, чел. / %
	Очень не удовлетво- рен	Не удов- летворен	Ни то, ни другое	Удовле- творен	Очень удовлетво- рен	
Нет (группа 1)	$\frac{3}{2,14}$ (0,54; 8,07)%	$\frac{24}{17,14 (10,48; 26,78)\%}$	$\frac{55}{39,29 (29,37; 50,17)\%}$	$\frac{51}{36,43 (26,79; 47,3)\%}$	$\frac{7}{5}$ (1,97; 12,1)%	$\frac{140}{(100\%)}$
Да, по возрасту (группа 2)	$\frac{35}{3,42}$ (2,23; 5,21)%	$\frac{236}{23,05 (19,84; 26,6)\%}$	$\frac{408}{39,84 (35,98; 43,84)\%}$	$\frac{330}{32,23 (28,59; 36,09)\%}$	$\frac{15}{1,46}$ (0,76; 2,79)%	$\frac{1024}{(100\%)}$
Различия между группами 1 и 2	Нет стати- стически значимых различий	Нет стати- стически значимых различий	Нет стати- стически значимых различий	Нет стати- стически значимых различий	$\chi^2 = 7,79$ $p = 0,0053$	—
Да, по инвалид- ности (группа 3)	$\frac{8}{7,55}$ (3,17; 16,93)%	$\frac{45}{42,45 (30,89; 54,9)\%}$	$\frac{38}{35,85 (25,01; 48,35)\%}$	$\frac{14}{13,21 (6,88; 23,87)\%}$	$\frac{1}{0,94}$ (0,11; 7,56)%	$\frac{106}{(100\%)}$
Различия между группами 2 и 3	$\chi^2 = 4,02$, $p = 0,0451$	$\chi^2 = 10,36$, $p = 0,0013$	Нет стати- стически значимых различий	$\chi^2 = 9,95$, $p = 0,0016$	Нет стати- стически значимых различий	—

Для того, чтобы выявить особенности в социально-демографическом портрете респондентов, различающихся в оценках состояния своего здоровья, они были разделены на две группы: первая группа — те, кто

отметил позиции «очень не удовлетворен» и «неудовлетворен»; вторая группа — те, кто отметил «ни то, ни другое», «удовлетворен», «очень удовлетворен» (табл. 8).

Таблица 8

Социально-демографический портрет респондентов, отметивших «Удовлетворен» и «Очень удовлетворен» на шкале удовлетворенности состоянием своего здоровья (группа 1) и отметивших «Ни то, ни другое», «Не удовлетворен» или «Очень не удовлетворен» на шкале удовлетворенности состоянием своего здоровья (группа 2)

Социально-демографические характеристики		Удовлетворенность состоянием своего здоровья (чел./95% ДИ)		Наличие различий ($p < 0,05$) между группами 1 и 2
		группа 1	группа 2	
Пол	Муж	145 34,69 (30,28; 39,37)%	315 36,97 (33,8; 40,26)%	Нет
	Жен	273 65,31 (60,63; 69,72)%	537 63,03 (59,74; 66,2)%	Нет
Проживание	Город	273 65,31 (60,63; 69,72)%	573 67,25 (64,03; 70,32)%	Нет
	Село	145 34,69 (30,28; 39,37)%	279 32,75 (29,68; 35,97)%	Нет
Наличие работы	Работает	187 44,74 (40,04; 49,53)%	235 27,58 (24,69; 30,68)%	$\chi^2 = 17,92$, $p = 0,0000$
	Не работает	231 55,26 (50,47; 59,96)%	617 72,42 (69,32; 75,31)%	$\chi^2 = 7,70$, $p = 0,0055$
Состояние в браке	Состоят	319 76,32 (72,01; 80,14)%	601 70,54 (67,39; 73,5)%	Нет
	Не состоят	99 23,68 (19,86; 27,99)%	251 29,46 (26,5; 32,61)%	Нет
Наличие детей	Есть дети	379 90,67 (87,5; 93,1)%	754 88,5 (86,18; 90,47)%	Нет
	Нет детей	39 9,33 (6,9; 12,5)%	98 11,5 (9,53; 13,82)%	Нет

Таблица 8 (окончание)

Социально-демографические характеристики		Удовлетворенность состоянием своего здоровья (чел./ 95% ДИ)		Наличие различий ($p < 0,05$) между группами 1 и 2
		группа 1	группа 2	
Проживание с детьми	Прожив. с детьми	76 18,18 (14,78; 22,16)%	152 17,84 (15,42; 20,55)%	Нет
	Не прож. с детьми	342 81,82 (77,84; 85,22)%	700 82,16 (79,45; 84,58)%	Нет
Получение пенсии	Не получ. пенсию	58 13,88 (10,31; 18,41)%	82 9,62 (7,47; 12,32)%	$\chi^2 = 4,09$, $p = 0,00432$
	Пол. пен. по возрасту	345 82,54 (77,66; 86,53)%	679 79,69 (76,2; 82,79)%	Нет
	Пол. пен. по инвал.	15 3,59 (1,96; 6,47)%	91 10,68 (8,41; 13,48)%	$\chi^2 = 15,97$, $p = 0,0001$
	Всего	418	852	1270

Сравнение групп по экстенсивным показателям выявляет, что группы статистически значимо отличаются друг от друга: так, у «удовлетворенных здоровьем» (группа 1) респондентов доля работающих и не получающих пенсию значимо выше, чем в группе «неудовлетворенных», где, в свою очередь, значимо выше доля получающих пенсию по инвалидности. Очевидно, что наличие инвалидности является следствием нарушения состояния здоровья, а наличие работы и отсутствие пенсии по возрасту свидетельствуют о более молодом возрасте респондента, что объективно способствует более высокой удовлетворенности состоянием своего здоровья. Иные социально-демографические факторы не демонстрировали значимого влияния.

Влияние социально-демографических факторов на показатель СОЗ в иных популяциях

Доказано, что на качество жизни (его интегральный показатель) и на самооценку здоровья может влиять ряд факторов. При этом сила и направленность влияния различна и может изменяться, при этом взаимосвязь между самооценкой здоровья и качеством жизни сохраняется. Наибольшее влияние имеют такие факторы, как пол, возраст, семейное положение, социальный статус, наличие специальных медицинских знаний и другие.

Если в 1990-х — в начале 2000-х гг. доля позитивных оценок у мужчин в исследованиях в России была в 1,7–2 раза выше, чем у женщин, то к 2015–2018 гг. эта разница сократилась до 1,4–1,5 раза. Анализ данных RLMSHSE по возрастному срезу выявил привычную для аналогичных исследований картину ухудшения показателей здоровья с возрастом. В самых старших возрастных когортах эта тенденция получает ускоренное развитие, свидетельствующее о нарастании темпов ухудшения здоровья после преодоления россиянами 60-летнего рубежа. Доля лиц, оценивающих собственное здоровье как хорошее или очень хорошее, снижается среди 60–69-летних респондентов до 9,7%, а среди респондентов в возрасте 70 лет и старше — до 4%, тогда как доля воспринимающих свое здоровье как плохое или совсем плохое вырастает, соответственно, до 23,3 и 49,0% (Козырева, Смирнов 2020).

Важное значение в формировании качества жизни имеет такой фактор, как физическая активность. Установлено, что спорт способствует созданию уверенности в себе, веры в свои силы, высокому уровню самовосприятия такой характеристики качества жизни, как Vitality (VT) — жизнеспособность (Żukowski 2008). Вместе с тем существуют концепции, как показывающие положительное влияние активного образа жизни на самооценку здоровья (Fox, Corbin 1989), так и иллюстрирующие отсутствие прямой зависимости между уровнем физической активности и самооценкой здоровья, при этом связь между уровнем качества жизни и самооценкой здоровья сохраняется (Gruszczyńska, Skorupa 2018).

При исследованиях самооценки здоровья у москвичей в возрасте 55 лет и старше было выявлено, что лишь 10% респондентов оценивали свое здоровье как хорошее. Распространенность плохой СОЗ составляла 18,6%. Причем с возрастом плохая СОЗ увеличивалась не только за счет уменьшения «хорошего здоровья», но и за счет уменьшения частоты удовлетворительной СОЗ. СОЗ значимо чаще регистрировалась у женщин и у лиц с низким уровнем образования. При проведении многофакторного анализа после поправки на пол, возраст, образование и семейное положение с плохой СОЗ достоверно ассоциировались артериальная гипертония, курение, повышенный вч-СРБ, высокий гликированный гемоглобин и ожирение. В то же время анализ смертности показал, что плохая СОЗ является независимым предиктором смерти у лиц пожилого возраста даже при наличии ССЗ, курения и других факторов риска (Самооценка здоровья москвичей 2019).

Отмечается феномен систематических различий при ответах на вопрос о самооценке здоровья для разных групп респондентов

(«гетерогенность ответов»). Наличие данного феномена нашло подтверждение и в ходе анализа ответов при оценке состояния своего здоровья россиянами. П. М. Козырева, А. И. Смирнов отмечают, что завышение оценок своего здоровья пожилыми респондентами по сравнению с другими возрастными группами выступает одним из наиболее наглядных примеров существования гетерогенности при самооценке здоровья (Козырева, Смирнов 2020). Предполагается, что с возрастом люди привыкают игнорировать свои проблемы со здоровьем и адаптируются к хроническим заболеваниям. Другая объясняющая гипотеза заключается в том, что старики, которым удалось дожить до преклонного возраста, начинают преувеличивать возможности своего здоровья (Канева, Байдин 2018).

М. А. Канева, В. М. Байдин отмечают, что одним из факторов, существенно повышающих субъективную оценку здоровья пенсионеров, является наличие у них возможности трудиться после достижения пенсионного возраста. Так, в 2018 г. среди работающих женщин в возрасте от 55 до 65 лет доля лиц с позитивной оценкой своего здоровья была более чем в 1,5 раза больше (15,6 против 9,8%), тогда как доля лиц с негативной самооценкой здоровья почти в 2,5 раза меньше (10,4 против 25,2%), чем среди неработающих женщин этого же возраста. Аналогичная картина наблюдалась и в когорте мужчин 60–69-летнего возраста, где разница между работающими и неработающими по доле позитивных самооценок здоровья достигала 2 раз (22,8 против 11,1%), а по доле негативных самооценок — 2,5 раза, но в противоположную сторону (10,5 против 27%). При этом во всех старших возрастных когортах работающие заметно опережали неработающих по средней оценке воспринимаемого здоровья (50–59 лет: 3,02 против 2,80; 60–69 лет: 2,98 против 2,76; 70 лет и более: 2,73 против 2,44) (Канева, Байдин 2018).

Сопоставимость результатов в данном и опубликованных исследованиях не может быть абсолютной в силу различий в инструментариях. Вместе с тем (при наличии ответа «Ни то, ни другое») респонденты, ответившие «Удовлетворен» или «Очень удовлетворен» на вопрос о самооценке удовлетворенности состоянием собственного здоровья, очевидно, не могут одновременно оценивать свое здоровье как «плохое», а респонденты, ответившие «Не удовлетворен» или «Очень не удовлетворен», не могут оценивать его как «хорошее». В этой связи выявленные нами доли «не удовлетворенных» (варианты 1 и 2 в сумме) и «удовлетворенных» (варианты 4, 5 в сумме), которые составили 27,64 и 32,91% соответственно, иллюстрируют, что плохие самооценки

здоровья коррелируют с таковыми в иных популяциях данной возрастной группы, доля же хороших самооценок значительно превышает соответствующие показатели для россиян.

Выводы

Наиболее методически правильной в части оценки респондентами старших возрастных групп субъективных ощущений относительно своего здоровья, а также релевантной применительно к цели работы, была признана методика ВОЗЖ-26 — стандартизированная русскоязычная версия WHOQOL-BREF, которая не имеет заявленных рекламаций, зарекомендовала себя как инструмент с положительным опытом использования.

На вопрос «Насколько Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?» большинство респондентов (39,45%, 95% ДИ = 35,98; 43,03%) выбрали вариант «3» пятибалльной шкалы. Выделяются три четких ранговых места ($p < 0,05$) в структуре ответов, которые соответствуют следующим баллам оценки удовлетворенности собственным здоровьем по пятибалльной шкале: первое место соответствует варианту ответа «3 балла», второе — «4–5 баллов», третье — «1–2 балла» соответственно. Структура ответов неизменна в зависимости от пола респондента, проживания в городе или селе, а первое ранговое место не меняется и в зависимости от иных факторов, таких как наличие у респондента работы, состояния в браке, наличия детей, проживания с ними отдельно или совместно. Только в группе респондентов, получающих пенсию по инвалидности, структура ответов иная: преобладают низкие (1–2) баллы оценки удовлетворенности собственным здоровьем, доли тех, кто выбрал варианты «Очень не удовлетворен» или «Не удовлетворен», статистически значимо превышают таковые в других группах (в том числе включая получающих пенсию по возрасту), а доля респондентов, выбравших ответ «Удовлетворен», является статистически значимой на самом низком уровне.

Наличие работы значимо для выбора вариантов «Не удовлетворен» (доля выбравших данный вариант ответа у работающих значимо ниже, $\chi^2 = 14,57$, $p = 0,0001$) и «Удовлетворен» (доля выбравших данный вариант ответа у работающих значимо выше, $\chi^2 = 16,07$, $p = 0,0001$). У состоящих в браке доля выбравших ответ «Полностью не удовлетворен» значимо ниже ($\chi^2 = 5,57$, $p = 0,0183$), а доля тех, кто выбирает вариант «Удовлетворен», — значимо выше ($\chi^2 = 3,92$, $p = 0,0477$) в сравнении с респондентами, в браке не состоящими. Наличие у респондента

детей оказало влияние на выбор полярных вариантов ответа (1 и 5 по пятибалльной шкале соответственно): доля респондентов, оценивающих удовлетворенность состоянием своего здоровья на высший балл, среди лиц, имеющих детей, в сравнении с не имеющими значимо выше ($\chi^2 = 13,06$, $p = 0,0003$), при этом совместное или раздельное проживание со своими детьми оказалось незначимо.

Заключение

Изученная посредством ВОЗКЖ-26 удовлетворенность собственным здоровьем лиц возраста 60 лет и старше, проживающих в Гродненской области, выявляет значительную устойчивость к социально-демографическим факторам. Выделяются три четких ранговых места ($p < 0,05$) в структуре ответов, которые соответствуют следующим баллам оценки удовлетворенности собственным здоровьем по пятибалльной шкале: первое место соответствует варианту ответа «3 балла». Респонденты незначимо чаще (52,44%) оценивают удовлетворенность собственным здоровьем как соответствующую позициям средней и ниже средней (1–3 балла).

Сопоставление с результатами исследований российской популяции лиц старших возрастных групп показало, что плохие самооценки здоровья коррелируют с таковыми в иных популяциях для данной возрастной группы, доля же хороших самооценок у населения Гродненской области значительно превышает соответствующие показатели для россиян.

Источники

Анкета EQ-5D-3 (русская версия) // Международный центр управления и политики в области здравоохранения НИУ ВШЭ: [сайт]. — URL: <https://spb.hse.ru/scem/chemp/healthoutcomes/EQ-5D-3L> (дата обращения: 19.05.2024).

Антонов А. И., Карпова В. М., Новоселова Е. Н. Здоровье в субъективных оценках состоящих в браке городских жителей // Социальные аспекты здоровья населения. — 2020. — Т. 66, № 6. — С. 1–7. — DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-6-7.

Герри К. Д., Байдин В. М. Источники искажений в самооценке здоровья // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. — 2017. — Т. 10, № 4. — С. 31–36. — DOI: 10.17749/2070-4909.2017.10.4.031-036.

Журавлёва И. В. Отношение к здоровью индивида и общества / Ин-т социологии РАН. — М.: Наука, 2006. — 238 с.

Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет: монография / И. В. Журавлева, Л. Ю. Иванова, Г. А. Ивахненко [и др.]. — М.: ФНИСЦ РАН, 2021. — 309 с.

Здоровье студентов: социологический анализ: монография / Т. С. Болховитина, Е. В. Карпенко, М. Ю. Сурмач [и др.]. — М.: ИНФРА-М, 2014. — 272 с.

Канева М. А., Байдин В. М. Гетерогенность ответов при самооценке здоровья россиян // Прикладная эконометрика. — 2018. — № 3 (51). — С. 102–125.

Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. — 2020. — № 4. — С. 70–81.

Самооценка здоровья москвичей 55 лет и старше, традиционные факторы риска и их прогностическое значение / С. А. Шальнова, А. Э. Имаева, А. В. Капустина [и др.] // Российский кардиологический журнал. — 2019. — Т. 24, № 6. — С. 27–33. — DOI: 10.15829/1560-4071-2019-6-27-33.

Bombak A. E. Self-Rated Health and Public Health: A Critical Perspective // Front Public Health. — 2013. — No. 1. — P. 15. — DOI: 10.3389/fpubh.2013.00015.

Self-reported health and adult mortality risk: an analysis of cause-specific mortality / M. R. Benjamins, R. A. Hummer, I. W. Eberstein [et al.] // Soc Sci Med. — 2004. — Vol. 59, no. 6. — P. 1297–1306. — DOI: 10.1016/j.socscimed.2003.01.001.

Bruin A. de, Picavet H. S., Nossikov A. Health interview surveys: towards international harmonization of methods and instruments // WHO Reg Publ Eur Ser. — 1996. — Vol. 58. — P. 1–161.

Dziankowska-Zaborszczyk E., Ciabiada B., Maniecka-Bryla I. Samoocena stanu zdrowia jako predyktor umieralności przedwczesnej // Probl Hig Epidemiol. — 2014. — Vol. 95, no. 4. — P. 866–870.

European health interview survey (EHIS) [Electronic resource]. — URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/microdata/european-health-interview-survey> (access date: 30.05.2024).

Fox K. R., Corbin C. B. The Physical Self-Perception Profile: development and preliminary validation // J. Sport Exercise Psy. — 1989. — Vol. 11, no. 4. — P. 408–430. — DOI: 10.1123/JSEP.11.4.408.

Gruszczyńska M., Skorupa P. Aktywność fizyczna a jakość życia i samoocena // Probl Hig Epidemiol. — 2018. — Vol. 99, no. 1. — P. 69–73.

EQ-5D-3L [Electronic resource]. — URL: <https://euroqol.org/information-and-support/euroqol-instruments/eq-5d-3l/> (access date: 30.05.2024).

Russian_WHOQOL-BREF. [Electronic resource]. — URL: <https://www.who.int/tools/whoqol/whoqol-bref/docs/default-source/publishing-policies/whoqol-bref/russian-whoqol-bref> (access date: 30.05.2024).

Skevington S. M., Lotfy M., O'Connel K. A. The World Health Organization's WHOQOL-BREF quality of life assessment: psychometric properties and results of the international field trial. A report from the WHOQOL group // Quality of Life Research. — 2004. — Vol. 13, no. 2. — P. 299–310. — DOI: 10.1023/B:QURE.0000018486.91360.00.

Social determinants of health [Electronic resource]. — URL: https://www.who.int/health-topics/social-determinants-of-health#tab=tab_1 (access date: 30.05.2024).

The relationship between self-rated health and objective health status: a population-based study / S. Wu, R. Wang, Y. Zhao [et al.] // *BMC Public Health*. — 2013. — Vol. 13. — P. 320. — DOI: 10.1186/1471-2458-13-320.

Ware J. E. Jr., Sherbourne C. D. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection // *Med Care*. — 1992. — Vol. 30, no. 6. — P. 473–483.

Study protocol for the World Health Organization project to develop a Quality of Life assessment instrument (WHOQOL) // *Qual Life Res*. — 1993. — Vol. 2, no 2. — P. 153–159.

WHOQOL: Measuring Quality of Life [Electronic resource]. — URL: <https://www.who.int/tools/whoqol/whoqol-bref> (access date: 30.05.2024).

Żukowski R. Edukacyjne i wychowawcze wartości sportu w refleksji pedagogicznej i w ocenie młodzieży // *Kultura fizyczna i zdrowotna współczesnego człowieka — teoretyczne podstawy i praktyczne implikacje*. — Łódź, UŁ., 2008. — P. 24–33.

References

Anketa EQ-5D-3 (russkaja versija). Mezhdunarodnyj centr upravlenija i politiki v oblasti zdavoohraneniya NIU VShJe (russkaja versija): [web-site]. URL: <https://spb.hse.ru/scem/chemp/healthoutcomes/EQ-5D-3L> (access date: 19.05.2024. (In Russ.)

Antonov A., Karpova V., Novoselova E. Health in the subjective assessments of married urban residents. *Social Aspects of Population Health*. 2020, vol. 66, no. 6, pp. 1–7. DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-6-7. (In Russ.)

Gerry Ch. J., Baidin V. M. Sources of bias in self-assessed health. *Farmakojekonomika. Sovremennaja farmakojekonomika i farmakojepidemiologija*. 2017, vol. 10, no. 4, pp. 31–36. DOI: 10.17749/2070-4909.2017.10.4.031-036. (In Russ.)

Zhuravl'jova I. V. *Otnoshenie k zdorov'ju individa i obshhestva* [Attitude to the health of the individual and society]. Moscow, Nauka, 2006, 238 p. (In Russ.)

Zhuravleva I. V., Ivanova L. Ju., Ivahnenko G. A., Lakomova N. V., Reznikova T. P. *Zdorov'e podrostkov i okruzhajushhaja sreda: izmeneniya za 20 let: monografija*. [Adolescent health and the environment: changes in 20 years]. Moscow, FNIS RAN, 2021, 309 p. (In Russ.)

Bolhovitina T. S., Karpenko E. V., Surmach M. Ju. *Zdorov'e studentov: sociologicheskij analiz: monografija*. [Student health: a sociological analysis]. Moscow, INFRA-M, 2014, 272 p. (In Russ.)

Kaneva M., Baidin V. Heterogeneity in reporting self-assessed health of the Russians. *Prikladnaja jekonometrika*, 2018, no. 3 (51), pp. 102–125. (In Russ.)

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Dinamika samoocenok zdorov'ja rossijan: aktual'nye trendy postsovetskogo perioda [Dynamics of Russians' self-assessment of health: current trends of the post-Soviet period]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2020, no. 4, pp. 70–81. (In Russ.)

Shalnova S. A., Imaeva A. E., Kapustina A. V., Muromtseva G. A., Balanova Yu. A., Shkolnikov V. M. Samoocenka zdorov'ja moskvichej 55 let i starshe, tradicionnye faktory riska i ih prognosticheskoe znachenie [Health self-esteem of 55 years and older muscovites, traditional risk factors and their prognostic value]. *Russian Journal of Cardiology*, 2019, vol. 24, no. 6, pp. 27–33. DOI: 10.15829/1560-4071-2019-6-27-33. (In Russ.)

Bombak A. E. Self-Rated Health and Public Health: A Critical Perspective. *Front Public Health*, 2013, no. 1, p. 15. DOI: 10.3389/fpubh.2013.00015.

Benjamins M. R., Hummer R. A., Eberstein I. W., Nam C. B. Self-reported health and adult mortality risk: an analysis of cause-specific mortality. *Soc Sci Med*, 2004, vol. 59, no. 6, pp. 1297–1306. DOI: 10.1016/j.socscimed.2003.01.001.

Bruin A. de, Picavet H. S., Nossikov A. Health interview surveys: towards international harmonization of methods and instruments. *WHO Reg Publ Eur Ser*, 1996, vol. 58, pp. 1–161.

Dzianowska-Zaborszczyk E., Ciabiada B., Maniecka-Bryła I. Samoocena stanu zdrowia jako predyktor umieralności przedwczesnej. *Probl Hig Epidemiol*, 2014, vol. 95, no. 4, pp. 866–870.

European health interview survey (EHIS). URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/microdata/european-health-interview-survey> (access date: 30.05.2024).

Fox K. R., Corbin C. B. The Physical Self-Perception Profile: development and preliminary validation. *J. Sport Exercise Psy*, 1989, vol. 11, no. 4, pp. 408–430. DOI:10.1123/JSEP.11.4.408

Gruszczyńska M., Skorupa P. Aktywność fizyczna a jakość życia i samoocena. *Probl Hig Epidemiol*, 2018, vol. 99, no. 1, pp. 69–73.

EQ-5D-3L. URL: <https://euroqol.org/information-and-support/euroqol-instruments/eq-5d-3l/> (access date: 30.05.2024).

Russian_WHOQOL-BREF. URL: <https://www.who.int/tools/whoqol/whoqol-bref/docs/default-source/publishing-policies/whoqol-bref/russian-whoqol-bref> (access date: 30.05.2024).

Skevington S. M., Lotfy M., O'Connell K. A. The World Health Organization's WHOQOL-BREF quality of life assessment: psychometric properties and results of the international field trial. A report from the WHOQOL group. *Quality of Life Research*, 2004, vol. 13, no. 2, pp. 299–310. DOI: 10.1023/B:QURE.0000018486.91360.00.

Social determinants of health. URL: https://www.who.int/health-topics/social-determinants-of-health#tab=tab_1 (access date: 30.05.2024).

Wu S., Wang R., Zhao Y., Ma X., Wu M., Yan X., He J. The relationship between self-rated health and objective health status: a population-based study. *BMC Public Health*, 2013, vol. 13, pp. 320. DOI: 10.1186/1471-2458-13-320.

Ware J. E. Jr., Sherbourne C. D. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection. *Med Care*, 1992, vol. 30, no. 6, pp. 473–483.

Study protocol for the World Health Organization project to develop a Quality of Life assessment instrument (WHOQOL). *Qual Life Res*, 1993, vol. 2, no. 2, pp. 153–159.

WHOQOL: Measuring Quality of Life. URL: <https://www.who.int/tools/whoqol/whoqol-bref> (access date: 30.05.2024).

Żukowski R. *Edukacyjne i wychowawcze wartości sportu w refleksji pedagogicznej i w ocenie młodzieży*. Kultura fizyczna i zdrowotna współczesnego człowieka — teoretyczne podstawy i praktyczne implikacje. Łódź, UŁ., 2008, pp. 24–33.

Сурмач Марина Юрьевна, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой общественного здоровья и здравоохранения, Гродненский государственный медицинский университет, Республика Беларусь. marina_surmach@mail.ru

Корнейко Павел Леонтьевич, преподаватель военной кафедры, Гродненский государственный медицинский университет, Республика Беларусь. pavelkorneiko@gmail.com

Surmach, Marina Yu., Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Department of Public Health and Healthcare, Grodno State Medical University, Republic of Belarus. marina_surmach@mail.ru

Korneiko, Pavel L., Lecturer at the Military Department, Grodno State Medical University, Republic of Belarus. pavelkorneiko@gmail.com

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-24.2fb8-3j57

EDN: LZICTG

УДК 316.346.32-053.9

О. А. ПАРФЕНОВА

СТАРЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

В статье представлен обзор институционализации старения в качестве предмета исследования социальных наук. Постепенно дрейфуя из сугубо медико-биологической области, старение начинает изучаться в рамках отдельной дисциплины — геронтологии, которая, в свою очередь, трансформируется сначала в социальную, затем в критическую геронтологию и, наконец, в культурную геронтологию. В настоящее время старение активно изучается представителями социальных наук и социологами, преимущественно западными. Институционализация направления происходит посредством создания и развития тематических журналов, включения тематики старения в качестве регулярной в программы крупных международных конференциях по социальным наукам, появление исследовательских проектов и даже отдельных организаций, сфокусированных на старении. Развитие тематики в российском контексте имеет, как и многое другое, догоняющий характер и воплощается в разных формах.

Ключевые слова: институционализация старения в социальных науках, гериатрия, геронтология, критическая геронтология, культурная геронтология.

OKSANA A. PARFENOVA

AGING AS AN OBJECT OF RESEARCH IN SOCIAL SCIENCES

The article provides an overview of the institutionalization of aging as a subject of interest in the social sciences. Gradually drifting from the purely medical-biological field, aging begins to be studied within a separate discipline — gerontology, which in turn transforms first into social gerontology, then critical gerontology appears, and finally cultural gerontology. Currently, aging is actively studied by

representatives of the social sciences and sociologists in particular, predominantly Western ones. The institutionalization of the topic is achieved through the creation and development of thematic journals, the inclusion of aging as a regular theme at major international conferences in social sciences, the emergence of research projects and even separate organizations focused on aging. The development of the topic in the Russian context, like many others, has a catching-up character, but nevertheless is embodied in various forms.

Keywords: institutionalization of aging in social sciences, geriatrics, gerontology, critical gerontology, cultural gerontology.

Введение

Увеличение продолжительности жизни и численности людей «третьего» и «четвертого» возрастов во многом является следствием общего повышения уровня жизни, внедрения гигиенических правил и развития биомедицинских технологий. Процессы старения и способы его замедления волновали человечество еще со времен древних цивилизаций, впоследствии став предметом интереса ученых естественно-научного профиля. Рост числа пожилых пациентов способствовал появлению нового направления в медицине — гериатрии, в развитие которой в первой половине XX в. внесли большой вклад медики различных специальностей, работающие с пожилыми пациентами в Великобритании и США (Morley 2004). С увеличением доли стареющих людей в современных обществах старение постепенно становится предметом междисциплинарных исследований и социальных наук. Оно рассматривается не как сугубо медико-биологический процесс, но и как социальный, означающий изменение социальных ролей статусов, норм и ожиданий по мере увеличения возраста. Изменение подходов к пониманию старения в медицинском сообществе повлияло и на социальную политику, направленную на медицинскую и социальную помощь пожилым. Медики способствовали институционализации заботы о пожилых. В частности, в 1946 г. в Великобритании именно по ходатайству медицинского сообщества уход за престарелыми больными стал частью национальной системы здравоохранения. Тогда же было создано «Медицинское общество по уходу за пожилыми», переименованное впоследствии в «Британское гериатрическое общество» (Morley 2004).

Цель данной работы — рассмотреть, как происходила и продолжает происходить институционализация старения в научном поле — от медико-биологического подхода до проникновения в социальные науки. При этом выделяются исследования старения в российском контексте в качестве отдельного предмета исследования, так что в каждом последующем разделе уделяется отдельное внимание отечественному опыту институционализации старения.

Институционализация через медицину: рождение гериатрии

Гериатрия считается довольно молодым направлением в современной медицине. Впервые термин «гериатрия» по аналогии с термином «педиатрия» был предложен в 1909 г. американским врачом И. Нашером. Чуть раньше русский врач и ученый И. Мечников предложил более широкий термин «геронтология» для обозначения изучения возрастных изменений из перспективы биологических, поведенческих и социальных наук (Лабезник 2010; Mulley 2012). Процессы институционализации гериатрии и впоследствии геронтологии параллельно идут в разных частях планеты, преимущественно в развитых странах с высоким уровнем и продолжительностью жизни (Morley 2004). Институционализация идет в нескольких направлениях — от выделения отдельной специальности по гериатрии и написания учебников¹ до создания специализированных журналов.

Первый научно-исследовательский институт геронтологии и гериатрии был основан в Румынии в 1952 г. Если говорить о гериатрии и геронтологии применительно к советскому опыту, то СССР шел в ногу со временем и наиболее развитыми странами в части институционализации изучения старения. В 1958 г. в Киеве был создан Институт геронтологии АМН СССР. На базе данного института проводились регулярные Всесоюзные конференции по гериатрии, первая из которых состоялась в Киеве в 1963 г. (Лазебник 2010). После распада СССР уже в России фактически заново стали создаваться структуры для работы по гериатрическому направлению: появились гериатрические центры в Нижнем Новгороде (1992) и Санкт-Петербурге (1994). В 1992 г. в Санкт-Петербурге был организован Институт биорегуляции и геронтологии, работающий по сей день. В 1993 г. возникла кафедра геронтологии и гериатрии на базе

¹ Так, первая кафедра гериатрии возникает на базе Университета Глазго в 1965 г. (Morley 2004).

факультета усовершенствования врачей Московского медико-стоматологического института (Лазебник 2010).

Рассмотрение развития тематических направлений в рамках гериатрии и геронтологии позволяет выделить несколько повторяющихся тем: 1) возрастная специфика проявления заболеваний; 2) опасность и недоисследованность лекарств; 3) преимущества здорового образа жизни (особенно диеты и физических упражнений); 4) вред, причиненный пожилым людям неудачным законодательным вмешательством; 5) становление специальности, связанной с лечением пожилых (Mulley 2012). И здесь помимо сугубо медицинских аспектов видно, как появляются социальные (профилактика, проблема эйджизма, институционализация гериатрических и геронтологических профессий). Происходит усиление междисциплинарной составляющей в исследованиях старения.

От гериатрии к социальной геронтологии и критической геронтологии

Термин «социальная геронтология» приписывается Тиббитсу, который ввел его в 1960-х гг. с целью отражения сильного влияния социальных факторов и сил на старение. К этим силам он относил роль и статус пожилых, то, как старики воспринимаются в обществе и в какой степени их поведение определяется нормативными ожиданиями общества (Tibbits 1960; Cox, Newton 1993). Таким образом, социальная геронтология воплощает в себе мультидисциплинарный подход как к работе с пожилыми, так и к изучению старения. По сути, подобного рода междисциплинарность и предполагалась И. Мечниковым, когда он предлагал термин «геронтология», о чем упоминалось выше, но на практике активное развитие междисциплинарного подхода началось в западных странах.

Институционально социальная геронтология сначала оформилась посредством отдельных университетских программ (в американских университетах Флориды, Коннектикута и др. они появляются в 1950-х (Tibbits 1960)). Социальный геронтолог может иметь образование в области медицины, социальной работы, социологии, психологии и т. д.

Дебаты о теоретическом фундаменте социальной геронтологии ведутся с момента ее возникновения. В начале 1990-х гг. констатировалось, что, несмотря на использование таких популярных теоретических перспектив, как социальный конструктивизм, феминизм, критическая теория и т. п., усилия по развитию теоретического изучения старения недостаточны и эмпирические данные все еще слабо объясняются

(Bengtson, Burgess, Parrott 1997). Д. Рогозин анализирует динамику развития социальной геронтологии в Великобритании на примере содержания книжной серии, состоящей из 25 монографий, вышедших в период с 1994 по 2012 г. Автор выделяет три условных этапа, которые формируют отчетливую траекторию — от поиска теоретического языка для описания старения через медицину с попытками различить старость и болезнь и признанием субъектности пожилого пациента к изучению идентичности пожилого, его счастья и благополучию (Рогозин 2020). В основе социальной геронтологии лежит концепция успешного старения (*successful aging*), предложенная Р. Хавигерстом (США, 1900–1991), одним из первых сформулировавшим критерии успешного старения. Теоретическое обоснование успешного старения составили две конкурирующих теории. Первая — теория активности (*activity theory*), предполагающая сохранение так долго, как это возможно, активностей и установок среднего возраста. Вторая — теория разъединения (*disengagement theory*), предполагающая отстранение от активной жизни с наступлением возраста. С начала 1960-х гг. геронтологи в западных странах придерживались в своих работах теории активности (Havighurst 1961). Со временем концепция успешного старения стала заменяться активным старением (*active aging*), впрочем, не уходя полностью из академического поля. Успешное старение как базовая концепция социальной геронтологии критикуется, в частности, за то, что за ней стоит дискурс, основанный на западных (преимущественно американских) ценностях и не учитывающий особенностей других культур (Liang, Luo 2012). Тем не менее попытки суммировать накопленный тезаурус публикаций и определить, что же такое успешное старение, каковы его критерии и какие факторы на него влияют, не прекращаются (Estebansari et al. 2020).

В ответ на развитие социальной геронтологии в 1970–1980-х гг. возникает критическая. Одним из основоположников критической геронтологии считается Кэрол Истес (Carol Estes) — американский социолог, которая начиная с 1970-х активно критиковала доминирующие теории старения и призывала не игнорировать политические и экономические факторы, влияющие на опыт пожилых людей. Одной из первых ее работ в русле критической геронтологии является «*The aging enterprise*» (1979). Истес фокусировалась на неравенстве и власти, подчеркивая, что старение необходимо рассматривать в контексте социального неравенства, власти и влияния государственной политики. Эта и последующие многолетние публикации Истес оказали сильное воздействие на развитие критической геронтологии и подходов к изучению

старения. Истес с коллегами начали проследивать взаимосвязь между феминизацией бедности и уязвимостью пожилых женщин, показывая, как гендерное неравенство усугубляется в контексте старения (Estes et al. 1984). Подход Истес отличается междисциплинарностью, сочетая социологию, политическую экономию, феминистскую теорию и критический анализ политики в отношении старения.

Рождение культурной геронтологии

Транзит от социальных аспектов старения, лежащих в основе социальной геронтологии, через критическую геронтологию, возникшую как реакция на социальную, сопровождался изменением взгляда на возраст. Возраст стал пониматься как процесс и результат одновременно, как ситуационный и создающийся во взаимодействии. Такой взгляд нашел отражение в целом ряде дисциплин (социология, геронтология, антропология, гендерные исследования и др.) и способствовал появлению культурной геронтологии (Laz 2019). На сегодняшний день культурная геронтология является относительно новым направлением, получившим развитие в 2010-х. В стремлении деконструировать определение и понимание возраста она пересекается со своей предшественницей — критической геронтологией.

И хотя оба направления стремятся деконструировать доминирующие представления о старении, их фокусы и подходы различаются.

Критическая геронтология укоренена в политических и экономических структурах, которые формируют неблагоприятный возрастной опыт, и стремится к социальным изменениям, тогда как культурная геронтология сосредоточена на нормах, ценностях, практиках и моральных установках, касающихся пожилого возраста.

Ключевое различие заключается в том, что культурная геронтология смещает фокус в сторону культурных аспектов старения, в то время как критическая геронтология сохраняет политико-экономический анализ (Twigg, Martin 2015). Объектом внимания культурной геронтологии становятся нормы, ценности, практики и моральные установки, касающиеся пожилого возраста (Edmondson 2013). Возникновение культурной геронтологии также рассматривается как следствие «культурного поворота» в социальных науках (Nash 2001).

Меняется восприятие возраста — происходит отказ от хронологического / медицинского понимания возраста в пользу того, чтобы рассматривать возраст как нечто текучее и культурно конституируемое, а сам опыт старения — как изменяющийся, разнообразный, менее

интегрированный в социальные структуры и более подверженный культурному влиянию (Blakie 1999; Gilliard, Higgs 2014; Twigg, Martin 2015). Возраст рассматривается сквозь призму «интерсекциональности», которая рассматривает социальные явления через пересечения множественности идентичностей и позиций, разрушающих старые и создающих новые доминирующие интерпретации позднего этапа жизни (Gilleard, Higgs 2015).

Сдвиг старения из сугубо медицинской и биологической в междисциплинарную область хорошо прослеживается в изданиях научных журналов.

Институционализация через журналы

Существует большое количество англоязычных журналов, посвященных исследованиям старения исходя из перспектив разных наук. Например, подробно ознакомившись с рубрикаторм Scopus, одной из самых больших баз, содержащих рецензируемые журналы, можно все журналы, посвященные старению, условно разделить на три группы, хронологически следующие друг за другом:

- 1) «медико-биологическая» — эта группа имеет наиболее давнюю историю; включает журналы сугубо медицинские, биологические и связанные с уходом за пожилыми. Например: *Age and Ageing*; *Working with Older People*; *Aging and Mental Health*; *The Gerontologist* и др.;
- 2) «междисциплинарная» — более поздняя группа периодических изданий, в которой представлены междисциплинарные журналы, включающие в себя разделы из социальных наук и психологии: *European Journal of Ageing*; *Journal of Women and Aging*; *Ageing International*; *Educational Gerontology*; *Ageing and Society*; *Clinical Gerontologist*; *Canadian Journal on Aging* и др.;
- 3) «чистые социальные науки» — самая молодая группа изданий, к которой относятся журналы, посвященные старению в контексте преимущественно социальных наук. Таких изданий меньше всего, поскольку это новый фокус для социальных наук. Примерами таких журналов служат: *International Journal of Ageing and Later Life*; *Anthropology and Aging*.

Если мы посмотрим списки журналов по направлениям «старение»/гериатрия и геронтология» в базе Scopus, то обнаружим, что более половины журналов издаются крупными американскими или британскими издательствами. Помимо Великобритании и США среди

издателей можно увидеть и другие западные страны — Ирландию, Швейцарию, Германию, Францию, Канаду, Нидерланды. Исключениями служат несколько отдельных журналов, издающихся в незападных странах — в Южной Корее, Бразилии, Объединенных Арабских Эмиратах, Южной Африке, Иране, — но они все относятся к менее рейтинговым (Q3–Q4). Впрочем, концентрация журналов в западных издательствах характерна не только для темы старения, и обусловлена она во многом уровнем развития и институционализации научных направлений в разных странах.

В России существуют лишь два журнала, посвященных старению, и оба они геронтологические — это «Успехи геронтологии», издаваемые Институтом биорегуляции и геронтологии в Санкт-Петербурге, и «Клиническая геронтология», издающийся Московским городским научным обществом терапевтов. В «Успехах геронтологии» существует регулярный раздел, посвященный социальным исследованиям старения, тогда как «Клиническая геронтология» имеет сугубо медицинский фокус. Говорить о появлении в России журналов, относящихся к третьей группе, пока что не приходится.

Старение как основной фокус в исследовательских проектах и организациях

По мере развития темы старения оно становится важным предметом интереса, благодаря чему возникают специализированные крупные исследовательские проекты. Так, исследовательская платформа SHARE (Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe)² на протяжении более чем 10 лет калькулирует данные собственных исследований, связанных со здоровьем, социально-экономическим положением, пенсионным обеспечением старшего населения девяти европейских (и не только) стран. Платформа, с одной стороны, декларирует своей целью изучение эффектов текущих политических мер на жизнь европейских пенсионеров, а с другой — исследования SHARE призваны помочь в выработке новой, более эффективной политики.

На уровне организаций мы можем наблюдать возникновение профильных междисциплинарных центров, в которых старение изучается в том числе в рамках социальных наук. Примером такого рода организаций может служить, в частности, Центр геронтологии и социальных наук (Center for Gerontology and Social Science), созданный в 2012 г. в Японии

² URL: <https://share-eric.eu>.

на базе Института изучения долголетия³. Другой пример — Ирландский центр социальной геронтологии на базе Университета Гэлвэй в Ирландии⁴ (Irish Centre for Social Gerontology, the University of Galway), ведущий активную работу по выстраиванию исследовательской сети представителей социальных наук, занимающихся изучением старения.

Отдельной формой признания старения в качестве легитимной темы в социологии можно считать регулярное за последние несколько лет наличие секций, связанных с изучением старения на таких крупных научных мероприятиях, как конференции ISA (International Sociological Association) и ESA (European Sociological Association). В России тема старения представлена на ежегодных конференциях «Пожилой больной: качество жизни», а также на регулярном Всероссийском конгрессе по геронтологии и гериатрии. Однако все эти мероприятия ориентированы в большей степени на медиков с редкими вкраплениями секций, посвященных социальным аспектам старения. Ежегодный форум «Старшее поколение» — более разнообразный как в части дисциплинарных подходов, так и в части форматов. На социологических конференциях тема старения и пожилых звучит в последние годы регулярно в форме тематических секций / круглых столов⁵. В качестве программной тема старения заявлена Центром социальных исследований старения (СИ РАН) на регулярной конференции, которая проводится с 2021 г.

В российском контексте также выделяются крупные опросные организации, такие как ВЦИОМ, «Левада-центр»⁶, которые периодически проводят опросы, посвященные старению, восприятию пожилых и т. п. Так, например, ВЦИОМ периодически публикует опросы, посвященные старению или пожилым людям⁷. Недавний опрос носит название «Старение: принять или бороться?»⁸. «Крупнейший поставщик статистики в России — Федеральная служба государственной статистики Росстат — имеет отдельный раздел на своем сайте, посвященный старшему поколению, в котором можно найти информацию о показа-

³ URL: <https://www.ncgg.go.jp/research/lab/cgss/>.

⁴ URL: <https://icsg.ie/>.

⁵ См., напр., секцию «Социология старения на Грушинской конференции в 2020 г. — URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=2287&uid=8/>.

⁶ «Левада-центр» (АНО «Аналитический центр Юрия Левады») включен Минюстом в реестр иностранных агентов.

⁷ См., напр., Опрос 2009 г. «Пожилая Россия: чем живет 30 — миллионное поколение?». — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pozhilaya-rossiya-chem-zhivet-30-millionnoe-pokolenie>.

⁸ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/starenie-prinjat-ili-borotsja>.

телях и особенностях профессиональной занятости, демографической структуре старшей возрастной группы, условиях проживания и т. д.⁹

Помимо этого, существует ряд организаций / проектов, для которых старение является одной из ключевых или даже основной темой. В 2016 г. на базе НИУ ВШЭ был создан Институт социальной политики¹⁰, который внес большой вклад в развитие темы старения в исследовательском и политическом полях. Сотрудники центра Л. Овчарова, О. Синявская, М. Варламова и др. выступили в качестве экспертов с российской стороны при анализе и оценке адаптации индекса активного долголетия к российской действительности. На сегодняшний день центр продолжает активно заниматься исследованиями социальной политики, в том числе в части старения. В недавних публикациях анализируется динамика индекса активного долголетия в России (Синявская, Червякова 2022) и делаются выводы о здоровье как наиболее важном и определяющем домене активного долголетия (Синявская 2022).

Направленная на изучение старения исследовательская инициатива воплощена в центре социальных исследований старения¹¹, созданном в 2021 г. на базе Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН в Санкт-Петербурге группой социологов И. Григорьевой, О. Парфеновой и К. Галкиным. Коллектив центра регулярно проводит исследования на тему старения. На базе центра проводятся ежегодные конференции, на которых обсуждается старение в различных контекстах (от активного долголетия и региональных политик до социально-биологических оснований и социальной включенности) (Григорьева и др. 2023).

Также можно выделить группу социологов, занимающихся изучением старения на базе Европейского университета в Санкт-Петербурге (Е. Богданова, Е. Здравомыслова, К. Макарова, А. Темкина), где помимо регулярных исследований и семинаров в 2020 г. была организована дискуссионная площадка «Достойное старение»¹².

Заключение

Старение на сегодняшний день прочно заняло место в ряду основных интересов представителей социальных наук. Заметную роль в развитии интереса к теме старения и пожилых сыграла и недавняя пандемия коронавируса, спровоцировавшая как уязвимость и зависимость,

⁹ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>.

¹⁰ URL: <https://isp.hse.ru/>.

¹¹ URL: <https://socinst.ru/department/csis/>.

¹² URL: <https://eusp.org/projects/dostoynoe-starenie>.

так и активную роль пожилых, что усилило необходимость в междисциплинарном взгляде на старение (Галкин 2023). Опыт пандемии привел к усложнению понимания и пересмотру старения как процесса, а также пожилых как отдельной социальной группы. На практике и процессы, и социальные группы оказываются весьма неоднородными и требуют осторожных оценок и категоризации.

Российский опыт институционализации изучения старения имеет свою выраженную специфику. Если в период бурного расцвета медико-биологического подхода к старению мы могли наблюдать активное развитие темы старения, что воплощалось, в частности, в создании новых специализированных институций, то в случае с социальными науками наблюдается выраженное отставание и слабая представленность темы. Изучение старения в отечественных социальных науках пока что не стало мейнстримом. Научометрические исследования, посвященные динамике темы старения в рамках социальных наук в широком смысле, обнаруживают ожидаемое доминирование западных авторов (США, Великобритания, Австралия, европейские страны) и слабую представленность России в этой области (Видясова, Григорьева 2023). Тем не менее мы можем наблюдать определенное развитие темы, выражающееся как в появлении публикаций, посвященных пожилым и старению, так и в возникновении новых исследовательских коллективов, проектов, журнальных разделов и т. п. Развивается и теоретическая парадигма в понимании старения. Это происходит как на уровне апробации западных концептов применительно к российскому контексту (например, старение на месте (*aging at place*) (Григорьева, Петухова 2022)), так и путем развития собственных подходов — в частности, нами предлагается использовать концепцию отложенного старения в дополнение к активному долголетию как более отвечающую нынешнему этапу социокультурного развития (Парфенова 2023; Grigoryeva, Parfenova, Vidiasova 2024). Отложенное старение (*delayed aging*) предлагается сегодня в качестве новой парадигмы для системы здравоохранения в противовес концепции отложенных заболеваний (*delayed disease*). Модель лечения конкретных заболеваний, наряду с распространением системы общественного здравоохранения и улучшением условий жизни, уже помогла существенно повысить продолжительность жизни. Однако переориентация на продление периода здоровой жизни в старшем возрасте (отложенное старение) путем профилактирования заболеваний и снижения уровня инвалидизации может не только обеспечить большее количество лет здоровой и активной жизни, но и стать более экономически выгодной в долгосрочной перспективе (Goldman, Jay Olshansky 2013). Развитие концепции отложенного старения

продуктивно не только в части здравоохранения, но и в социальной сфере, так как способствует продлению жизни, в том числе здоровой жизни, влечет за собой увеличение периода занятости и активности, откладывая (сдвигая) таким образом старение в социальном смысле.

Источники

Видясова Л. А., Григорьева И. А. Предметное поле исследований активного / отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Социология. — 2023. — Т. 16, № 1. — С. 4–26. — DOI: 10.21638/spbu12.2023.101.

Галкин К. А. Новые тренды в исследованиях возраста и старения в пост-пандемийный период (обзор исследований) // Успехи геронтологии. — 2023. — Т. 36, № 3. — С. 284–291. — DOI: 10.34922/AE.2023.36.3.001.

Григорьева И. А., Парфенова О. А., Галкин К. А. Конференция «Продленная зрелость / отложенное старение во времена постковида и неопределенности» // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2023. — Т. 26, № 1. — С. 258–262. — DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.10.

Григорьева И. А., Петухова И. С. Теоретический подход «Старение на месте» и возможности его популяризации в России // Успехи геронтологии. — 2022. — Т. 35, № 5. — С. 662–667. — DOI: 10.34922/AE.2022.35.5.001.

Лазебник Л. Б. Гериатрия (к 100-летию термина «гериатрия») // Клиническая геронтология. — 2010. — Т. 16, № 1–2. — С. 3–8.

Парфенова О. А. Отложенное старение или поздняя зрелость в современном российском обществе // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: Материалы VII всероссийской научной конференции с международным участием (СПбГУ, 2023 г.). — 2023. — С. 62–66.

Рогозин Д. М. Британская школа социальной геронтологии: библиографический обзор одного издательского проекта // Человек. — 2020. — Т. 31, № 3. — С. 173–183.

Синявская О. В., Червякова А. А. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2022. — № 5 (171). — С. 94–121. — DOI:10.14515/monitoring.2022.5.2043.

Синявская О. В. От активного к здоровому долголетию. Какой может быть модель социальной политики в интересах граждан старшего поколения в современной России // Социодиггер. — 2022. — Т. 3, № 5–6 (18). — С. 45–51.

Bengtson V. L., Burgess E. O., Parrott T. M. Theory, explanation, and a third generation of theoretical development in social gerontology // J. Gerontol. Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. — 1997. — Vol. 52, no. 2. — P. S72–S88.

Blaikie A. Ageing and popular culture. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Cox H., Newton R. History of social gerontology // Sociological practice. — 1993. — Vol. 11, no. 1. — P. 4.

Edmondson R. Cultural gerontology: valuing older people // Old Age in Europe: A Textbook of Gerontology. — Dordrecht: Springer Netherlands, 2013. — P. 113–130.

Estesari F. et al. The concept of successful aging: a review article // Current aging science. — 2020. — Vol. 13, no. 1. — P. 4–10.

Estes C. L. The aging enterprise. — San Francisco: Jossey-Bass, 1979. — P. 98–102.

Estes C. L., Gerard L., Clarke A. Women and the economics of aging // Int. J. Health Services, Planning Administration Evaluation. — 1984. — Vol. 14, no. 1. — P. 55–68.

Gilleard C., Higgs P. Cultures of ageing: Self, citizen and the body. — Routledge, 2014.

Gilleard C., Higgs P. The cultural turn in gerontology // Routledge handbook of cultural gerontology. — Routledge, 2015. — P. 29–36.

Goldman D. P., Jay Olshansky S. Delayed aging versus delayed disease: A new paradigm for public health // Public Policy and Aging Report. — 2013. — Vol. 23, no. 4. — P. 16–18.

Grigoryeva I. A., Parfenova O. A., Vidasova L. A. Factors Influencing Social Participation of Older People in Russia: Study of Practices of Delayed Ageing // Changing Societies & Personalities. — 2024. — Vol. 8, iss. 1: Social Participation as a Factor That Changes Societies and Personalities. — P. 14–36. — DOI: 10.15826/csp.2024.8.1.261.

Havighurst R. J. Successful aging // The Gerontologist. — 1961. — Vol. 1. — P. 8–13. — DOI: 10.1093/geront/1.1.8.

Laz C. Introduction to “Act Your Age” // Социология власти. — 2019. — Т. 31, № 1. — С. 143–145.

Liang J., Luo B. Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging // J. Aging Studies. — 2012. — Vol. 26, no. 3. — P. 327–334. — DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001.

Morley J. E. A brief history of geriatrics // J. Gerontol. Series A: Biological Sciences and Medical Sciences. — 2004. — Vol. 59, no. 11. — P. 1132–1152. — DOI: 10.1093/gerona/59.11.1132.

Mulley G. A history of geriatrics and gerontology // European Geriatric Medicine. — 2012. — Vol. 3, no. 4. — P. 225–227.

Nash K. The ‘cultural turn’ in social theory: Towards a theory of cultural politics // Sociology. — 2001. — Vol. 35, no. 1. — P. 77–92.

Tibbitts C. (ed.). Handbook of Social Gerontology: Societal Aspects of Aging. — Chicago, IL: University of Chicago Press, 1960.

Twigg J., Martin W. (eds.). Routledge handbook of cultural gerontology. — London: Routledge, 2015. — P. 480.

References

- Bengtson V. L., Burgess E. O., Parrott T. M. Theory, explanation, and a third generation of theoretical development in social gerontology. *J. Gerontol.* Series B: Psychological Sciences and Social Sciences, 1997, vol. 52, no. 2, pp. S72–S88.
- Blaikie A. Ageing and popular culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Cox H., Newton R. History of social gerontology. *Sociological practice*, 1993, vol. 11, no. 1, p. 4.
- Edmondson R. Cultural gerontology: valuing older people. *Old Age in Europe: A Textbook of Gerontology*. Dordrecht, Springer Netherlands, 2013, pp. 113–130.
- Estebarsari F. et al. The concept of successful aging: a review article. *Current aging science*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 4–10.
- Estes C. L. The aging enterprise. San Francisco, Jossey-Bass, 1979, pp. 98–102.
- Estes C. L., Gerard L., Clarke A. Women and the economics of aging. *Int. J. Health Services*, Planning Administration Evaluation, 1984, 14(1), pp. 55–68.
- Galkin K. A. New trends in age and aging research in the post-pandemic period (research overview). *Uspekhi gerontologii*, 2023, vol. 36, no. 3, pp. 284–291. (In Russ.) DOI: 10.34922/AE.2023.36.3.001.
- Gilleard C., Higgs P. *Cultures of ageing: Self, citizen and the body*. Routledge, 2014.
- Gilleard C., Higgs P. *The cultural turn in gerontology. Routledge handbook of cultural gerontology*. Routledge, 2015, pp. 29–36.
- Goldman D. P., Jay Olshansky S. Delayed aging versus delayed disease: A new paradigm for public health. *Public Policy and Aging Report*, 2013, vol. 23, no. 4, pp. 16–18.
- Grigor'yeva I. A., Petukhova I. S. Theoretical approach “Aging in place” and the possibilities of its popularization in Russia. *Uspekhi gerontologii*, 2022, vol. 35, no. 5, pp. 662–667. DOI: 10.34922/AE.2022.35.5.001 (In Russ.)
- Grigor'yeva I. A., Parfenova O. A., Galkin K. A. Conference “Extended adulthood / delayed ageing in a time of post-covid and uncertainty”. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2023, vol. 26, no. 1, pp. 258–262. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.10. (In Russ.)
- Grigoryeva I. A., Parfenova O. A., Vidasova L. A. Factors Influencing Social Participation of Older People in Russia: Study of Practices of Delayed Ageing. *Changing Societies & Personalities*, 2024, vol. 8, iss. 1: Social Participation as a Factor That Changes Societies and Personalities, pp. 14–36. DOI: 10.15826/csp.2024.8.1.261.
- Havighurst R. J. Successful aging. *The Gerontologist*, 1961, vol. 1, pp. 8–13. DOI: 10.1093/geront/1.1.8.
- Laz C. Introduction to “Act Your Age”. *Sotsiologiya vlasti*, 2019, vol. 31, no. 1, pp. 143–145.
- Lazebnik L. B. Geriatriya (k 100-letiyu termina “geriatriya”). *Klinicheskaya gerontologiya*, 2010, vol. 16, no. 1–2, pp. 3–8. (In Russ.)
- Liang J., Luo B. Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging. *J. Aging Studies*, 2012, vol. 26, no. 3, pp. 327–334. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001.
- Morley J. E. A brief history of geriatrics. *J. Gerontol.* Series A: Biological Sciences and Medical Sciences, 2004, vol. 59, no. 11, pp. 1132–1152. DOI: 10.1093/gerona/59.11.1132.
- Mulley G. A history of geriatrics and gerontology. *European Geriatric Medicine*, 2012, vol. 3, no. 4, pp. 225–227.
- Nash K. The ‘cultural turn’ in social theory: Towards a theory of cultural politics. *Sociology*, 2001, vol. 35, no. 1, pp. 77–92.

Parfenova O. A. Delayed aging or late adulthood in modern Russian society. *Sotsial'nyye protsessy v sovremennom rossiyskom obshchestve: problem i perspektivy*. Materialy VII vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (SPbGU, 2023 g.), 2023, pp. 62–66. (In Russ.)

Rogozin D. M. The British school of social gerontology: a bibliographical review of a publication project. *Chelovek*, 2020, vol. 31, no. 3, pp. 173–183. (In Russ.)

Sinyavskaya O. V. From active to healthy longevity. What could be a model of social policy in the interests of older citizens in modern Russia. *Sotsiodigger*, 2022, vol. 3, no. 5–6 (18), pp. 45–51. (In Russ.)

Sinyavskaya O. V., Chervyakova A. A. Active Aging in Russia during Economic Stagnation: What Can We Learn from the Dynamics of the Active Ageing Index? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2022, no. 5 (171), pp. 94–121. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043. (In Russ.)

Tibbits C. (ed.). *Handbook of Social Gerontology: Societal Aspects of Aging*. Chicago, IL, University of Chicago Press, 1960.

Twigg J., Martin W. (eds.). *Routledge handbook of cultural gerontology*. Londonm Routledge, 2015, p. 480.

Vidyasova L. A., Grigor'yeva I. A. Predmetnoye pole issledovaniy aktivnogo/otlozhennogo stareniya: rezul'taty naukometricheskogo analiza i kartirovaniya. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. Sotsiologiya, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 4–26. DOI: 10.21638/spbu12.2023.101. (In Russ.)

Парфенова Оксана Анатольевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.
oparfenova2023@yandex.ru

Parfenova, Oksana A., Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. oparfenova2023@yandex.ru

И. А. ГРИГОРЬЕВА

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОТЛОЖЕННОГО СТАРЕНИЯ В РОССИИ И ЕВРОПЕ (ЭССЕ)

В настоящем эссе критически проанализированы актуальные направления современных социальных исследований старения. Рассмотрены ключевые направления, которыми занимается Центр социальных исследований старения Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН, и проанализированы перспективы социологических исследований возраста и старения.

Ключевые слова: пожилые люди, отложенное старение, социологические исследования старения, исследования возраста, социальная политика.

IRINA. A. GRIGORYEVA

PERSPECTIVES ON THE STUDY OF DELAYED AGING IN RUSSIA AND EUROPE

This essay critically analyzes the current trends in modern social research on aging, as well as examines the key areas that the Center for Social Research on Aging of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, a branch of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences, and analyzes the prospects for sociological research on age and aging.

Keywords: older people, delayed aging, sociological studies of aging, age studies, social policy.

С начала XXI в., а может быть уже с конца XX, началось обсуждение совершенно новой социально-демографической ситуации, к которой развитие страны не были готовы, — это быстрое старение населения. Причина этого — подъем рождаемости (бэби-бум) после Второй мировой войны в странах Европы, США и даже в России. Раз был бэби-бум, то понятно, что когда-то «бумеры» постареют и будет обратная ситуация. Но почему-то об этом никто не задумывался до тех пор, пока стало невозможно не замечать старение. Такая ситуация сложилась впервые в истории, и она совпала с резким снижением рождаемости

в европейских странах и России в 1990-е гг. На самом деле «русский крест» — это вовсе не русский, а сначала «французский крест», причем уже очень давно, и политику французского государства критиковал Гитлер, который был убежденным пронаталистом, что Франция не обращает внимания на эту ситуацию. А на Каирской демографической конференции 1994 г. подробно обсуждалось, что делать с избыточной рождаемостью, а потом специалисты, видимо, поняли, что с избыточной рождаемостью в некоторых странах (в Египте особенно) ничего не сделать, переключились на кризис старения.

Почему кризис? На самом деле кризис создает не старение, это кризис пенсионных систем, потому что оказалось, впервые опять-таки в истории, что пенсионных денег не хватает. Пенсионные деньги в Европе использовались во многом как «длинные деньги», т. е. средство для инвестиций, а вовсе не для того, чтобы все пенсионеры были счастливы. В конце XX в. выяснилось, что в основном эти средства нужно тратить на пенсионеров, возникли разные сюжеты, самый ранний — отказ от государственного пенсионирования (*pay as you go*) в Чили и еще в трех латиноамериканских странах, но потом в начале XX в. выяснилось, что такой подход не дает лучших пенсионных результатов (Коткликофф 2004).

Далее, демографическая ситуация, которая у нас в стране очень акцентированно обсуждается, — соотношение работающих и пенсионеров. Почему-то никогда не рассматривается более сложное соотношение, включающее изменение характера труда, производительность, улучшение технологий и т. д. Плюс в России последние 10–15 лет существует «серый рынок труда», т. е. вообще непонятно, как это соотношение достоверно или рационально считать. Все время считаются потери от старения, а не потери от того, что пенсионеры не работают на «белом» рынке труда, поскольку социальные отчисления весьма весомые. Просто убрали социальные отчисления из-за ухода с «белого» рынка труда, а государство и СФР / ПФР сильно потеряли. Возможно, это спорный сюжет, но соотношение потерь и выгод почему-то не обсуждается. В России старение — вовсе не катастрофа, как можно увидеть по цифрам, т. е. 19% людей старше 60 лет в 2019 г. и 22,3% в 2022 г. — это еще шадящие цифры¹, в Европе больше гораздо. Конечно, есть, допустим, ЮАР, но это не значит, что там благоприятная ситуация, просто у них очень большая иждивенческая нагрузка. Высокая рождаемость, много детей и много пожилых,

¹ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения 12.06.2024).

что также порождает дисбаланс, как в России, где детей относительно мало, а пожилых достаточно много, и тут никак нельзя обходиться какими-то одномерными суждениями.

Даже в серьезных публикациях очень часто путают число пенсионеров и число пожилых. Во-первых, пенсионный возраст в разных странах очень разный: от 55 лет до 67 лет в настоящее время. Во-вторых, кого относить к пожилым — пенсионеров или нетрудоспособных, т. е. людей с 70–72 лет? Стратегия действия в отношении пожилых людей в России относится к пожилым людям старше 60 лет (Распоряжение Правительства 2016)². В западных странах пожилые — это 65 лет и старше. Поскольку численности пожилых и пенсионеров практически совпадала, пенсия была «в связи с потерей трудоспособности по старости». Так что Бисмарк однозначно все определил, а сейчас, в наше неопределенное время, пожилые и пенсионеры не совсем совпадают. Важно подчеркнуть, что когда у нас говорят, что в стране очень много пенсионеров, страна стареет, растет нагрузка на работающих, то причина этого — множество досрочных пенсионных режимов (Малева и др. 2016)³. То есть это не проблема старения, а во многом проблема несовершенства пенсионной системы и льготных режимов занятости.

Тем не менее проблема есть, она есть в развитых странах мира, которые привыкли к тому, что, если проблема есть, то нужно ее решать, нужно управленческое воздействие. ВОЗ и европейское отделение ООН в конце концов обнародовали в 2002 г. на Мадридской конференции по старению Мадридский план действий в отношении старения — ММРПА, который до сих пор реализуется и стал важнейшим международным документом (Political Declaration and Madrid International Plan 2002; Regional Implementation Strategy for the Madrid International Plan of Action 2002)⁴ и который Россия также приняла для исполнения. Нужно

² Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года».

³ Малева Т. М., Гришина Е. Е., Дормидонтова Ю. А., Казакова Ю. М., Ляшок В. Ю., Цацуря Е. А. Возрастные работники на российском рынке труда. — М.: Дело, РАНХиГС, 2016. — 172 (1) с.

⁴ “Political Declaration and Madrid International Plan of Action on Aging,” Second World Assembly on Aging, April 8–12, 2002, Madrid, Spain. — URL: https://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/Madrid_plan.pdf; “Regional Implementation Strategy for the Madrid International Plan of Action on Ageing,” UNECE Ministerial Conference on Ageing, September 11–13, 2002, Berlin, Germany. — URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/RIS.pdf>; “Active Ageing: A Policy Framework”, Geneva: World Health Organization, 2002. — URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf;jsessionid=AB8ED2D8249A5AC9B028F0B02DD6FAB9?sequence=1 (access date: 12.06.2024).

подчеркнуть принципиальное отличие этого документа от Венского плана, который был принят за 20 лет до того, в 1982 г. Венский план подчеркивал право каждого человека на пенсию, тогда это было актуально, особенно в развивающихся странах (Vienna International Plan of Action on Aging 1982)⁵. Мадридский план давал пожилым право работать столько, сколько сам пожилой человек пожелает. Вот тут-то и начались всякие сложности, связанные с правом на социальную защиту и уходом на пенсию и в то же время правом на продолжение работать в соответствии с собственным решением. Началась очень серьезная *политизация темы старения и пожилых*. Тем не менее Мадридский план был принят, все документы есть в доступе на русском языке.

Следующий этап — это, как полагается, проверка, контроль за исполнением. Поэтому разработка Индекса активного старения, который был принят в 2012 г., вызвала множество попыток измерения разных странах. Оказалось, что в России не хватает статистики, которая нужна, чтобы участвовать в качестве европейской страны в этих измерениях. Самое большое наше продвижение заключается в том, что теперь, уже в 2020-х гг., рассчитываются дифференцированные по возрастам показатели занятости пожилых. У всей этой дискуссионной проблематики очень старые корни, которые заложены еще известным демографом Э. Россетом, совершенно справедливо отметившим в конце 1960-х, что удлинение периода жизни должно привести к удлинению периода занятости (Россет 1981)⁶.

На старение очень сильно влияет окружающая социальная среда. И сегодня социологи практически не пытаются это как-то измерить, хотя в Индексе активного старения эти компоненты условно есть, но не опробованы. Почему-то российские биологи неплохо развивают эту тему — старение в определенной среде: социальной, социально-экономической, — опережая социологов. Понятно, что у социологов в развитых странах (в США, странах Европы, Англии) очень высокий и давнишний интерес к проблематике старения, например к проблематике одиночества пожилых. У основательницы Кембриджского социологического журнала *Ageing and Society* Кристины Виктор это любимая тема (количественное измерение одиночества). На самом деле можно найти

⁵ “Vienna International Plan of Action on Aging,” World Assembly on Aging, July 16–August 6, 1982, Vienna, Austria. — URL: http://www.monitoringis.org/documents/norm_glob/Scanned_Vienna_Int.Plan_Aging.pdf (access date: 12.06.2024).

⁶ Россет Э. Продолжительность человеческой жизни : пер. с польск. — М.: Прогресс, 1981. — 383 с.

множество теоретических предпосылок, но проблема в том, что каждый движется по своему пути и необязательно связывает это прямо с пожилыми. Я, например, могу к таким социологам отнести Сергея Исаевича Голода, он очень хорошо показал дестандартизацию семейных и брачных траекторий, это тоже очень влияет на восприятие тематики пожилых, на их жизненные пути и т. д. Но С. И. Голод удивился бы, если бы услышал, что его так классифицируют. У Е. В. Тыкановой с А. М. Хохловой была прекрасная обзорная статья по жизненному пути, жаль, что она датирована 2016 г. (Тыканова и др. 2016)⁷. Жизненные пути тесно связаны с возрастной проблематикой, по мнению такого классического автора, как М. Райли. Далеко не все продолжают работать в области старения, защитив диссертацию в рамках этой тематики. Эту проблему обозначил давно А. А. Смолькин. Он писал, что большая часть тех, кто защищается по тематике старения, потом из этой темы уходит.

В ГУ ВШЭ Институт социальной политики (ИСП) долго занимался темой активного старения, поскольку восприятие темы старения сильно связано с социально-политическими сюжетами. Они занимались по прямому заказу Правительства, пытались разработать российские варианты индекса активного старения. Это не получилось, потому что Индекс оказался несравним, а принципиальная необходимость внедрения этого индекса в том, чтобы страны можно было сравнивать. Поэтому свою специфику мы, может быть, отразили, но выпали опять из контекста сравнения (Концепция политики активного долголетия 2020)⁸. Но сейчас ИСП НИУ ВШЭ уже уходит в другую тематику, а в этой тематике остаемся мы — группа в СИ РАН, которая сложилась еще с 2014 г. в первом моем проекте НРФ в ИТМО. Нужно сказать, что есть все же медленный переход от интереса к молодежи, которая не оправдывает возлагавшихся на нее ожиданий, к пожилым, которые присутствуют здесь и сейчас и про которых больше понятно, что им нужно и что будет нужно.

В российской геронтологии сейчас идет смена поколений. Институт биорегуляции и геронтологии РАН и журнал «Успехи геронтологии»

⁷ Тыканова Е. В., Хохлова А. М. (2016) Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей // Вестник СПбГУ. — Сер.: 12. — 2016. — Вып. 3. — DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.301.

⁸ Концепция политики активного долголетия [Текст]: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 40 с. — ISBN 978-5-7598-2173-1 (в обл.).

находятся в стадии перехода: в институте сменился директор, а в журнале — главный редактор. В журнале «Успехи геронтологии» всегда выделялся раздел социальной и поведенческой геронтологии, журнал Q4. Кроме того, есть еще такое замечательное заведение — Институт старения (INIA) на Мальте, который был создан когда-то ООН, и они там тоже пишут по тематике геронтологии. Я бы не сказала, что это социальная геронтология. Но книга «Социальный класс в поздней жизни, власть, идентичность и жизненный стиль» — это прямая социология, как мне кажется. Автор книги — Марвин Формоза, директор института на Мальте. Но, к сожалению, наши связи с зарубежными коллегами сейчас обрываются. То есть, конечно, можно переписываться, но минимум выступлений и поездок.

Проект РНФ

В России политизация тематики старения пока что крайне неудачная. С одной стороны, эта тема вписывается вроде как в гендерное равенство в Стратегии действий, но тут же принято решение о заморозке страховой части пенсии, и пожилые — до трети работающих пожилых, — по разным экспертным оценкам, из занятости не ушли, но ушли в серую занятость. Кто потерял от этого, а кто выиграл — не очень понятно. Мне кажется, что пожилые тоже потеряли, потому что они потеряли часть своих социальных прав. Но тут есть некая полемика со С. Г. Климовой, которая считает, что пожилые скорее выигрывают (Saraliev et al. 2019)⁹. Мне кажется, что они не выигрывают, выигрывают только работодатели, а государство и пожилые проигрывают. Дальше, про пенсионную реформу я вообще не говорю: информационная подготовка была просто провальной. Поэтому, что касается идей активного старения и улучшения ситуации в России, — есть только волонтерское движение. Но волонтерское движение, опять же, с европейской точки зрения предполагает, что это движение снизу, а не сверху. У нас волонтерское движение довольно жестко управляется государством, часто в лице социальных служб или негосударственных пенсионных организаций, таких как Фонд Почета — РЖД Фонд.

Чего мы достигли в увеличении периода дожития, показано в таблице. Из этой таблицы хорошо видно гендерное неравенство — это

⁹ Elderly self-employed Russians as a precariat group // Z. H. Saraliev (ed.). *Personal starshogo vozrasta kak chelovecheskij kapital sovremennoj kompanii: uslovija, vozmozhnosti, ogranichenija* [Senior Staff as Human Capital of a Modern Company: Conditions, Opportunities, Limitations]. St. Petersburg: Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences: 17–18.

во-первых. Во-вторых, не должна быть выстроена пенсионная система так, чтобы период дожития после выхода на пенсию был длиннее, чем трудовой стаж. Эта ситуация и тем, и другим концом бьет по женщинам, которые постоянно жалуются на неравенство, что им не платят наравне с мужчинами за ту же работу. Однако трудовой стаж у них, как правило, намного меньше, чем у мужчин, и вообще-то им платит пенсию не государство или СФР / ПФР, а платят мужчины, у которых стаж намного больше, это с одной стороны, а с другой стороны, период дожития у мужчин намного меньше. На мой взгляд, тут просто нечего обсуждать, но тем не менее дискуссия есть, поэтому я привожу эту таблицу, она очень выразительная, но это отдельная большая тема.

Таблица 1

**Динамика продолжительности предстоящей жизни для лиц,
достигших определенного возраста, лет (Российская Федерация)**

	Для мужчин, достигших 60 лет	Для женщин, достигших 55 лет
2005	13,26	22,85
2006	13,89	23,32
2007	14,20	23,77
2008	14,28	23,88
2009	14,52	24,23
2010	14,58	24,23
2011	15,14	24,85
2012	15,38	25,05
2013	15,73	25,36
2014	15,86	25,52
2015	15,96	25,62
2016	16,08	25,80
2017	16,46	26,14
2018	16,56	26,28
2019	16,86	26,56
2020	15,20	24,99
2021	14,42	23,22
2022	16,71	26,08

Источник: Старшее поколение. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 12.04.2024).

На самом деле после двух лет проекта РНФ мы видим, что «возможно ли в России отложенное старение» — это, скорее, вопрос, чем констатация уже существующей ситуации. В Европе оно возможно и уже реализуется, а у нас нужно спрашивать об этом: и насколько оно возможно, и для каких социально-возрастных групп оно возможно. Более мелкие исследовательские вопросы — какие события и какие рамки определяют старение, с чем оно связано, как проявляется и какую роль в этом самом старении играют социальные статусы, такие как статус пенсионера и статус пожилого, т. е. обязательно большого с точки зрения медицины. Подробно описаны наши исследовательские подходы и методы, мы провели довольно много интервью и с экспертами, и с пожилыми, в этом году работа еще продолжается. Параллельно мы начали обработку текстов количественными методами, потому что оказалось, что текстов по объему очень много и с ними уже почти невозможно работать.

Начали обработку с тематического их разделения и с вопроса о возрасте, потому что моим уважаемым коллегам кажется, что вопрос о возрасте — это фундаментальный социологический вопрос, что именно с него нужно изучать отложенное старение. Это подход, который имеет свои основания в виде важных, но старых работ М. Райли¹⁰, более новых — Ш. Лаз¹¹, но мне не кажется возраст индикативным признаком для социологического изучения старения (Riley et al. 2000; Лаз 2019). Но поскольку дискуссия возможна, и вроде бы она есть, то сначала выделился блок текстов довольно большой, именно связанных с возрастом, потому что в наших интервью и анкетах мы выделяем отдельно отношение к возрасту. Массив текстов действительно довольно большой, сейчас уже частично проанализирован, И. С. Петухова обрабатывала блок текстов, связанных с возрастом, которые она выделила. Но, конечно, эта работа связана с интеграцией текстов как таковых, полученных в результате интервью, и сервиса, которым она пользуется. Есть подходы разные, кто-то говорит, что качественные исследования не нуждаются в количественном анализе для интерпретации, но мне кажется, это зависит все-таки еще от объема текстов и от самого замысла сравнения качественных и количественных исследований.

Применяя количественные методы, мы сделали наукометрический анализ публикаций в Scopus, к сожалению, в 2022 г. Web of Science уже

¹⁰ Riley M., Riley J. W. Jr. Age integration: conceptual and historical background // *The Gerontologist*. — 2000. — Vol. 40. — P. 266–270.

¹¹ Лаз Ш. Веди себя по возрасту! // *Социология власти*. — 2019. — Т. 31, № 1. — С. 146–179. — DOI: 10.22394/2074-0492-2019-1-146-179.

был закрыт, но тем не менее и в Scopus довольно много публикаций. Одна статья вышла у нас в «Вестнике СПбГУ»¹², там изумительной красоты картинка, но я не буду их дублировать. Конечно, даже в Европе тематика изучения пожилых скошена очень сильно в медицину (Видясова и др. 2023). То есть это стереотипизированное представление, что пожилые — это о болезнях старческих, есть совершенно дезориентирующее выражение — «возраст-ассоциированные болезни», но все мы знаем, что сансег бывает и у детей¹³, и инфаркты, к сожалению, бывают у молодых (Рыков 2017).

Также у нас было пилотное анкетирование, и было анкетирование в Федеральном медицинском центре им. Соколова. Фактически всех пациентов на данный момент старше 60 лет мы опросили, и собираемся повторить в сентябре 2024 г. Почему в Федеральном медицинском центре — потому что нам казалось, что пожилые люди, которые в этой больнице лежат по поводу конкретных заболеваний, должны быть сенсibilизированы по поводу своих желаний, или нежеланий, или возможностей быть занятыми, вернуться к работе. Оказалось, что даже при наличии болезни — в больнице и вне больницы — человек говорит: «Да, вот у меня был инфаркт, но я хочу продолжать работать». То есть те, кто хочет работать, хотят работать независимо от самооценки здоровья или от наличия диагноза (Grigoryeva et al. 2024; Видясова и др. 2024)¹⁴. А кто не хочет, тот не хочет тоже не потому, что он больной. Почему так вопрос был поставлен? Потому что в быту очень часто люди говорят «да, буду продолжать работать, если здоровье позволит». Но пока у нас подтверждения этому нет, что здоровье позволяет или нет, скорее, мотивация самого человека является разрешительной инстанцией.

Также мы изучали открытую базу резюме Министерства труда, куда в принципе можно зайти через «Госуслуги», но это уже было сделано в ИТМО, потому что там способы обработки всего этого нам, социологам, не очень доступны, а в ИТМО умеют работать с большими данными. Наша работа опубликована в журнале «Мониторинг

¹² Видясова Л. А., Григорьева И. А. Предметное поле исследований активного / отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Сер.: Социология. — 2023. — Т. 16, вып. 1. — С. 4–26. — DOI: 10.21638/spbu12.2023.101.

¹³ Онкология — основная причина детской смертности.

¹⁴ Grigoryeva I., Parfenova O., Vidasova L. Factors Influencing Social Participation of Older People: Study of Practices of Delayed Ageing // Changing Societies & Personalities. — 2024. — Vol. 8, no. 1. — P. 14–35. — DOI: 10.15826/csp.2024.8.1.261.

общественного мнения» (Видясова и др. 2024)¹⁵. То есть у нас все, что мы планировали, мы апробировали, и получили много интересного.

Результаты интервьюирования дают возможность некоторого обобщения, с одной стороны, а с другой стороны, показывают то, что говорят пожилые, как они воспринимают возраст, как они называют процесс старения, конечно, всегда в сравнении: особенно женщины ревниво очень относятся к тому, кто как выглядит. При этом мысль, что «старение — естественный процесс», присутствует. Тем не менее есть интерес у пожилых к активному отложенному старению: как можно отложить, что нужно делать, и очень здравые мысли, что что-то нужно менять в жизни, что за счет перемен можно не стареть. На самом деле очень интересные материалы. Перечисляется, что помогает не стареть, из интервью, и на последнем месте «любовь» (один раз была упомянута), а дружба, кстати, отсутствует. Что тут можно понять нам, исследователям: самовосприятие пенсионного возраста у нас совершенно не сформировано, несмотря на то что правовое регулирование существует давно, не сформировано представление о том, что такое вообще пенсия, за что и сколько платят, почему установлены такие правила, а не иные.

Заметно желание пораньше выходить на пенсию, получать пусть небольшую пенсию, но раньше, до того, как наступит старость, т. е. подход Бисмарка тут, конечно, «отдыхает». Но что еще более удивительно, люди не знают о том, что более длительная занятость дает возможность перерасчета пенсии и возможность получить гораздо большую пенсию, чем при уходе в нормативное время. Также многие понимают, что *сохранение здоровья — во многом их собственная задача*, но при этом они не занимаются ничем или почти ничем, ведут малоподвижный образ жизни, подолгу сидят перед телевизором и т. д., выбросить его не хотят. Только что я прочла об опросе ВЦИОМ: более половины россиян утверждают, что легко могут проводить время без смартфона и не думать о пропущенных уведомлениях (58%), и даже готовы выбросить смартфоны, а почему телевизоры выбросить не хотят — не знаю (Есть ли жизнь без смартфона)¹⁶. Очень сильно влияют на уровень здоровья установки людей по поводу еды, питания и переедания, отсутствие

¹⁵ Видясова Л. А., Григорьева И. А., Кривошапкина А. С. Карьерные ожидания пожилых в России: на основе анализа базы резюме с портала Роструда «Работа России» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2024. — № 1. — С. 26—47. — DOI: 10.14515/monitoring.2024.1.2430.

¹⁶ Есть ли жизнь без смартфона? — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/est-li-zhizn-bez-smartfona> (дата обращения 12.06.2024).

представления о допустимых границах. Очень сильно портит ситуацию ВОЗ, путая подходы к тому, что же профилактирует старение... Как оценивать их публикации, если после окончания Covid-19 ВОЗ объявила, что одиночество более вредно, чем избыточный вес.

Во-первых, как сравнивать такие характеристики? Во-вторых, что такое одиночество? Это довольно сложный конструкт, хотя и повторяю: есть такая очень давняя традиция от К. Виктор — изучать одиночество в Англии, потому что там тоже есть влияние расселения по небольшим населенным пунктам и известно, что вежливые люди начинают вопрос с того, какая погода и высохли уже дороги или нет, — это мы знаем из английских романов, потому что непросто добираться. То есть ВОЗ теперь вот так использует тему одиночества, а раньше просто очень настаивал на том, что избыточный вес и ожирение очень сильно сказываются на здоровье. Теперь это все-таки малоподвижный образ жизни, а не только переедание. В России говорить о переедании бесполезно, потому что качество питания плохое и качество продуктов плохое. В нашем больничном опросе нет избыточного веса только у тех, у кого *cancer*. Мы попросили некоторые медицинские данные, естественно, их далее анонимизировали. Избыточный вес у больных всеми остальными заболеваниями, в первую очередь сердечно-сосудистыми болезнями.

Ну, низкие цифровые навыки — это теперь любимая фишка тех, кто занимается пожилыми, говорить о цифровом разломе, спорить о том, преодолит он или непреодолим, что это пропасть, а не только разлом. Но нужно сказать, что и сами пожилые тоже говорят очень часто: «Ну да, у меня кнопочный телефон, а что, разве этого недостаточно?» Ну и в целом все-таки есть возможность сделать вывод, что у российских пожилых имеется очень низкий самоконтроль важных областей своей жизни, и я бы сказала, охотное принятие идентичности слабого, нуждающегося в защите, в поддержке, внимании, особенно у женщин. Вот, например, совершенно разные оценки ковидной ситуации. Кому-то она кажется просто катастрофическим залезанием государства в права людей, связанным с изоляцией, а кто-то считает это особой заботой государства. Так что спектр оценок очень широкий. О неравенстве в цифровизации можно говорить очень долго, вроде как это неравенство уменьшается, но, честно говоря, не за счет того, что люди 65+ больше пользуются интернетом и смартфонами, а за счет того, что идет непрерывный процесс смены поколений. Стареют те, кто сегодня «люди среднего возраста» и которые уже хоть не «цифровые аборигены», но все-таки они уже гораздо дольше пользуются этими

устройствами и для работы, и для жизни. Поэтому ситуация как бы улучшается. Но при этом смещение данных вполне возможно из-за того, что мы в первую очередь общаемся с пожилыми людьми, которые посещают госучреждения, которые зарегистрированы в системе госуслуг и тому подобные — конечно, это не все. Как говорил Геннадий Михайлович Орлов, сейчас в больших больницах есть заместитель по цифровизации, вот он — заместитель по цифровизации огромного Федерального медицинского центра. И говорил о личных кабинетах, о том, сколько кабинетов имеют пожилые, и т. д. Это все индикаторы включенности в цифровой мир для пожилых. Но не все, конечно, имеют личные кабинеты, хотя их число растет.

Почему-то у нас получились разные визуализации в количественных и качественных исследованиях. Самая нейтральная картинка в качественных интервью может быть потому, что это та часть, которая связана с возрастом, о чем я говорила. Первый наш анкетный замер, наоборот, показал — причем это все отвечали люди старше 60 лет — какие-то ужасные результаты, с полным отторжением самих пожилых от пожилых: что пожилые — это скучные, неопрятные, плохо одетые... «Неопрятность, отсутствие интересов, немощность, отсутствие энергии, плохо одет, неспособность что-либо усвоить»... Отторжение от самих себя, такой когнитивный диссонанс, мощный, на мой взгляд.

Анкетирование в Федеральном центре Соколова дало немного более спокойные результаты, но все равно не так чтобы очень радостные. Про «неопрятность» уже не отмечалось, но указывалось, что «одежда несовременная, дешевая», что не удивительно, «интересов мало, много разговоров о болезни» и прочие вещи. То есть такого особенно неожиданного ничего не было, но учитывая, что это пожилые люди говорят о себе, становится очень грустно. Очень часто женщины говорят о мужчинах в худшем смысле, по тональности более минорно, чем о женщинах, т. е. о самих себе. Еще одно важное противоречие, важная проблема: реально образование пожилых выросло, опять-таки за счет смены поколений, и это поколение, котороеросло в 1960-е гг., поскольку тогда резко выросло количество вузов — и технических, и других, и люди были нацелены на получение высшего образования — это вот поколение условного «бэби-бума». Образование выросло, а ресурс пожилых — нет. Поскольку ресурс должен быть реализован как-то, в первую очередь, через занятость и экономическую независимость. Здесь же вот этот потенциал, ригидность установок, действительно демонстрируются очень жесткие установки, например, что был установлен пенсионный возраст, и все, зачем же его менять, почему государство

так решило, это вообще подкоп и предательство — пожилые любят такое слово.

Профессиональная занятость — это тоже установка: нужно уступать место молодежи — зачем нужно, почему нужно и где эти молодые, которые претендуют на места квалифицированных пожилых, не очень понятно. Возвращаясь к Европе. В развитых странах очень много людей работает старше 70 лет и даже старше 75. И со здоровьем у них совсем не плохо, и пенсионный возраст там уже не 65, а 67 лет. Пожилые считают, что каждое поколение начинает стареть позже, так что и у нас существует отложенное старение от поколения к поколению. И что опять же интересно: меняется характер потребления, и сами пожилые визуально меняются. И хорошо, что у них есть такая обобщенно позитивная точка зрения. Но с экспертной точки зрения, конечно, ориентация на институциональные границы пока что очень сильная. У нас патерналистское государство было долго, и теперь оно снова такое, и поэтому нормативная регламентация вставляет людей в свои рамки. Наше исследование показывает, что сужение интересов до семьи и внуков происходит после 75 лет, но многие пожилые говорят, что это нормально и естественно для пожилой женщины. С мужчинами дело обстоит сложнее, их просто меньше в демографической структуре.

Заключение

Тема старения пока еще совсем новая. Более фундаментально разобрана социология возраста и молодежи. Конечно, социология молодежи развивалась с 60–70 гг. XX в., теперь вот социология детства стала модной областью. Исследование старения в этом смысле, конечно, отстает. Возраст изучается, но возраст, как тот же Смолькин, очень хороший исследователь из РАНХиГС, говорит: «Возраст еще ничего не объясняет». Он очень долго бился с теми авторами, которых я упомянула и которые очень нравятся коллегам. Ну да, можно говорить о возрасте, можно к метрической системе прибавлять какие-то культурные характеристики и т. д., но этого недостаточно. Кроме того, социокультурный мир России очень уж разнообразный. И я бы приняла, безусловно, упрек в том, что у меня такая точка зрения образованной жительницы большого города, это правда, что жизнь где-то в провинции — она совсем другая, и совершенно очевидно, почему она короче, чем здесь, в Санкт-Петербурге, когда речь идет об индустриальном труде в России. Вопрос технологий, сберегающих здоровье работника, у нас никогда всерьез не ставился, тогда как на этом держалась система в западных

странах — система сбережения здоровья. К сожалению, у нас не было идеологии такого сбережения и поддержки населения в том, чтобы жить долго и продуктивно. Продуктивное старение — это один из вариантов темы: вообще есть много вариантов, мне не уложиться ни в какие рамки, если бы я попробовала говорить о попытках теоретически все это разобрать и обосновать, но мне хотелось бы отметить признание важности этой темы в социологии, признание того, что попытка разложить, уменьшить степень неопределенности все-таки заметна.

Источники

Видясова Л. А., Григорьева И. А., Кривошапкина А. С. Карьерные ожидания пожилых в России: на основе анализа базы резюме с портала Роструда «Работа России» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2024. — № 1. — С. 26–47. — DOI: 10.14515/monitoring.2024.1.2430.

Видясова Л. А., Григорьева И. А. Предметное поле исследований активного / отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // Вестник СПбГУ. Сер.: Социология. — 2023. — Т. 16, вып. 1. — С. 4–26. — DOI: 10.21638/spbu12.2023.101.

Есть ли жизнь без смартфона? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/est-li-zhizn-bez-smartfona> (дата обращения: 12.06.2024).

Концепция политики активного долголетия: научно-методический доклад НИУ ВШЭ к XXI апрельской Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / Под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 40 с.

Котликофф Л. Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны : пер. с англ. — М.: Альпина бизнес букс: Ирисэн, 2005. — 347 с.

Лаз Ш. Веди себя по возрасту! // Социология власти. — 2019. — Т. 31, № 1. — С. 146–179. — DOI: 10.22394/2074-0492-2019-1-146-179.

Малева Т. М., Гришина Е. Е., Дормидонтова Ю. А., Казакова Ю. М., Ляшок В. Ю., Цацура Е. А. Возрастные работники на российском рынке труда. — М.: Дело: РАНХиГС, 2016. — 172 (1) с.

Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=193464&dst=100005#JvbDWFUOtSOhbCcR> (дата обращения: 12.06.2024).

Россет Э. Продолжительность человеческой жизни : пер. с польск. — М.: Прогресс, 1981. — 383 с.

Рыков М. Ю. Смертность детей от злокачественных новообразований в Российской Федерации // Онкопедиатрия. — 2017. — Т. 4, № 4. — С. 234–245. — DOI: 10.15690/onco.v4i4.1810.

Саралиева З. Х., Ермилова А. В. «Старые пожилые» как объект и субъект социальных рисков в системе социально-трудовых отношений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Сер.: Социально-экономические науки. — 2019. — № 4. — С. 8–19. — DOI: 10.15593/2224-9354/2019.4.1.

Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей // Вестник СПбГУ. Сер.: Социология. — 2016. — № 3. — С. 4–19. — DOI: 10.21638/11701/spbu.2016.301.

Численность населения РФ по полу и возрасту на 01.01.2022 // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ): [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

Active Ageing: A Policy Framework. [Geneva: World Health Organization, 2002]. — URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf (access date: 12.06.2024).

Political Declaration and Madrid International Plan of Action on Aging. [Second World Assembly on Aging, April 8–12, 2002, Madrid, Spain]. — URL: https://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/Madrid_plan.pdf (access date: 12.06.2024).

Regional Implementation Strategy for the Madrid International Plan of Action on Ageing. [UNECE Ministerial Conference on Ageing, September 11–13, 2002, Berlin, Germany]. — URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/RIS.pdf> (access date: 12.06.2024).

Vienna International Plan of Action on Aging. [World Assembly on Aging, July 16–August 6, 1982, Vienna, Austria]. — URL: http://www.monitoringris.org/documents/norm_glob/Scanned_Vienna_Int.Plan_Aging.pdf (access date: 12.06.2024).

Grigoryeva I., Parfenova O., Vidasova L. Factors Influencing Social Participation of Older People: Study of Practices of Delayed Ageing // *Changing Societies & Personalities*. — 2024. — Vol. 8, no. 1. — P. 14–35.

Riley M. W., Riley J. W. Jr. Age integration: conceptual and historical background // *The Gerontologist*. — 2000. — Vol. 40. — P. 266–270.

References

Active Ageing: A Policy Framework. [Geneva: World Health Organization, 2002]. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf (access date: 12.06.2024).

Grigoryeva I., Parfenova O., Vidasova L. Factors Influencing Social Participation of Older People: Study of Practices of Delayed Ageing. *Changing Societies & Personalities*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 14–35.

Is there life without a smartphone? *Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya*. [Russian Public Opinion Research Center (WCIOM).] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/est-li-zhizn-bez-smartfona> (access date: 12.06.2024).

Kotlikoff L. J. The Coming Generational Storm: What You Need to Know about America's Economic Future. [Russ. ed.: *Pensionnaya sistema pered burey: to, chto nuzhno znat' kazhdomu o finansovom budushchem svoey strany*.] Moscow, Al'pina biznes buks: Irisen publ., 2005, 347 p. (In Russ.)

Laz S. H. Act your age! *Sotsiologiya vlasti*, 2019, vol. 31, no. 1, pp. 146–179. DOI: 10.22394/2074-0492-2019-1-146-179 (In Russ.)

Maleva T. M., Grishina E. E., Dormidontova Ju. A., Kazakova Ju. M., Ljashok V. Ju., Cacura E. A. Aged workers on the Russian labor market. [Russ. ed.: *Vozrastnyye rabotniki na rossiyskom rynke truda*.] Moscow, Delo, RANKhiGS publ., 2016, 172 (1) p. (In Russ.)

Order of the Government of the Russian Federation dated February 5, 2016 No. 164-r "On approval of the Strategy of Action in the interests of older citizens in the Russian Federation until 2025". [Electronic resource]. Consultant Plus [website]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=193464&dst=100005#JvbDWFUOtSOhbCcR> (access date: 12.06.2024).

Ovcharova L. N., Morozova M. A., Sinyavskaja O. V. *Kontseptsiya politiki aktivnogo dolgoletiya: [nauchno-metodicheskiy doklad NIU VSHE k XXI Aprel'skoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva]*. [The concept of active longevity policy.] Moscow, izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, publ., 2020, 40 p. (In Russ.)

Political Declaration and Madrid International Plan of Action on Aging. [Second World Assembly on Aging, April 8–12, 2002, Madrid, Spain]. URL: https://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/Madrid_plan.pdf (access date: 12.06.2024).

Population of the Russian Federation by sex and age as of 01.01.2022. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki*. [Federal State Statistics Service (ROSSTAT).] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (access date: 12.06.2024).

Regional Implementation Strategy for the Madrid International Plan of Action on Ageing. [UNECE Ministerial Conference on Ageing, September 11–13, 2002, Berlin, Germany]. URL: <https://www.unecce.org/fileadmin/DAM/pau/RIS.pdf> (access date: 12.06.2024).

Riley M. W., Riley J. W. Jr. Age integration: conceptual and historical background. *The Gerontologist*, 2000, vol. 40, pp. 266–270.

Rosset E. Duration of human life. [Russ. ed.: *Prodolzhitel'nost' chelovecheskoy zhizni*.] Moscow, Progress publ., 1981, 383 p. (In Russ.)

Rykov M. Yu. Mortality of children from malignant neoplasms in the Russian Federation. *Onkopediatriya*, 2017, vol. 4, no. 4, pp. 234–245. DOI: 10.15690/onco.v4i4.1810. (In Russ.)

Samozanjatye rossijane starshego vozrasta kak gruppa prekarjata. [Elderly self-employed Russians as a precariat group.] Z. H. Saraliyeva Russ. ed.: *Personal starshego vozrasta kak chelovecheskiy kapital sovremennoj kompanii: uslovija, vozmozhnosti, ogranichenija* [Senior Staff as Human Capital of a Modern Company: Conditions, Opportunities, Limitations]. Transl. from Eng. by S. G. Klimova. St. Petersburg: Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2022, pp. 17–18. (In Russ.)

Saraliyeva Z. Kh., Yermilova A. V. "Old elderly" as an object and subject of social risks in the system of social and labor relations. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, 2019, no. 4, pp. 8–19. DOI: 10.15593/2224-9354/2019.4.1. (In Russ.)

Tykanova E. V., Khokhlova A. M. Basic concepts and approaches in the sociological study of life paths. *Vestnik SPbGU. Seriya Sotsiologiya*, 2016, no. 3, pp. 4–19. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.301. (In Russ.)

Vidyasova L. A., Grigor'yeva I. A., Krivoshapkina A. S. Career expectations of older people in Russia: based on an analysis of the resume database from the Rostrud portal “Work in Russia”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2024, no. 1, pp. 26–47. DOI: 10.14515/monitoring.2024.1.2430. (In Russ.)

Vidyasova L. A., Grigor'yeva I. A. Subject field of research on active/delayed aging: results of scientometric analysis and mapping. *Vestnik SPbGU. Seriya Sotsiologiya*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 4–26. DOI: 10.21638/spbu12.2023.101. (In Russ.)

Vienna International Plan of Action on Aging. [World Assembly on Aging, July 16–August 6, 1982, Vienna, Austria]. URL: http://www.monitoringris.org/documents/norm_glob/Scanned_Vienna_Int.Plan_Aging.pdf (access date: 12.06.2024).

Григорьева Ирина Андреевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.
soc28@yandex.ru

Grigoryeva, Irina A., Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. soc28@yandex.ru

DOI: 10.25990/socinstras.pss-24.vb2h-3717
EDN: EXXWOZ
УДК 316.334:37

Д. А. ПОТАПОВ, Н. Г. МАРКОВА

КОРПОРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ НА БАЗЕ EDTECH КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ

В статье анализируются аспекты обучения сотрудников в условиях оторванности от практик решения бизнес-задач и затрудненного профессионального самоопределения в современном мире. Выявляется причина этого явления в условиях сложившейся системы образования и рассматриваются шаги по преодолению данной проблемы. Рассматриваются процессы взаимодействия «HR-специалистов» и выпускников учебных заведений и опытных специалистов в условиях бизнеса. Акцентируется внимание на «HR-инструментах» по развитию «hard-skills — твердых навыков, soft-skills — гибких навыков» и ценностей сотрудников в EdTech-компаниях с учетом бизнес-задач. Актуализируется соответствие компетенций сотрудника задачам бизнеса. В статье на примере крупной EdTech-компании — Educate Online Inc — транслируется пошаговый сценарий развития всех знаний, умений и навыков наряду с ценностями у взрослого поколения через призму андрагогики.

Ключевые слова: EdTech, HR, андрагогика, бизнес, обучение, развитие, HR-специалист, ценности, гибкие навыки, твердые навыки, образовательная компания.

D. A. POTAPOV, N. G. MARKOVA

CORPORATE TRAINING OF EMPLOYEES ON THE BASIS OF THE COMPANY'S EDTECH IN THE CONTEXT OF BUSINESS PROCESSES

The article analyzes the aspects of employee training in the conditions of detachment from the practices of solving business problems and difficult professional self-determination in the modern world. The reason for this phenomenon in the conditions

of education is revealed and steps to overcome this problem are considered. The processes of interaction between “HR-specialists” and graduates of educational institutions and experienced professionals in the business environment are considered. Attention is emphasized on “HR-tools” for development of “hard-skills — hard skills, soft-skills — flexible skills” and values of employees in EdTech company taking into account business tasks. The correspondence of employee competencies to business tasks is actualized. In the article on the example of a large EdTech company — Educate Online Inc the step-by-step scenario of development of all knowledge, skills and abilities along with values in the adult generation through the prism of andragogy is translated.

Keywords: EdTech, HR, andragogy, business, training, development, HR-specialist, professional self-determination, values, flexible skills, hard skills, education company.

Введение

Согласно опросу, проведенному комиссией Общественной палаты по развитию высшего образования и науки, 85% работодателей считают необходимым повысить уровень подготовки студентов в вузе¹. Это связано с тем, что в последние годы наблюдается расхождение между знаниями, полученными выпускниками университетов и колледжей, и требованиями современного бизнеса (Дудина 2015). Компании и предприятия отмечают у студентов нехватку практических навыков и умений, необходимых для успешной работы в современной профессиональной среде. В качестве причин можно выделить быстрое развитие технологий и изменение требований рынка труда. Знания, полученные студентами во время обучения, могут быть уже неактуальными к моменту их поступления на работу. Технологии и методы работы могут изменяться настолько быстро, что университеты и колледжи не всегда успевают адаптировать свои программы обучения под новые требования. В связи с этим тенденция разрыва обучения и «реального бизнеса» набирает обороты с каждым годом, что выражается в устаревании образовательных подходов. Кроме того, наблюдается перенасыщенность объема знаний, полученных в университете, которые малоприменимы в условиях бизнеса. Выпускник университета подкован с точки зрения теоретических знаний,

¹ 85% работодателей говорят о необходимости улучшить практическую подготовку студентов // Ведомости. — 2023. — 12 июня. — URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/07/12/984879-85-rabotodatelei-govoryat-o-neobhodimosti?ysclid=lr1xqry85p985472171> (дата обращения: 16.12.2023).

в то время как бизнес стремится оптимизировать и облегчить многие процессы с учетом преимущественно углубленного практического подхода к решению той или иной проблемы.

В современных условиях наблюдается разрыв ожиданий студентов от получаемой профессии и реальной практики в качестве специалиста. Вместе с тем нехватка / отсутствие хотя бы минимального опыта работы с реальными проектами и ситуациями служит дополнительным затруднением в его будущем трудоустройстве. Кроме того, некоторые компании считают, что университеты и колледжи не обеспечивают достаточное количество практических занятий и стажировок, которые помогли бы студентам получить реальный опыт работы (Характер взаимодействия российских компаний и системы высшего образования глазами работодателей 2014: 165). Это может быть связано с ограниченными ресурсами и возможностями учебных заведений.

В свете этих факторов многие компании предпочитают нанимать выпускников с опытом работы или предлагают им программы стажировок и обучения на рабочем месте. Это позволяет компаниям обучать сотрудников в соответствии с требованиями своей отрасли и обеспечивать их практическими навыками и знаниями (Razumova 2021: 85–98).

Важным представляется минимизация временных издержек в процессе выстраивания траектории обучения. В связи с этим возникает вопрос, как сделать так, чтобы обучение строилось на базе целенаправленного трека с фиксированной хронологией действий в пользу целостного понимания новых методов, теорий в той или иной профессиональной области с точки зрения перспективных трендов? Что должен предпринять руководитель по отношению к подчиненным, чтобы руководящее лицо могло грамотно извлекать активные *hard-skills* и *soft-skills*, и организовывать определенные мероприятия на развитие пассивных знаний, умений и навыков в перспективе?

Для решения этой проблемы необходимо укреплять связь между учебными заведениями и бизнесом, обеспечивать студентам возможности большего изучения практического опыта, адаптировать программы обучения под требования современного рынка труда. С этих позиций считаем целесообразным изучение специфики корпоративного обучения персонала на базе EdTech-компаний в условиях корпоративного обучения, поскольку проблематика профессионального самоопределения людей на этапе выбора профессии, смены карьерного трека, развития знаний, умения и навыков является одной из ключевых повесток в профессиональной деятельности.

Теоретический подход к вопросу обучения сотрудников в EdTech-компаниях

Исследование проведено в компании Educate Online Inc², основная деятельность которой базируется на онлайн-образовании для детей и подростков. В основе обучения сотрудников данной компании лежат следующие концепты: непрерывное образование взрослых, развитие сильных сторон и работа над точками роста (слабыми сторонами) в рамках позитивной психологии и формирование ценностей компании. Непрерывное образование демонстрирует идею о том, что личность должна развиваться на протяжении всей своей жизни. Научно-технический прогресс накладывает отпечаток на выбираемые подходы и методы обучения. «Непрерывным является образование, всеохватывающее по полноте, индивидуализированное по времени, темпам и направленности, предоставляющее каждому право и возможности реализации собственной программы его получения и пополнения в течение всей жизни» (Сженов 2011: 93–98). Таким образом, принцип *life learning* является не только важной педагогической концепцией в рамках развития человека, но и становится ключевым аспектом в политике образования ЕС и фундаментом европейской модели образования (Карпущина 2006).

Данный концепт начинают применять активно в трудовой деятельности именно из-за того, что на производстве все процессы видоизменяются стремительно быстро и сотрудник обязан владеть актуальными знаниями с целью профессионального решения тех или иных бизнес-задач. Компания, в свою очередь, рассматривается как «социально-познавательная структура», которая разрабатывает модель обучения с целью получения нового знания (Schon 1971). Мотивация сотрудника поддерживается за счет психологической поддержки, повышения статуса и улучшения экономической составляющей. Кроме того, чем ценнее сотрудник, тем сильнее компания стремится инвестировать свои ресурсы в развитие квалификации этого специалиста. Таким образом, система обучения превращается в мощный стимул повышения производительности труда именно в силу того, что сотрудник начинает применять новые подходы, которые помогают бизнесу решать те или иные задачи намного быстрее и с наименьшим количеством ошибок (Сивец 2007).

Анализ современной социально-педагогической литературы позволяет сделать вывод о значительном вкладе в разработку теоретических

² URL: <https://educate-online.ru> (дата обращения: 16.12.2023).

оснований в области изучения непрерывного образования, обучения взрослых и знания как элемента экзистенциальной жизни индивидов и общества.

Например, А. Роджерс — английский исследователь в области андрагогики — предложил рассматривать обучение взрослых через призму трех ключевых характеристик:

- полнота развития или зрелость;
- чувство перспективы;
- самоуправление или автономия.

В его понимании, взрослый не просто получает всестороннее развитие личности, но и стремится применить свои знания в преобразовании окружающей среды с целью достижения определенного результата в условиях самостоятельного принятия решений и ответственности за свои действия. Именно поэтому развивать взрослых нужно через призму того, что нужно не только учитывать эти характеристики, но и усиливать их с целью гармоничного роста личности в процессе обучения (Rogers 1998).

Дж. Дьюи рассматривал обучение как процесс получения знания для решения конкретной проблемы в той или иной деятельности с дальнейшим развитием аналитических способностей у индивида и общества (Дьюи 2000: 146–149). Знание помогает индивиду и социальным группам проявлять интерес к общественным отношениям с целью дальнейшей адаптации к изменяющимся социальным условиям.

В этом отношении корпоративное обучение стремится развивать аналитические способности у сотрудников через призму жизненного опыта для решения бизнес-задач.

С этой точки зрения важно, чтобы индивид мог не просто применять знание, но и мог объяснять свои действия. Об этом писал Э. Гидденс, утверждая, что способность трактовать свои действия через призму цели, причин этого акта называется рационализацией действия. Именно поэтому рационализация действия является не только неотъемлемой характеристикой компетентного субъекта, но и маркером уровня компетенций субъекта, по которому его оценивают окружающие (Giddens 1979: 57). Таким образом, активная проверка своих знаний о мире порождает радикальное сомнение, которое становится одним из важнейших экзистенциальных параметров высокой современности (Абрамова 2011: 83–103). Процесс обучения, в свою очередь, также должен видоизменяться с учетом новых реалий. З. Бауман считал, что эпоха постмодернити стремится обновить достижения эпохи модернити в области образования в силу того, что потребности совершенно нового

общества стали иными и те знания, которые были актуальны в эпоху модернити, ушли на другой план (Бауман 2002: 162).

Я. А. Коменский, предложивший принцип природосообразности, согласно которому обучение и воспитание должны формироваться в концепции возрастных особенностей индивида, также является одним из ключевых аспектов в любом обучении: «Все подлежащее усвоению должно быть распределено сообразно ступеням возраста так, чтобы предлагалось для изучения только то, что доступно восприятию в каждом возрасте» (Подласый 2002: 102). Кроме того, у каждого взрослого уже есть свой уникальный и неповторимый жизненный опыт решения тех или иных задач, важно данный опыт подчеркивать и насыщать новыми знаниями, помогая в формировании определенной формы жизненного опыта, используя различные приемы, концепции, термины и так далее.

Методические материалы в области обучения взрослых должны учитывать андрагогику. Так, в исследовании А. В. Гвоздевой представлен новый вид дифференциации — адаптивная дифференциация, под которой понимается «обучение, учитывающее индивидуальные характеристики студентов, максимально приспособляющее к ним образовательный процесс и создающее условия для развития личностного потенциала каждого обучающегося и его самореализации как субъекта познания, культуры, творчества, общения и т. д.» (Гвоздева 2007: 31–32). Обучение должно уходить от стагнации в сторону многократного обновления с динамическим содержанием. Каждая программа должна развиваться и учитывать возрастные особенности обучаемого. Взрослый человек изучает материал не в формате того, что любое знание — это новая информация, а в оптике, что знание помогает ему решить жизненную и рабочую проблему за счет полученных знаний. Взрослый стремится к немедленному практическому применению полученных знаний и умений в повседневной и профессиональной жизни, поэтому его требования к обучению находятся на повышенном уровне (Невдах 2013: 24–25).

Многие компании фокусируются на устранении слабых сторон сотрудника, затрачивая на это огромные ресурсы. Вместе с тем лучше фокусироваться на раскрытии сильных и скрытых сторон личности. Именно поэтому в бизнесе применяют концепцию сильных сторон Дона Клифтона, суть которой в том, что лучшая помощь, которую может оказать компания по отношению к человеку, — это показать ему, кем он может стать в будущем, если раскроет свой истинный потенциал. Обнаружить природные способности и придать форму — одна из

основных повесток данной концепции, поскольку большинство людей не знают о своих самых сильных сторонах (Buckingham, Clifton 2001: 57). Понимая свои сильные стороны, сотрудник может достичь высоких результатов в своей работе за счет оптимизации и автоматизации многих процессов в силу своих раскрытых знаний (Buckingham 2008).

Формирование успешной корпоративной культуры зависит от структуры ценностей. Важно обучать взрослых не только необходимым навыкам, но и прививать определенные внутренние ценности компании. Например, Г. Риккерт истолковывает ценности как принцип, который задает динамику развития не просто человеческой деятельности, но и всему бытию в контексте человеческих взаимоотношений: «Если цели субъектов лишены ценности, то они не могут осмыслить нашего существования» (Риккерт 1998: 71). Сотрудник должен понимать, что каждое его действие обусловлено теми или иными принятыми в компании ценностями.

В процессе обучения у сотрудника формируется понимание системы разрешений и запретов, способствующих достижению поставленных задач. Поэтому такие ценности, как общечеловеческие, политические, экономические, социальные, чаще всего выражаются в миссии компании и являются ее фундаментом (экономические ценности: выгода, риски и др.), а те, которые предлагают пути решения или достижения общей цели, определяют принципы формирования политики компании, закладываемые в установленные нормы поведения персонала при взаимодействии с клиентами, партнерами, сотрудниками и т. д. (Карташова 2002: 74). Как считает П. Вейлл (Вейлл 1993: 70), система любого объекта, объединяющая людей, имеет следующие категории ценностей:

- экономическая;
- технологическая: вопросы, касающиеся совершенствование методов и подходов в рамках производственных отношений;
- общественная — то, как сотрудники относятся к месту работы;
- социально-политическая: комплекс отношений компании с клиентами;
- трансцендентальная: понимание ответа на вопрос — что из себя представляет компания в оптике сотрудника?

В этом отношении ценности начинают выступать ключевыми элементами общей ментальности между руководством компанией и ее сотрудниками. Последние начинают не только жить в компании по определенным запрограммированным моделям поведения, но и ожидают от других индивидов схожего мировосприятия в вопросах взаимодействия

с другими людьми, ценностного восприятия и так далее. Так, например, Герт Хофстеде, нидерландский социолог, предложил свою методику анализа корпоративных культур в разных странах на основе четырех ключевых признаков: индивидуализм — коллективизм; дистанция власти; неприятие неопределенности; мужественность — женственность (Hofstede 2001). С помощью этой методики он смог выявить не только внешние особенности той или иной организационной культуры, но и глубинные ментальные связи, возникающие между членами организации и влияющие на общую производительность труда в рамках бизнес-процессов.

Таким образом, в процессе обучения сотрудников необходимо учитывать основные ценности компании, которые будут закладываться в образовательные программы. Синхронизация ценностей сотрудников с корпоративной культурой будет способствовать увеличению продуктивности компании.

Кейс-сценарий корпоративного обучения сотрудника в EdTech компании (на примере международного агентства Educate Online)

Educate Online — международное агентство, которое помогает людям обучаться в любой стране мира: получить общее, среднее профессиональное, высшее образование³. В этом отношении одной из ценностей данной компании является ежеквартальное обучение всех сотрудников новым знаниям, умениям и навыкам в рамках бизнес-задач. В данном кейсе мы попытаемся продемонстрировать пошагово действия HR-специалистов по запуску процесса корпоративного обучения.

Каждая должность предполагает четыре нижеуказанных этапа. То, на чем нужно сосредоточиться для развития в данный момент, зависит от этапа, на котором кандидат сейчас находится: 1) онбординг — введение в должность, когда сотрудник изучает основы занимаемой должности, культуры Educate Online и методов работы; 2) перформинг — достижение результатов. Здесь сотрудник определяет, в чем заключаются его сильные стороны, как он может достичь ключевых результатов; 3) мастерство — совершенствование имеющихся знаний, умений и навыков; 4) переход — переход к следующему вызову.

На каждом этапе сотрудник приступает к новой роли в рамках горизонтальной или вертикальной мобильности. В рамках всех

³ URL: <https://educate-online.ru> (дата обращения: 16.12.2023).

этих этапов в компании существует определенная механика работы HR-специалистов. Обучение проводится каждый квартал и движется в рамках непрерывного образования. Обучение является непрерывным и интенсивным, если сравнивать с повышением квалификации в государственных учреждениях, где сотрудники чаще всего повышают квалификацию раз в 5 лет. В EdTech компаниях специалисты по управлению людскими ресурсами стремятся развивать сотрудников часто и с глубиной проработкой. Это связано с тем, что бизнес в данном сегменте развивается в рамках условиях турбулентности и VUCA-мира (англ. V — volatility, U — uncertainty, C — complexity, A — ambiguity), в котором не существует понятия стабильности. В этом отношении сотрудники IT / EdTech компаний стремятся быть готовыми к любым вызовам, поэтому сотрудники обязаны владеть наилучшими компетенциями, которые позволяют защитить бизнес от тех или иных рисков (Обухова 2021: 11–22).

Для начала перед HR-специалистами в Educate Online ставится задача провести глубинное и биографическое интервью по методике Ф. Шютце с целью выявления тех или иных интенций при выборе профессии, интересов и хобби в рамках прошлого опыта. После расшифровки интервью и тематического анализа выявляются ключевые коды, которые используются при формировании индивидуального плана развития сотрудника (PDP — Personal Development Plan).

В качестве инструмента используется таблица, в которой измеряются активные и пассивные гибкие и твердые навыки, ставятся вопросы в области саморефлексии по тем или иным задачам, ориентируясь на временной отрезок в шесть месяцев для развития компетенций в работе над ключевыми проектами. Активные знания фиксируются исходя из глубинного биографического интервью, тогда как пассивные знания окончательно фиксируются лишь после собеседования руководителя и сотрудника. Это связано с тем, что руководитель понимает лучше всех, каких компетенций не хватает кандидату для выполнения тех или иных бизнес-задач или для получения в будущем определенной должности в компании. После финального согласования определяются не только сроки по освоению того или иного навыка, но и какое тестовое задание будет использоваться для оценки уровня освоенного навыка: junior — middle — middle + senior — senior + с учетом трехбалльной шкалы, где 1 балл соответствует слабому уровню, 2 балла — сотрудник выполнил задание на хорошем уровне, но имеет точки роста, 3 балла — сотрудник превзошел ожидания и выполнил задачу на уровень эксперта.

После оформления индивидуального плана развития следует другой этап корпоративного обучения — ключевые цели на квартал.

Важно отметить, что обучение выстраивается вокруг бизнес-проектов, поэтому в EdTech-компаниях часто применяется модель OKR (Objective and Key Results) — система управления ключевыми целями в бизнесе (Palo Alto 2015). Каждое обучение в EdTech-компаниях связано с тем, чтобы сотрудник, получив актуальные знания, мог оптимизировать, автоматизировать или улучшить большинство бизнес-процессов. Однако, чтобы сотрудник овладел новой компетенцией, ему нужны проекты, в которых важно не только освоение новых знаний, умений и навыков, но и осознание того, что каждое действие требует от сотрудника наличия серьезной ответственности за свое обучение и свои действия. В этом отношении обучение становится более серьезным за счет повышенного спроса со стороны обучающихся и понимания будущего результата самим обучаемым.

План действий заключается в следующем. Сотрудник самостоятельно прописывает объективные (широкие) цели на квартал, обычно формируются до пяти ключевых целей. Затем он распределяет свои 100% ресурсов на все эти цели в зависимости от приоритета. После этого руководитель помогает сотруднику выделить в каждой общей задаче на квартал ключевые действия по выполнению проекта. Например, у сотрудника в третьем квартале ключевая задача была оформить NDA — это соглашение о неразглашении конфиденциальных данных, но для того, чтобы задача была выполнена, в этой общей задаче выделяются ключевые действия: изучить законодательную базу той или иной страны, проанализировать все данные в компании и выявить группы ключевых типов данных, которые нужно будет защитить в рамках законодательной базы, а после оформить данный документ и собрать все подписи сотрудников, связанных с выполнением этой ключевой задачи.

Сотрудник, оформив ключевые действия, приступает к оформлению дедлайнов и выбору коуча по этой задаче. Коуч должен быть опытным с точки зрения тех или иных компетенций в рамках соответствующей задачи, в его обязанности входит корректировка действий неопытного сотрудника и дальнейшее сопровождение не только с точки зрения знаний, умений и навыков, но и с точки зрения эмоционального дисплея этого кандидата (Масалимова 2013).

Однако не только компетенции являются залогом успеха роста компании. Сильная корпоративная культура также способствует росту эффективности компании за счет внутренних ценностей компании,

которые способствуют мотивации сотрудников и пониманию того, что сотрудник также должен соответствовать корпоративным ценностям бизнеса. В компании Educate Online также выделяют несколько корпоративных ценностей, и в рамках обучения сотрудников специалисты по управлению персоналом стремятся к тому, чтобы не только знания, умения и навыки развивались у сотрудников, но и чтобы у них приобретались определенные внутренние ценности компании. Для формирования этих ценностей в компании менеджеры проводят месяц корпоративных ценностей, где основатели компании и руководители подразделений проводят мастер-классы с командами в рамках формирования этих норм у сотрудников.

Чаще всего сотрудников помещают в определенные кейс-ситуации, где сотруднику дают возможность самостоятельно решить проблему, а далее основатели компании и руководители подразделений демонстрируют пути решения этих кейс-ситуаций через призму ценностей бизнеса. Кроме того, после прохождения обучения в определенном квартале сотрудник проводит саморефлексию по ценностям компании на предмет их принятия, а затем самооценка оценивается руководителем, который окончательно фиксирует наличие соответствующих ценностей у сотрудника.

В компании выделены следующие ключевые ценности:

- делай то, что имеет смысл;
- будь гибким;
- давай и принимай обратную связь;
- относись к компании как к своей собственной;
- пробуй и учись.

Компания стремится воспитывать новое поколение с точки зрения привития определенных культурных ценностей в силу того, что бизнесу важно, чтобы сотрудник соответствовал определенным нормам, которые будут отличать его от других специалистов на рынке труда, чтобы сотруднику не доказывали, для чего нужно обучение и развитие, чтобы сотрудник понимал ценность всего происходящего в компании. Если специалист не стремится сформировать определенные ценности, а стремится получить лишь компетенции и блага, то он получает статус — потребитель, а не член семьи в рамках компании. Для EdTech компании характерно то, что сотрудники чаще всего относятся к коллегам именно как членам семьи, поэтому корпоративные ценности здесь очень важны.

Следующий шаг заключается в том, что сотруднику предоставляют дополнительно различные курсы других экспертов с целью финального

закрепления компетенций по тем или иным проектам. Чаще всего сотрудники компании Educate Online стремятся освоить следующие компетенции: аналитика различных метрик с помощью AI (искусственный интеллект) с финальным оформлением детальной визуализации через призму графического дизайна; управление командами в рамках обучения, удержания, мотивации, адаптации сотрудников; проведение маркетинговых исследований с целью глубинного анализа конкурентов; навыки прогнозирования бизнес-рисков, действий сотрудников и клиентов; развитие личного бренда не только компании, но и сотрудников; оптимизация, автоматизация и ускорение всех бизнес-процессов.

Таким образом, все сотрудники Educate Online независимо от статуса в компании, от уровня образования, пола, расы, возраста получают всестороннее и интенсивное обучение каждые шесть месяцев. Это приводит к тому, что сотрудники осваивают действительно важные компетенции с детальной проработкой за более короткий срок. Детальная теоретическая информация отбрасывается за счет того, что она попросту не будет востребована в рамках решения бизнес-задач. Так что сотрудники получают отфильтрованные знания, которые они не только смогут применять, но и осознают, для чего эти знания нужны в рамках различных проектов.

Выводы

Продуктивность организации зависит от множества факторов, включающих в себя соответствие целей, сформированную корпоративную культуру и систему обучения персонала. Корпоративная культура в этом случае выполняет роль платформы, формирующей основополагающие принципы и основные модели поведения, принятые в данной компании. Сотрудники, обладающие ценностями, сходными с ценностями корпоративной культуры компании, обучаются в более ускоренном темпе и включаются в решение бизнес-задач более активно, нежели в случае расхождения системы идеалов и представлений. Поэтому специалисты по управлению персоналом стремятся разработать лучшие HR-практики с целью грамотной адаптации персонала в условиях бизнес-процессов и всестороннего развития сотрудника. В этом отношении создаются все условия для измерения уровня компетенций сотрудника на определенном моменте пребывания в компании и фиксируются дальнейшие шаги по повышению уровня знаний в будущем за счет индивидуального плана развития, OKR оценки и корпоративных ценностей.

Источники

Абрамова Н. В. Социологические интерпретации концепции «непрерывного профессионального образования взрослых» // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2011. — Т. 14, № 3. — С. 96.

Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. Л. Иноземцева, З. Бауман. — М.: Логос, 2002. — 390 с.

Бондаренко Н. В. Характер взаимодействия российских компаний и системы высшего образования глазами работодателей. Итоги опроса 2013 г., по данным Левада-Центра // Вопросы образования. — 2014. — № 1. — С. 162–175.

Вейлл П. Искусство менеджмента : пер. с англ. — М.: Новости, 1993. — 220 с.

Гвоздева А. В. О взаимосвязи интеграции и дифференциации в обучении // Педагогическое образование и наука. — 2007. — № 3. — С. 31–32.

Дудина М. М., Глотова Е. Е. Изучение требований работодателей к выпускникам вузов: российский и зарубежный опыт // Вестник Омского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные исследования. — 2015. — № 1 (5). — С. 95–98.

Дьюи Дж. Демократия и образование : пер. с англ. — М.: Педагогика Пресс, 2000. — 384 с.

Карпухина А. Е. Мониторинг непрерывного образования: инструмент управления и социологические аспекты. — М.: МАКС Пресс, 2006. — 340 с.

Карташова Л., Никонова Г., Соломанидина Т. Организационное поведение. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 220 с.

Масалимова, А. Р. Корпоративная подготовка наставников: монография. — Казань: Печать-Сервис — XXI век, 2013. — 183 с.

Невдах С. И. Организационно-педагогические условия подготовки педагогов в системе дополнительного образования взрослых // Вестник МГПУ. Сер.: Педагогика и психология. — 2013. — № 1 (23). — С. 24–25.

Обухова Н. И. VUCA-мир и образовательная среда // Калининградский вестник образования. — 2021. — № 3. — С. 11–22.

Подласый И. П. Педагогика: Кн. 1: Общие основы. Процесс обучения. — М.: ВЛАДОС, 2002. — 576 с.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем.; общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова; сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. — М.: Республика, 1998. — 413 с.

Сжёнов Е. С. О разработке концепции непрерывного образования: основания и принципы // Высшее образование в России. — 2011. — № 2. — С. 93–98.

Сивец С. Д. Непрерывное образование: концепция и реализация [Электронный ресурс] // Элитариум: Центр дистанционного образования: [сайт]. — URL: http://www.elitarium.ru/2007/09/13/nepreryvnoe_obrazovanie_koncepcija_i_ee_realizacija.html (дата обращения: 16.12.2023).

Учеба за границей, дистанционное образование за рубежом онлайн. — URL: <https://educate-online.ru> (дата обращения: 13.12.2023).

Buckingham M. The truth about you: Your secret to success. — Nashville, TN: Thomas Nelson Inc., 2008. — 112 p.

Buckingham M., Clifton D. O. Now, discover your strengths. — New York: Free Press, 2001. — P. 57.

Duggan K. Getting Started with Objectives & Key Results (OKRs) // E-book. BetterWorks, Palo Alto. — 2015. — 28 p.

Hofstede G. Culture's Consequences, Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. — Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. — 596 p.

Giddens A. Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. — London: Macmillan press, 1979. — P. 57.

Razumova T. O., Yanchuk O. Yu. Opportunities and risks of remote forms of employment for university students and graduates // Social and labor research. — 2021. — No. 2 (43). — P. 85–98. — DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-85-98.

Rogers A. Teaching Adults. — 3rd ed. — Buckingham: Open University Press, 2002. — 304 p.

Schon D. A. Beyond the stable state. — London: Temple-Smith, 1971. — 254 p.

References

Abramova N. V. Sociologicheskie interpretacii koncepcii “nepreryvnogo professional’nogo obrazovaniya vzroslykh”. [Sociological interpretations of the concept of “continuous professional education of adults”.] *Zhurnal sociologii i social’noj antropologii*, 2011, vol. 14, no. 3, p. 96. (In Russ.)

Bauman Z. Individualized society. [Russ. ed.: *Individualizirovannoye obchestvo*.] Transl. from English ed. by L. Inozemtseva., Z. Bauman. Moscow, Logos, 2002, 390 p. (In Russ.)

Bondarenko N. V. Harakter vzaimodejstviya rossijskikh kompanij i sistemy vysshego obrazovaniya glazami rabotodatelej. Itogi oprosa 2013 g., po dannym Levada-Centra. [The nature of interaction between Russian companies and the higher education system through the eyes of employers. Results of the 2013 survey, according to Levada Center.] *Voprosy obrazovaniya*, 2014, no. 1, pp. 162–175. (In Russ.)

Buckingham M. *The truth about you: Your secret to success*. Nashville, TN, Thomas Nelson Inc., 2008, 112 p.

Buckingham M., Clifton D. O. *Now, discover your strengths*. New York, Free Press, 2001, p. 57.

Dewey J. *Democracy and Education*. [Russ. ed.: *Demokratiya i obrazovanie*.] Trans. from English. Moscow, Pedagogy Press, 2000, 384 p. (In Russ.)

Duggan K. *Getting Started with Objectives & Key Results (OKRs)*. E-book, BetterWorks, Palo Alto, 2015, 28 p.

Dudina M. M., Glotova E. E. Izuchenie trebovanij rabotodatelej k vypusknikam vuzov: rossijskij i zarubezhnyj opyt. [The studying of requirements of the employers for university graduates: Russian and foreign experience.] *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo*

pedagogicheskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye issledovaniya, 2015, no. 1 (5), pp. 95–98. (In Russ.)

Hofstede G. *Culture's Consequences, Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. Thousand Oaks CA, Sage Publications, 2001, 596 p.

Giddens A. *Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis*. London, Macmillan press, 1979, p. 57.

Gvozdeva A. B. O vzaimosvyazi integratsii i differentsiatsii v obuchenii. [On the relationship between integration and differentiation in education]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, 2007, no 3, pp. 31–32. (In Russ.)

Karpukhina A. E. *Monitoring nepreryvnogo obrazovaniya: instrument upravleniya i sociologicheskie aspekty*. [Monitoring of continuous education: management tool and sociological aspects.] Moscow, MAKS Press, 2006, 340 p. (In Russ.)

Kartashova L., Nikonova G., Solomanidina T. *Organizacionnoe povedenie*. [The organizational behavior.] Moscow, INFRA-M, 2002, 220 p. (In Russ.)

Masalimova A. R. *Korporativnaya podgotovka nastavnikov: monografiya*. [Corporate training of mentors.] Kazan', Pechat'-Servis — XXI vek, 2013, 183 p. (In Russ.)

Nevdah S. I. Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya podgotovki pedagogov v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya vzroslykh. [Organizational and pedagogical conditions for training teachers in the system of additional adult education.] *Vestnik MGPU. Ser. Pedagogika i psihologiya*, 2013, no. 1 (23), pp. 24–25. (In Russ.)

Obuhova N. I. VUCA-mir i obrazovatel'naya sreda. [VUCA world and educational environment.] *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Kaliningradskij vestnik obrazovaniya»*, 2021, no. 3, pp. 11–22. (In Russ.)

Podlasyj I. P. *Pedagogika: Kn. 1: Obshchie osnovy. Process obucheniya*. [Pedagogy: Book 1: General basics. Learning process.] Moscow, VLADOS, 2002, 576 p. (In Russ.)

Razumova T. O., Yanchuk O. Yu. Opportunities and risks of remote forms of employment for university students and graduates. *Social and labor research*, 2021, no. 2 (43), pp. 85–98. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-85-98.

Rikkert G. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture*. [Naturwissenschaften und Kulturwissenschaften.] Per. s nem.; obshch. red. i predisl. A. F. Zotova; sost. A. P. Polyakova, M. M. Belyaeva; podgot. teksta i primech. R. K. Medvedevoy. Moscow, Respublika, 1998, 413 p. (In Russ.)

Rogers A. *Teaching Adults*. 3rd ed. Buckingham, Open University Press, 2002, 304 p.

Schon D. A. *Beyond the stable state*. London, Temple-Smith, 1971, 254 p.

Szhyonov E. S. *O razrabotke koncepcii nepreryvnogo obrazovaniya: osnovaniya i principy*. [About the development of the concept of lifelong education: foundations and principle. s. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2011, no. 2, p. 93–98. (In Russ.)

Sivec S. D. Nepreryvnoe obrazovanie: koncepciya i realizaciya. Elitarium: Centr distantsionnogo obrazovaniya. [Elitarium: Center for Distance Education.] URL: http://www.elitarium.ru/2007/09/13/nepreryvnoe_obrazovanie_konsepsiya_i_ee_realizatsiya.html (access date: 16.12.2023).

Ucheba zagranicej, distantsionnoe obrazovanie za rubezhom onlajn. [Study abroad, distance education abroad online.] URL: <https://educate-online.ru> (access date: 13.12.2023).

Weill P. The Art of Management. [Russ. ed.: *Iskusstvo menedzhmenta*.] Transl. from Eng. Moscow, News, 1993, 220 p. (In Russ.)

Потапов Дмитрий Андреевич, аспирант, кафедра педагогики им. З. Т. Шарафутдинова, Набережночелнинский педагогический государственный университет; руководитель HR-департамента и бренда в компании Educate Online Inc; г. Москва / г. Далянь, Россия / Китай.
velikanovpotapov@yandex.ru

Маркова Надежда Григорьевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор, Набережночелнинский государственный педагогический университет; г. Набережные Челны, Россия.

Potapov, Dmitry A., postgraduate student, Department of Pedagogy named after Z. T. Sharafutdinov. Naberezhnye Chelny Pedagogical State University; Head of HR-Department and Brand at “Educate Online Inc”; Moscow / Dalian, Russia / China. velikanovpotapov@yandex.ru

Markova, Nadezhda G., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia.

Н. Д. СКОРОХОДОВА

**КАРЬЕРА ТРЕНЕРА-ЖЕНЩИНЫ В ВИДЕ
СПОРТА С ДОМИНИРОВАНИЕМ МУЖЧИН:
ПРИМЕР ЮНОШЕСКИХ КОМАНД ПО БОЕВЫМ
ИСКУССТВАМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Основное содержание исследования составляет анализ биографических интервью с тренерами-женщинами, работающими в боевых искусствах: карате, тайский бокс. В статье раскрываются сценарии стереотипного мышления о «мужской» и «женской» профессиональной деятельности в области тренерства. На основе нарративного анализа 10 биографических интервью с привлечением теории карьерных переходов установлено, что социальное окружение тренеров играет весомую роль в их профессиональном становлении. Рассматриваются также структурные практики, описывающие влияние женщин на тренерских должностях. Особое внимание уделено препятствиям позиционированию женщин в спорте.

Ключевые слова: социология спорта, гендерные исследования, женская карьера, исследования карьеры.

NINA D. SKOROKHODOVA

**CAREER OF A FEMALE COACH IN MALE-DOMINATED
SPORTS: AN EXAMPLE OF YOUTH MARTIAL ARTS
TEAMS IN ST. PETERSBURG**

The main content of the study is the analysis of biographical interviews with female trainers working in martial arts: karate, Thai boxing. The article reveals scenarios of stereotypical thinking about “male” and “female” professional activities in the field of coaching. Based on the narrative analysis of 10 biographical interviews involving the theory of career transitions, it is established that the social environment of coaches plays a significant role in their professional development. The study also examines structural practices describing the influence of women in coaching positions. Special attention is paid to the obstacles to the positioning of women in sports.

Keywords: sociology of sports, gender studies, women’s career, career research.

Введение

Тренерская карьера понимается как определенный путь продолжения карьеры спортсмена (Baillie, Danish 1992). Карьера в целом — это концепция, которая включает в себя различные этапы, изменение статуса и адаптацию к новым условиям. Путь к карьере тренера довольно ограничен, поскольку предполагает определенный опыт, знания и практику. Часто тренерство рассматривается как завершение спортивной карьеры спортсмена (Cartigny et al. 2021), однако работу тренера можно считать и переходным этапом (Wylleman et al. 2004).

Тренерская карьера женщин описывается расплывчато, как отдельные случаи изучения профессиональной жизни спортсменов. Как правило, женские истории рассматриваются неразрывно с мужскими и редко выделяются из общего тренерского пути (Bauman 2017). Однако для построения успешной карьеры женщин существуют особые характеристики, которые следует учитывать при изучении тренерской деятельности. Женщинам трудно достичь руководящих позиций в спорте, и они, как численное меньшинство, сталкиваются с препятствиями (Burton 2015).

В подавляющем большинстве публикаций, посвященных гендерному дискурсу в спорте, женщины как группа считаются недостаточно представленными в тренерской карьере. По общему мнению, профессия тренера долгое время была и остается профессией, в которой доминируют белые мужчины (Norman, Rankin-Wright 2016). Кроме того, в существующих исследованиях по проблеме вышеупомянутого неравенства не рассматриваются контекстуальные факторы, такие как необходимость балансировать личную и профессиональную жизнь, соответствовать ожиданиям общества и вырабатывать личный стиль тренерства. Собственное женское восприятие жизненного пути служит лишь источником информации при изучении карьеры. Важно понять, что формирует отношение женщин-тренеров к своей профессии, с какими трудностями они сталкиваются, чтобы сократить существующие гендерные различия в тренерстве.

Теоретический контекст

Концепция карьерного перехода

По мере того как человек развивается на протяжении всей своей жизни, он переживает переходные периоды, приводящие к существенным изменениям (Schlossberg 1981). Это положение тесно связано не только

с исследованиями развития личности на протяжении жизни (Erikson 1963), но и с развитием карьеры. Переходный период понимается как серия событий, которые приводят к изменениям в отношении индивида к самому себе или окружающему миру и требуют соответствующих изменений в его привычном поведении (Schlossberg 1981).

События жизненного цикла заставляют людей приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям (Neugarten 1976). Выбор определенной профессии и стремление к ней считаются осознанным выбором и ожидаемым событием в жизни (Savickas 2002). В области спорта концепция перехода впервые была использована при изучении стратегий преодоления спортсменами трудностей на пороге завершения профессиональной карьеры (Hallden 1965). Одним из мотивов для завершения карьеры спортсмена является спортивная травма (Довжик 2018). Она рассматривается какотягающий фактор, когда речь идет о переходе на позицию тренера (Wylleman et al. 2004). Травмы, а также понятие «спортивной пенсии» часто связывают с состояниями угнетения, непонимания и «социальной смерти» среди спортсменов (Coakley 1983). Тренерство в данном случае становится переходом из профессии, наряду с судейством — еще одной популярной траекторией среди бывших спортсменов. Также возможна работа консультантом, однако это занятие не является тренерством в своей сути (Mihovilovic 1968).

Для тех спортсменов, которые осознавали темпоральную природу своей деятельности и готовились к уходу из профессионального спорта, завершение карьеры не становилось проблемным (Sussman 1972). В таких случаях спортсмены предвидели скорое окончание выступлений и могли сориентироваться в дальнейших планах благодаря помощи коллег и наставников.

Исследования карьеры спортсменов могут быть выполнены в рамках переходов, что гармонирует с биографическим характером эмпирических материалов, которые исследователи предпочитают в изучении данной темы (Ronkainen 2020). Установлено, что определенные переходы в карьере тренера, который ранее был профессиональным спортсменом, зависят от жизненных обстоятельств и физического здоровья индивида.

Гендерный дискурс в спорте

В литературе, посвященной гендерным дискурсам в спорте, упоминается о малой представленности женщин в тренерской работе (Reade et al. 2009). Однако несмотря на то, что в конкретном виде спорта могут доминировать мужчины, женщинам становится все доступнее занятие тренерской должности (Robertson 2016).

Рассматривая общий контекст спортивных карьер и не вдаваясь в детали тренерского поприща, следует рассмотреть общую ценность спорта: понимание равенства, основанного на гендере, происхождении и классе (Eitzen 1996). Исходя из этого, считается естественным, что женщины наравне с мужчинами занимаются спортивной деятельностью. Однако статистика утверждает иное. В русскоязычном контексте существует определенный пробел в знаниях относительно соотношения мужчин и женщин, занимающих тренерские позиции в спорте. Согласно исследованиям тренерских позиций в Канаде, женщины-тренеры реже работают полный рабочий день и реже тренируют спортсменов-мужчин. Более того, было выяснено, что большинство женщин-тренеров работают в низких уровнях соревнований: межрайонные, локальные и городские (Lyle et al. 1997). Также отмечено, что женщины-тренеры преобладают только в традиционно «женских» видах спорта, например в синхронном плавании (Sagas et al. 2000). Общая тенденция заключается в том, что доля женщин-тренеров снижается даже в женских командах, к примеру в женском баскетболе (Reade et al. 2009).

Недопредставленность женщин в качестве тренеров по сравнению с мужчинами объясняется такими факторами, как более низкая самооэффективность, меньшие намерений, предпочтений и мотиваций к тренерству, а также более высокая вероятность того, что женщины по окончании спортивной карьеры захотят уйти из профессии (Norman, Rankin-Wright 2018).

Высказываются также и теоретические идеи, которые нацелены на изучение структурных практик, оправдывающих нынешний низкий вес женщин на тренерских должностях (LaVoi et al. 2019). Социальные агенты (тренерские школы, коллективы учащихся, близкие тренеров) влияют на то, становятся ли женщины лидерами на тренерских должностях. Существует и концепция «скрытой женственности» — стремление соответствовать маскулинным идеалам и активное сопротивление мужчин присутствию женщин в тренерской работе, которое препятствует позиционированию женщин в спорте (Clarkson et al. 2019).

Методы исследования

Исследование выполнено в качественной рамке с помощью метода полуструктурированного интервью. Было проведено 15 интервью с женщинами в возрасте от 25 до 45 лет, проживающими и ведущими свою тренерскую карьеру в Санкт-Петербурге. Основным критерием отбора стало наличие у женщины опыта профессиональной тренерской

деятельности в детских и юношеских командах по боевым искусствам. Пул направлений боевых искусств включал в себя тайский бокс, смешанные единоборства, айкидо, джиу-джитсу, ушу, каратэ и кэмпо. Информантки были найдены с помощью социальных сетей, сайтов спортивных секций и залов. Все информантки в прошлом профессиональные спортсменки, имеют соответствующие статусы и награды, к примеру, 4 информантки обладают статусом мастера спорта, некоторые обладают поясами и данами, в зависимости от вида боевого искусства (ушу, каратэ).

Интервью проходили во время прогулки информанток с ребенком, на улице, дома или в спортивном зале. Интервью-гид включал в себя вопросы биографического характера с целью выявить основные карьерные этапы жизни женщины-тренера. Все вопросы делятся на группы: «Начало карьеры спортсменки», «Профессиональное развитие спортсменки», «Начало тренерской работы» и «Планы на будущее». Во время интервью, в случае если информантки давали более подробные ответы и их биографические рассказы развивались в различных направлениях, имеющих отношение к теме, повествования не прерывались.

Для анализа собранной эмпирической базы применялся метод открытого кодирования. В следующем разделе представлено обсуждение выбранных цитат информанток, которые отражают нарративы карьерных переходов, мотиваций и кризисов, возникающих в профессии. Нарративный анализ был использован с целью проследить реальные проблемы тренеров- женщин

Результаты и обсуждение

Стадия инициации в детском возрасте

Известно, что семья является важным фактором социализации в детстве, а в спорте играет роль решающего стимула (Greendorfer 1977). Стадия инициации, происходящая в возрасте примерно 10 лет, была описана в модели карьерного развития, посвященной переходам (Wylleman et al. 2004). Одним из нарративов прихода в спорт являлось детское увлечение, как правило, привитое родителями.

«Я в спорт не пришла, я приехала туда в детской коляске [смеется]. У меня был старший брат, который занимался в секции. Папа работал, и мама водила моего брата на тренировки. Я ходила с ними. Можно сказать, что я научилась ходить в спортзале... вот там и осталась».

Участие отца в детской спортивной жизни и общее качество отношений между отцом и ребенком влияют не только на качество спортивных результатов (Ullrich-French, Smith 2006), но и на сам факт приобщения к спорту.

«Мой папа был тренером, в общем, у нас не было выбора, каким видом спорта заниматься [смеется]. Мы с сестрой начали заниматься тем, чему он учил, — ушу... Занимался с нами общей физической подготовкой, с первого класса садились на шпагат, мостики».

Стадия инициации в юношеском и взрослом возрасте

Заметный контраст в повествовании о карьерных этапах был замечен в группе информанток, которые начали профессиональное погружение в боевые искусства в более осознанном возрасте. Это было связано с необходимостью улучшить качество своей жизни, избежать проблем с ментальным здоровьем. С научной точки зрения занятия спортом часто ассоциируются с позитивным улучшением психосоциального здоровья, поскольку они приносят признание и социальную поддержку, а также чувство сопричастности (Andersen et al. 2019).

«Я была в депрессии, мне было 22–23 года. Изю дня в день одно и то же, короче, такое унылое состояние дерьма. Если я не вырву себя из этого круга, никто мне не поможет. Я решила сделать что-то необычное. Нужно было разорвать этот печальный круговорот. Сначала я ходила в качалку, но там было скучно. Потом я увидела запись о тайбо-фитнесе с элементами тайского бокса. Я записалась, пошла и подумала: кого я обманываю? Я хочу попробовать это на ком-нибудь».

Наряду с борьбой с депрессией и иными расстройствами, были упомянуты и пагубные зависимости. Для информанток это был этап, мотивирующий их заняться спортом. Необходимость быть уверенными в своей идентичности и самооценке побудила их начать заниматься спортом. В результате они увлеклись боевыми искусствами:

«Ну, был такой выбор — продолжать напиваться или взять себя в руки. Увидела пост о наборе в группу по кикбоксингу, записалась. Я пришла и осталась на шесть лет в этом спортивном зале».

Негативное социальное окружение, которое описывали информантки, особенно в подростковом возрасте, сформировало у них желание заниматься именно боевыми искусствами. Кроме того, занятия боевыми искусствами рассматриваются как оправдание насилия и идея о том,

что методы борьбы можно усовершенствовать на боксерском ринге (Brett 2017).

«Подростком я дралась, была в плохой компании, там были выпивка, сигареты. Команда футбольных фанатов-хулиганов — вот я была с ними... Потом я познакомилась с мальчиком в шараге (примеч.: среднее профессиональное учебное заведение), он занимался кикбоксингом. Я увидела, что можно драться не просто так, а по правилам. Я изучила технику... то есть вы уже не просто машете кулаками, а действительно знаете, что делаете».

Таким образом, агентами инициации в детском возрасте служит семья, в осознанном возрасте — травмирующие события (потеря близких, проблемы с ментальным здоровьем). Если в первом случае спорт функционирует как рекреационное занятие для ребенка, во втором он становится скорее реабилитационным процессом, помогая вернуться к социально принятым нормам.

Стадия развития в профессиональной спортивной карьере

Вторая ступень развития профессиональной спортивной карьеры описывается как «стадия развития» и характеризуется значительным повышением преданности выбранному виду спорта (Bloom 1985). С точки зрения возраста эта стадия приходится на подростковый период (Wylleman et al. 2004). Стамбулова (1994) добавляет, что эта стадия характеризуется интенсивным увеличением числа практик.

«Из-за того, что мы жили в провинциальном городе, знания доходили до нас очень долго. Интернета тогда не было, и учиться было сложно. Сейчас я понимаю, что тогда мы пару лет просто занимались ерундой — делали элементы по вырезкам из газеты „Советский спорт“. Но в то время все было серьезно. И мы начали ездить на соревнования, активно выступать. [...] Я тогда еще училась в школе».

Нормативные изменения также связаны с уровнем образования, полученного спортсменом (Wylleman et al. 2004). Этап развития сопровождается переходом от среднего к высшему образованию.

«...После института ты бежишь на тренировки, пашешь там. По выходным у тебя свои группы потренировать, и их две-три штуки подряд. Потом ты приходишь домой, делаешь домашнее задание, готовишься там...»

Молодые спортсменки не только развивали свою физическую выносливость во время стадии развития, но и определяли свою будущую карьеру. Идея спорта как карьеры не выдвигалась на первый план, так как считалось правильным сначала получить образование.

«В подростковом возрасте не было такой мысли, что спорт — это карьера. В 11-м классе я изучала физику и информатику для поступления и получила диплом инженера. Я ни дня не проработала со своим дипломом, но я рада, что у меня есть какое-то нормальное образование...»

Стадия развития профессиональной карьеры характеризуется достижениями, связанными с увеличением нагрузок (активные тренировки, выезды и выступления). Будущая женщина-тренер развивается как спортсменка, совмещающая профессиональную деятельность с переходом по ступеням образования. Этот этап становится ключевым для осознания спорта как основной карьерной траектории. Несмотря на это, спорт не всегда становится профессией, которую женщины-тренеры усваивают в высшем учебном заведении. Они могут использовать студенчество для получения «запасной» профессии более прикладного характера.

Карьерный переход к тренерству

Информантки, для которых тренерство было семейным делом, продолжали поколенческую традицию. Для них это был достаточно очевидный путь, наиболее близкий к тому, чем они хотели бы заниматься.

«Ну подумала, чего у родителей на шее сидеть, стала заменять у отца в зале. Брать замены начала, папа говорил: „Хорошо получается, набирай свои группы!“ Потом появились прямо-таки секции, то есть несколько групп ходили ко мне заниматься».

Однако наиболее частым сценарием был вынужденный приход в тренерство. Карьера профессионального спортсмена в боевых искусствах не может быть продолжительной ввиду проблем со здоровьем и частых серьезных травм. Из-за этого информантки были вынуждены переходить в тренерство, чтобы финансово себя обеспечивать.

«Где-то лет в 25 я поняла, что совмещать выступления с тренерской нагрузкой сложно — устаю, да и колени сыпятся. Настало время определяться, либо ты тренер, либо ты спортсмен».

«Я из необеспеченной семьи, поэтому дома никто не помогал».

Проблема финансовой невыгодности карьеры спортсмена подчеркивается при переходе на тренерскую работу. Это действует как сила, заставляющая женщин заниматься тренерской деятельностью. Дополнительным барьером считается также гендерный аспект: женщины предполагают, что получают меньше спонсорских контрактов (примеч.: рекламные соглашения, за которые спортсмены получают выплаты).

«Есть много спортсменов, которые начинают тренироваться, чтобы что-то заработать. Жить тоже на что-то надо! Понятно, что кто-то находит хороших спонсоров, но это больше для мальчиков. Женщинам реже предлагают контракты, они как-то неинтересны спонсорам или что-то в этом роде...»

Медленный переход к тренерству на полную ставку также связан с первоначальным отсутствием мотивации становиться тренером. Информантки отметили, что изначально они не планировали посвятить себя карьере тренера. Осознание этого пришло после первых пробных тренировок.

«Я вообще никогда по-настоящему не хотела тренировать, потому что хотела тратить энергию только на себя. Но моя подруга открыла свой тренажерный зал, и там есть тайские команды. И она говорит, что у нее нет времени тренировать всех, говорит: „Пойдем со мной“. Я говорю: „Да тьфу, я не хочу!“ Ну, я и осталась там тренировать [смеется]. Я проделала очень классную работу, у меня были такие приятные ощущения на тренировках. Я сама понимала и чувствовала, что делаю круто».

Прекращение профессиональной карьеры из-за тренерской работы также является частым сценарием для спортсменов. Продолжительное пребывание в спорте в качестве тренера может привести к тому, что они перестанут быть профессиональными спортсменами, но сохраняют «свою спортивную идентичность» (Lavallee 2006).

«Где-то в возрасте 25 лет я поняла, что сложно совмещать выступления с тренерской нагрузкой. Пришло время решать, либо ты тренер, либо ты спортсмен. Это было так сложно... Что ж, пришло время уходить. [...] Конечно, я скучаю по выступлениям, но теперь есть за кого порадоваться. Я смотрю на своих девочек и думаю, что у них все впереди».

Переход к тренерству также предполагает формирование эмоциональной зрелости женщин (Lee et al. 2015). Начиная заниматься

тренерством, они придерживаются определенного стиля поведения и формируют его в ходе карьерного роста. Для некоторых из них характерно своего рода «эмоциональное охлаждение» к профессии, связанное с травмирующими ситуациями.

«Одно время я игралась в мамку, но потом бросила. Слишком привязываешься, если они внезапно уходят, это немного ранит... Или ты не находишь общего языка с ребенком, потому что там... ну, трудные подростки. Я больше не привязываюсь к ним, я просто спокойно тренирую».

Тренерство становится следующим этапом карьеры после завершения профессиональных выступлений. Основным мотивом для прихода в тренерство является отсутствие альтернативных карьерных траекторий. Вынужденный приход в профессию может сопровождаться повышенным эмоциональным трудом. Для некоторых женщин становится невыгодным оставаться на посту спортсменки, а также ввиду проблем со здоровьем многие выбирают именно тренерство как продолжение карьеры. Они также видят в этом способ передачи опыта и воспитательный аспект.

Гендерный компонент тренерской карьеры

В ходе интервью женщинам было предложено подробнее рассказать о гендерном аспекте их вида боевого искусства: вопросы касались возможных предубеждений, стереотипных высказываний в их сторону и иных барьеров со стороны окружающих. Их комментарии подтверждали предположение о нехватке женщин в данном виде спорта, однако любопытно, что женщины по-разному относились к этому. Некоторые приняли это и справились с этим:

«У нас [в спортивном клубе] работает очень мало девушек... Это такой специфический вид деятельности для женщин. Не все готовы заниматься боевыми искусствами. В принципе, девушек в боевых искусствах не так много. Я не знаю... лично для меня нет ничего абсолютно мужского и абсолютно женского. Важно не терять женственность в себе, когда занимаешься мужским делом. Во всем можно найти золотую середину и найти то, в чем можно развиваться».

В некоторых интервью прослеживался мотив специфических «женских» стилей тренерства. Отмечается, что женственность преподносится через разговоры об эмоциях и заботе.

«Я преемница своего тренера, я переняла от него часть своего тренерского поведения. Я строгий, требовательный тренер. Но в то же время у меня есть своя мягкость, возможно, просто по-женски. Я очень эмоционально вовлечена в процесс. Я всегда поддерживаю, хочу, чтобы ребенок понимал, что его не оставляют наедине со своими страхами, неуверенностью. Я хочу, чтобы он понимал, что мы всегда найдем решение любой проблемы. Я такой тренер-друг для своих спортсменов».

Внутри сообщества, особенно на начальных этапах, женщины воспринимались как «слабые» или «неудобные» соперницы. Это означает, что спортсмены-мужчины не рассматривали женщин как равных и часто недооценивали их. Происходило это в случаях смешанного спарринга — тренировки, в которой участвовали и мужчины, и женщины.

«Когда я начала ходить [заниматься], все отвернулись от меня, как от чумной. Потому что я девушка, небольшого веса, ничего не умею. Там говорят: „Встаем парами“, и все меня игнорируют. Я потенциально неудобный партнер для них по борьбе. Сначала меня это раздражало, потом я подумала: „Черт возьми, я тоже хочу денег, как и ты“, к тому же тренер сказал мне быть „умнее“».

Негативные суждения со стороны окружения не могли не проникать в романтические отношения женщин, которые строили свои потенциальные семьи с партнерами из неспортивных сообществ. Мужчины обрушивались на женщин с довольно частыми стереотипными представлениями о боевых искусствах.

«Что касается отношений, то было так много скандалов... Из-за того, что я постоянно тренирую. Я искала поддержки, а в итоге, вместо того чтобы выспаться, ты ругаешься по телефону, плачешь из-за своего мужчины [...] У меня был такой случай... „Из-за твоего спорта у меня будут испорченные дети“, — сказал он мне».

«Почти у всех наших девушек были неадекватные парни. У меня здесь есть подруга, неважно, что за парень... сначала все такие: „О, ты такая классная!“, а потом проходит месяц, и ей запрещают заниматься. Мол, „чё ты как мужик“, это ужасно... Я с таким не сталкивалась, но, может быть, потому что встречалась только со спортсменами».

Многие женщины, независимо от их семейного положения, упоминали о создании семьи и задумывались о рождении детей. Однако

многие из них быстро уходили от ответа, объясняя отсутствие семьи постоянной работой. В одном из интервью с женщиной, находящейся в отпуске по уходу за ребенком, было отмечено, что создание семьи для тренера возможно на промежуточных этапах профессиональной карьеры. Более того, появление ребенка может стать незапланированным событием.

И: Как вам удастся совмещать семью и спорт?

Р: В том-то и дело, что никак. Из-за спорта я все время думала: мне нужно как-то завести детей. Я очень хотела детей, но не могла бросить спорт. А поскольку я все время занята, мне не с кем было завести детей. И вот он (кивает на малыша в коляске) вообще получился случайно. Тот, за кем я сейчас замужем, даже не его отец. У меня был друг, мы иногда виделись... Вот ребенок, ну... судьба! Отношения с ним [отцом] не сложились... Я поняла, что из-за того, что я все время занималась спортом, мы даже не стали семьей. А потом так получилось, что со своим нынешним мужем я познакомилась, только когда была беременна... в нужное время [смеется].

Когда речь заходит о материнстве и роли, которую карьера играет на ее репродуктивных намерениях, женщина-тренер воспринимает отпуск по уходу за ребенком как небольшую паузу в своей профессиональной карьере. Следующая цитата раскрывает не только противоречивую поддержку партнера информантки, но и отражает стремление спортсменки продолжать карьеру несмотря на недавнее пополнение в семье.

«Мой муж терпеть не может боевые искусства, ему это просто противно. Он говорит, что это чепуха. Но он поддерживает меня! [Смеется.] Он знает, что я собираюсь продолжить тренировки, как только смогу... Мне делали кесарево сечение, из-за этого шрамы долго не заживают. Если бы я рожала сама, то уже тренировала бы. К сожалению, из-за шрамов восстановление занимает много времени».

Некоторые женщины с сожалением говорят об отсутствии семьи. Они иронично подмечают, что дети, которых они воспитывают в рамках своей тренерской карьеры, дают им достаточный опыт в выполнении роли матери.

«Мне не следовало начинать работать детским тренером в 17 лет [смеется]. В какой-то момент я поняла, что своих детей у меня точно не будет. С меня хватит этого на работе. Я прихожу вечером домой, а вокруг будет бегать кто-то еще... ну уж нет! [Мои] родители сильно

давили, конечно. Буквально последние пару лет они перестали это делать, потому что в 45 лет какие могут быть дети...»

Для одной из информанток ситуация с семейным положением осложняется трудностями в ее личной семье — мамы и брата. Бремя ответственности, налагаемое финансовыми проблемами, вынуждает женщину в первую очередь заботиться о других, оставляя за бортом поиск спутника жизни.

«Мама говорит, что я не совмещаю личную жизнь со спортом... Какая тут личная жизнь? Ты видела моего брата? В детстве он перенес менингит и совсем не самостоятельный в жизни. Моя мать и брат держатся за мой счет, я их тащу на себе. Получается, они — моя жизнь. ...Да и рядом не было никого, с кем мне было бы хорошо».

Информантками было отмечено несправедливое и неравное отношение к ним со стороны общества ввиду их профессиональной деятельности. Оно могло проявляться как на уровне незнакомцев, так и в более близком кругу. Чаще всего негативное отношение основывалось на предубеждениях, связанных с внешним видом или поведением женщины. Ее выборы и действия вызвали недоумение, что приводило к трудностям в социализации, а также реализации своих личных намерений: создании семьи, построении отношений.

Кризисы и выгорания в карьере женщины-тренера

Ответы некоторых информанток позволили расширить представление о механизмах преодоления, которые используются в профессиональной деятельности. Для одной из женщин-тренеров работа становится основным источником материального дохода, что, по ее словам, делает ее «зависимой» от этой работы. Она признается, что спорт — это ее единственный опыт, который может стать препятствием для профессионального роста в любой другой карьере.

«Знаете, я просто не умею делать ничего другого. Я с детства сражаюсь руками и ногами. Конечно, есть желание попробовать что-то новое, но сейчас просто нужно на что-то жить — вот почему я все еще здесь. С возрастом наступает эмоциональное выгорание, иногда я схожу с ума от этих практик. Мне и так приходится работать, потому что я завишу от этого финансово».

Женщинам-тренерам также не чуждо понятие эмоционального выгорания. Помимо эмоциональной вовлеченности, неспособность

поддерживать грамотный баланс между работой и отдыхом приводит тренеров к истощению. Однако, упомянув об усталости, тренер все же компенсирует свою постоянную занятость приобретением большего опыта и новых связей в сообществе.

«Я горжусь собой, что у меня все еще все хорошо после травм и операций. Наступает такой момент, когда становится скучно. Происходит эмоциональное выгорание, нравится вам это или нет. Было ужасно, когда у меня был всего один выходной. Теперь, слава Богу, их два.... В целом, конечно, здорово набираться опыта и общаться с коллегами. Я как тренер в начале и сейчас — два разных человека. Я думаю, это хорошо».

Заключение

Карьеру женского тренерства следует рассматривать как жизненный цикл, который включает в себя такие важные этапы, как инициация, вовлеченность и развитие профессионализма. Каждый из этих этапов проходит при участии ценных социальных структур — семьи, команды, коллег-тренеров. Несмотря на то что эти этапы являются самостоятельными периодами жизни женщины, они взаимосвязаны и перетекают друг в друга. Эти перетекания выражаются в переходах, которые сопровождаются изменениями ценностей женщин, их подхода к сфере деятельности. Их социальное окружение также меняется, что, безусловно, оказывает на спортсменку и будущего тренера давление или поддержку в различных ситуациях.

Несмотря на то что в существующей литературе отмечена закономерность, согласно которой ключевые этапы жизни связаны с возрастными периодами, данное исследование продемонстрировало разнообразие возрастов, в которых могут происходить переходные ситуации.

В спорте, где доминируют мужчины, женщины сталкиваются с гендерными предрассудками. Чаще всего это сценарии стереотипного мышления и присвоения деятельности статуса «женской» или «мужской». В описаниях интервью, проведенных среди женщин, это вызывает негативные эмоции и чаще сводится к простому внутреннему смирению, чем к стремлению к внешней борьбе.

Данное исследование основано на историях женщин-тренеров, которые заняты в боевых искусствах. Этот факт может служить ограничением, так как в исследовании не рассмотрены иные виды спорта с доминированием мужчин. Так, к примеру, могли бы быть изучены тренерские судьбы в хоккее, футболе, регби и других видах

спорта. Интерес также представляет спорт высших достижений, где речь идет о международных чемпионатах или, например, о школах Олимпийского резерва. Подобные кейсы могут быть ценны для изучения с точки зрения повышенной мотивации и дисциплины как спортсменов, так и тренеров. Данные, полученные в ходе изучения таких историй, могут стать дополнением к существующей эмпирической и теоретической базе.

Проведенное исследование позволило выделить новые возрастные группы при разделении карьеры и переходного периода, что представляет собой вклад в теоретическую рамку, описанную в начале. Представлен приход в тренерство в сознательном возрасте, что является редким случаем в имеющейся литературе. Глубже исследован и гендерный дискурс: полуструктурированный интервью-гид позволил охватить более широкий спектр историй из биографий женщин-тренеров.

Источники (References)

Baillie P. H. F., Danish S. J. Understanding the career transition of athletes // *The sport psychologist*. — 1992. — Vol. 6, no. 1. — P. 77–98. — DOI: 10.1123/tsp.6.1.77.

Baumann H. Stories of women at the top: narratives and counternarratives of women's (non) representation in executive leadership // *Palgrave Communications*. — 2017. — Vol. 3, no. 1. — P. 1–13. — DOI: 10.1057/palcomms.2017.9.

Bloom B. Developing talent in young people. — New York: Ballantine Books, 1985. — 572 p.

Burton L. J. Underrepresentation of women in sport leadership: A review of research // *Sport management review*. — 2015. — Vol. 18, no. 2. — P. 155–165. — DOI: 10.1016/j.smr.2014.02.004.

Cartigny E. et al. Mind the gap: A grounded theory of dual career pathways in sport // *J. Appl. Sport Psychology*. — 2021. — Vol. 33, no. 3. — P. 280–301. — DOI: 10.1080/10413200.2019.1654559.

Clarkson B. G., Cox E., Thelwell R. C. Negotiating gender in the English football workplace: Composite vignettes of women head coaches' experiences // *Women in Sport and Physical Activity J.* — 2019. — Vol. 27, no. 2. — P. 73–84. — DOI: 10.1123/wspaj.2018-0052.

Coakley J. J. Leaving competitive sport: Retirement or rebirth? // *Quest*. — 1983. — Vol. 35, no. 1. — P. 1–11. — DOI: 10.1080/00336297.1983.10483777.

Eitzen D. S. Classism in sport: The powerless bear the burden // *J. of Sport and Social Issues*. — 1996. — Vol. 20, no. 1. — P. 95–105. — DOI: 10.1177/019372396020001008.

Greendorfer S. L. Role of socializing agents in female sport involvement // Research Quarterly. American Alliance for Health, Physical Education and Recreation. — 1977. — Vol. 48, no. 2. — P. 304–310. — DOI: 10.1080/10671315.1977.10615426.

Lavallee D. Career awareness, career planning, and career transition needs among sports coaches // J. Career Development. — 2006. — Vo. 33, no. 1. — P. 66–79. — DOI: 10.1177/0894845306289550.

LaVoi N. M., McGarry J. E., Fisher L. A. Final thoughts on women in sport coaching: Fighting the war // Women in Sport and Physical Activity J. — 2019. — Vol. 27, no. 2. — P. 136–140. — DOI: doi.org/10.1123/wspaj.2019-0030.

Lee Y. H., Chelladurai P., Kim Y. Emotional labor in sports coaching: Development of a model // Int. J. Sports Science & Coaching. — 2015. — Vol. 10, no. 2–3. — P. 561–575. — DOI: 10.1260/1747-9541.10.2-3.561.

Lyle J., Allison M., Taylor J. Factors Influencing the Motivations of Sport Coaches: Research Report No. 49. — Scottish Sports Council, Edinburgh, UK, 1997.

Mihovilovic M. A. The status of former sportsmen // International Review of Sport Sociology. — 1968. — Vol. 3, no. 1. — P. 73–96. — DOI: 10.1177/101269026800300105.

Norman L., Rankin-Wright A. Surviving rather than thriving: Understanding the experiences of women coaches using a theory of gendered social well-being // Int. rev. for the sociology of sport. — 2018. — Vol. 53, no. 4. — P. 424–450. — DOI: 10.1177/1012690216660283.

Reade I., Rodgers W., Norman L. The under-representation of women in coaching: A comparison of male and female Canadian coaches at low and high levels of coaching // Int. J. Sports Science & Coaching. — 2009. — Vol. 4, no. 4. — P. 505–520. — DOI: 10.1260/174795409790291439.

Robertson S. Hear their voices: Suggestions for developing and supporting women coaches from around the world // Women in sports coaching. — Routledge, 2016. — P. 177–222.

Ronkainen N. J., Sleeman E., Richardson D. “I want to do well for myself as well!?”: Constructing coaching careers in elite women’s football // Sports Coaching Rev. — 2020. — Vol. 9, no. 3. — P. 321–339.

Sagas M., Cunningham G. B., Ashley F. B. Examining the women’s coaching deficit through the perspective of assistant coaches // Int. J. Sport Management. — 2000. — Vol. 1, no. 4. — P. 267–282.

Savickas M. L. Career construction // Career choice and development. — 2002. — Vol. 149, no. 205. — P. 14–38.

Stambulova N. B. Developmental sports career investigations in Russia: A post-perestroika analysis // The sport psychologist. — 1994. — Vol. 8, no. 3. — P. 221–237. — DOI: 10.1123/tsp.8.3.221.

Sussman M. B. An analytical model for the sociological study of retirement // Retirement / Ed. F. M. Carp. — New York: Behavioral Publications, 1972. — P. 29–74.

Ullrich-French S., Smith A. L. Perceptions of relationships with parents and peers in youth sport: Independent and combined prediction of motivational outcomes // Psychology of sport and exercise. — 2006. — Vol. 7, no. 2. — P. 193–214. — DOI: 10.1016/j.psychsport.2005.08.00.

Wylleman P., Alfermann D., Lavallee D. Career transitions in sport: European perspectives // Psychology of sport and exercise. — 2004. — Vol. 5, no. 1. — P. 7–20. — DOI: 10.1016/S1469-0292(02)00049-3.

Скороходова Нина Дмитриевна, НИУ ВШЭ Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия. nskorohodova5@gmail.com

Skorokhodova, Nina D., NRU HSE St. Petersburg, St. Petersburg, Russia. nskorohodova5@gmail.com

DOI: 10.25990/socinstras.pss-24.vfvw-7z27

EDN: WKOKVT

УДК 316.334:7

Н. Г. КРАСНОДЕМБСКАЯ, Е. С. СОБОЛЕВА

ЖИВАЯ ИНДОЛОГИЯ В МАЭ В 1920–1930-е ГОДЫ

Традиция изучения «живой Индии» с конца XIX в. развивалась в Отделе Индии академического Музея антропологии и этнографии. Продолжая завет И. В. Минаева, командированные в Южную Азию в 1914–1918 гг. Александр Михайлович и Людмила Александровна Мерварт собирали знаковые для местных культур предметы и фиксировали этнографическую информацию в музейных описях. Их коллекции легли в основу классической экспозиции «Народы Южной Азии» МАЭ, просуществовавшей до 2023 г. Супруги Мерварт создали Отдел Индии МАЭ в 1924 г. Туда приглашали на работу молодых индологов — выпускников вузов нашей страны. Во второй половине 1920-х гг. А. М. Мерварт обучал «живой индологии» (языкам, истории, этнографии, искусству Индии) студентов разных факультетов и отделений Ленинградского восточного института, Ленинградского института живых Восточных Языков, слушателей курсов при Государственном Институте истории Искусств и др. учебных заведениях. В 1930-е гг. заведующий Кабинетом Индии МАЭ Вирендранат Чатопадайя также активно участвовал в формировании традиций преподавания востоковедения в ленинградских вузах. В 1930-е гг. в Отделе Индии работали востоковеды Б. В. Семичёв и В. Е. Краснодембский. Судьба сотрудников Отдела Индии была непростой, между назначениями заведующих имелись значительные временные промежутки, так что прямой преемственности не было. Богатый потенциал музейных материалов и получаемое образование позволяли ученым работать по специальности и музейными средствами продвигать индийскую культуру в России.

Ключевые слова: Музей антропологии и этнографии, музееведение, индология, этнография, Мерварт, Вирендранат Чатопадайя, образование.

*NINA G. KRASNODEMSKAYA, ELENA S. SOBOLEVA***LIVING INDOLOGY AT MAE IN THE 1920s AND 1930s**

The tradition of studying “living India” since the late 19th century. developed in the India Department of the Academic Museum of Anthropology and Ethnography. Continuing the legacy of Ivan Minaev, Alexander and Ludmila Meerwart in 1914–1918 collected in South Asia objects that were significant for local cultures and recorded ethnographic information in inventories. These collections formed the basis of the MAE’s classic exhibition “Peoples of South Asia”, which lasted until 2023. The Meerwarths created the Indian Department of the MAE in 1924. Indologists-graduates were invited to work there. In 1920s A. Meerwartt taught “living Indology” (languages, history, ethnography, art of India) to students from various faculties and departments of the Leningrad Oriental Institute, the Leningrad Institute of Living Oriental Languages, the State Institute of Art History, etc. In the 1930 s Virendranath Chatopadaya, Head of the Cabinet of India, also actively participated in the Oriental studies in Leningrad universities. In the 1930s Orientalists B. V. Semichev and V. E. Krasnodembsky worked in the Cabinet of India. There were significant time gaps between the appointments of heads of the India Department, so there was no direct succession. But the rich potential of museum materials and the education they received allowed scientists to work in their specialty and promote Indian culture in Russia through museum means.

Keywords: Museum of Anthropology and Ethnography, Indology, MAE, museology, ethnography, Meerwarth, Virendranath Chattopadhyaya, education.

Введение

Санкт-Петербургская востоковедческая школа XIX в. основывается на прочной российской традиции исследования языка и культуры. Академик С. Ф. Ольденбург, профессор Ф. И. Щербатской заложили основы научного изучения буддизма в России, их методика получила мировое признание. Основатель русской индологической школы И. П. Минаев в XIX в. убеждал коллег изучать «живую Индию». Эти идеи он развивал и как профессор Петербургского университета, и как член Русского географического общества. Научные исследования российских индологов, долгое время лишенных возможности полевой работы, были сосредоточены на древней, средневековой и новой истории стран Южной Азии (литература, философия, лингвистика, культура в широком смысле, география, особенно историческая, этнография, фольклор).

В конце XIX — начале XX в. понятие «Индия» охватывало Индийский субконтинент, Юго-Восточную Азию, Индонезию и Центральную

Азию как регион распространения древней индийской культуры. Российские ученые и путешественники, которым удавалось посетить этот труднодоступный район (И. П. Минаев, цесаревич Николай Александрович и его спутники, А. К. Краснов, Н. И. Воробьев, А. Сталь-Гольштейн, М. С. Андреев, В. А. Иванов, В. И. Липский, С. В. Гейман, А. А. Каменская и др. (Котин, Краснодембская, Соболева 2023)), стремились собрать естественно-научные, этнографические и иллюстративные коллекции по народной культуре, приобрести и скопировать рукописи на восточных языках для музеев Императорской Академии наук (далее — ИАН).

В статье исследуются традиции изучения «живой Индии» с конца XIX в., которые развивались в Отделе Индии академического Музея антропологии и этнографии РАН. На обширном архивном материале воссоздаются биографии ученых и сотрудников Отдела по изучению Индии и Индокитая, прослеживается формирование научной востоковедческой школы по изучению Индии в МАЭ в 20–30-х гг. прошлого века.

О создании Отдела по изучению Индии и экспедиция на о. Цейлон

В начале XX в. в Музее антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого ИАН (далее — МАЭ) имелось уже около 1500 южноазиатских предметов (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 8. Л. 16–24). Академик В. В. Радлов 27 марта 1913 г. добился согласия Отделения историко-филологических наук (далее — ИФО) ИАН устроить в руководимом им МАЭ специальный Отдел культуры Индии и Индокитая и подготовить специалиста, которого можно было бы командировать в Индию для собирания коллекций (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Д. 160. Л. 367 об.). Ф. И. Щербатской в конце 1912 г. рекомендовал ему своего ученика Густава Германа Христиана Мерварта. Окончив с отличием историко-филологический (философский) факультет Гейдельбергского университета и получив степень доктора философии (1907), он в 1908 г. приехал в Россию. Будучи принят на государственную службу (преподавал немецкий язык в гимназии Г. Г. Ягдфельда), он в 1912 г. принял русское подданство и заключил брак с Людмилой Александровной Левиной. Она также получила прекрасное образование (Женская Мариинская гимназия, Высшие женские курсы). Имея целью сделать университетскую карьеру, в 1911 г. Г. Х. Мерварт был зачислен вольнослушателем Петербургского университета по восточному и историко-филологическому факультетам. Он принял предложение В. В. Радлова и летом 1913 г. был командирован

в Германию для обозрения индийских отделов крупнейших этнографических музеев — Берлинского и Мюнхенского. Там он ознакомился с музейными собраниями и литературой, получил консультации Альберта Грюнведела (директор Берлинского музея народоведения) и Люциана Шермана (директора Мюнхенского музея народоведения), которые имели опыт полевой работы в Южной Азии и владели восточными языками. Это определило маршрут будущей экспедиции (о-в Цейлон, регион Нилгири на юге Индии, Внутренний Декан, Орисса, Гималаи) и выбор специализации (изучение дравидийских языков, демонических культов) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 65. Л. 263–266).

1 октября 1913 г. Г. Х. Мерварт был принят на службу в МАЭ по вольному найму с тем, что он «мог бы научно обработать музейный материал и со временем стать специалистом по индологии», ему было назначено вознаграждение в размере 80 руб. в месяц (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Д. 160. Л. 406 об.). Первым опытом его работы стала регистрация коллекции МАЭ № 2055 (296 пр.), поступившей в 1912 г. от М. С. Андреева. Его собрание старинной резьбы по дереву и мелкой пластики из металла представляет богатый свод мифорелигиозных персонажей и сюжетов индуистского круга Южной Индии. Г. Х. Мерварт сделал развернутое описание первых 50 предметов и список литературы по теме индуистской мифологии. По возвращении из экспедиции работу над описью завершила Л. А. Мерварт.

26 марта 1914 г. приватно работавший в музее Г. Х. Мерварт был причислен к Министерству народного просвещения с откомандированием для занятий в МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 66. Л. 320). Совет Министров учредил 5 мая 1914 г. сверхштатные должности: 2 — младшего этнографа и 1 — антрополога МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 67. Л. 192). 28 апреля 1914 г. Г. Х. Мерварт был избран на должность младшего этнографа (VII класс по чинопроизводству, без присвоения содержания и пенсионных прав) (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Д. 161. Л. 447 об.), утвержден ИФО ИАН 10 сентября 1914 г. (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Д. 8. Л. 43).

Экспедиция была снаряжена на средства почетных членов Попечительного совета МАЭ Б. А. Игнатьева и К. К. Шейблера (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Д. 161. Л. 404 об.). Супругам Мерварт было «поручено, кроме изучения населения в лингвистическом и этнографическом отношениях, собрать полные коллекции по быту, искусству и религии народов Индии, каковые коллекции должны образовать в Музее особый отдел имени Государя Императора» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Д. 162. Л. 420 об.). Отбыв 15 апреля 1914 г. на пароходе «Екатеринослав»

на о-в Цейлон (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 66. Л. 261), Мерварты провели в экспедиции почти четыре года и покинули Индию в начале февраля 1918 г. Они основательно ознакомились со всеми сторонами жизни региона, приобрели этнографические предметы, рисунки, фотографии, книги (Котин, Краснодембская, Соболева 2018). В 1915 г. Г. Х. Мерварт заведовал Этнографической галереей Индийского музея в Калькутте, создал там экспозиции музыкальных инструментов и первобытных племен Индии. Александр Михайлович (с 1916 г.) Мерварт работал в буддийских монастырях, изучал языки пали, хинди и тамильский, перевел тамильский классический эпос Манимекалей и 13 драм драматурга Бхасы, изучал виды народного театра. Л. А. Мерварт, проживая в туземных семьях, изучила сингальский, малайяли, урду, кхаси и разговорный тамильский языки, наблюдала быт и народные промыслы (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Д. 5. Л. 149–151). По возвращении в СССР супруги Мерварт оказали огромное влияние на становление отечественной индологии и малаистики, музейного дела, театрального искусства, художественного перевода и др.

В чрезвычайных условиях Первой мировой войны, революции и последовавшей разрухи директор и персонал МАЭ сумели сохранить музей и продолжить его просветительскую деятельность. В канун празднования 200-летия Академии наук предстояло серьезное расширение и реорганизация выставочного материала. «Одной из крупнейших работ, предстоящих в ближайшие месяцы, является устройство совершенно нового обширного отдела, в котором будут представлены культуры Индии (Там же. Л. 86–88)». Музею было передано здание бывшей Кунсткамеры, в три раза увеличилась его выставочная площадь. Развитие музейного дела требовало создания специальных вспомогательных отделов.

Академия наук была крайне заинтересована в возвращении Мервартов. О том, что они в конце июля 1918 г. сумели добраться до Владивостока, в МАЭ узнали только в 1920 г., когда восстановилось почтовое сообщение с Дальним Востоком. «Кроме них, специалистов-индианистов, притом лично собравших коллекции, никто не в состоянии научно их регистрировать, ни обрабатывать. Кроме Академии наук в возвращении Мервартов крайне заинтересован Институт Живых Восточных Языков, в котором, как и во всей России, нет знатоков живых языков Индии и, наконец, для Наркоминдела и Внешторга Мерварт мог бы быть незаменимым экспертом по политическим и экономическим вопросам, связанным с Южной Азией» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923). Д. 3. Л. 110 об.). 20 июня 1924 г. Совет МАЭ избрал их научными

сотрудниками 1-го разряда, а А. М. Мерварта — зав. Отделом Индии (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Д. 5. Л. 89–90). Получив советские паспорта, Мерварты покинули Харбин и вернулись в Ленинград 3 августа 1924 г. (Там же. Л. 151). Их поселили в служебных квартирах АН по адресу Университетская наб., 1, кв. 15 (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 7. Л. 29), в октябре 1926 г. — Тучкова наб., 2, кв. 9.

В 1924 г. Мерварты в кратчайшие сроки создали первый в истории МАЭ Отдел Индии, экспозиции которого заняли зал 17 (ротонда) и часть зала 18. При входе в зал Индии как образец архитектуры установили вывезенную из г. Насик часть дворца с богатым резным орнаментом по фронтону. Конструкция была собрана в виде *тораны* — символических «Ворот в Индию», через которые прошли миллионы посетителей МАЭ. Во время юбилейных торжеств 7 сентября 1925 г. А. М. Мерварт проводил экскурсии, давал объяснения гостям академии. Экспозиция Индии вызвала особый интерес зарубежных гостей и прессы.

В справке, представленной 7 июня 1925 г. для Канцелярии конференции АН СССР, выделены следующие выдающиеся моменты истории МАЭ: 1901 — переустройство музея, 1908 — построен III этаж, 1914 — большая экспедиция А. М. и Л. А. Мерварт в Индию, 1925 — переход в новое здание в связи с перевыставлением коллекций Музея (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 8. Л. 7). И позже дирекция МАЭ подчеркивала, что 8 тыс. предметов по быту и культурам дравидийских и арийских племен Индии, Цейлона и Бирмы составлены почти исключительно из собраний А. М. и Л. А. Мерварт 1914–1918 гг. и выставлены в 1925 г. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 3. Л. 3). Структура и принципы экспозиции сохранялась до 2023 г. (Котин, Краснодембская, Соболева 2023).

Судьба сотрудников Отдела Индии сложилась очень непросто. Не получилось прямой преемственности личного состава, но богатый потенциал коллекционного фонда МАЭ позволял продолжать исследования в сфере индологии и знакомить массы посетителей с южноазиатскими культурами.

Александр Михайлович Мерварт: первый заведующий Отделом индологии МАЭ

Александр Михайлович Мерварт (1884–1937) — первый заведующий Отделом Индии МАЭ (1924–1929 гг.). Правление РАН 25 августа 1924 г. утвердило его в должности ученого хранителя МАЭ (16-й разряд) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923). Д. 2. Л. 286). Он немедленно

включился в активную музейную и организационную работу. 14 февраля 1925 г. А. М. Мерварт и В. М. Лемешевский были выборщиками от МАЭ по переизбранию директора МАЭ Е. Ф. Карского (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1925. Д. 174. Л. 148 об.).

К юбилейной выставке 1925 г. А. М. Мерварт сверхурочно составил путеводитель по индийскому отделу. В ноябре 1925 г. был принят на работу реставратор Павел Александрович Смелов для восстановления пострадавших от климата и перевозки экспонатов (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 8. Л. 1–2); в 1925 г. открыта Модельно-малярная мастерская (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Д. 5. Л. 160). На экспозиции Индии в 1925 г. трудились художники Н. В. Дыдыкин, Н. Ф. Вальдман, А. В. Вернер.

С 1924 г. А. М. Мерварт — доцент Ленинградского восточного института по страноведению Индии и тамильскому языку, с 1925 г. — доцент ямфака (1925–1929 — факультет языкознания и материальной культуры) ЛГУ. Им были прочитаны курсы по индийской этнографии с 1924 по 1928 г. в Ленинградском восточном институте (1924–1927 — Ленинградский институт живых восточных языков, далее — ЛИЖВЯ) и с 1925 по 1927 г. на восточном цикле ямфака. Объяснения по Отделу Индии давались студентам географического факультета, восточного цикла ямфака, ЛИЖВЯ, рабочего факультета ЛГПИ им. Герцена, преподавателям Школьной экскурсионной станции, отдельным специалистам. Для слушателей геофака ЛГУ в 1926 г. он прочел лекцию о технике регистрации на материалах Отдела Индии (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 4. Л. 16).

В 1925 г. А. М. Мерварт сделал доклады на заседании Радловского кружка, в Академии истории материальной культуры, прочитал ряд публичных лекций в Ленинграде и Москве по вопросам быта современной Индии. Его лекции по индийскому театру были востребованы (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 4. Л. 12): он консультировал труппы БДТ и театра Мейерхольда, ставившие пьесу Г. С. Венецианова «Джума-Машид» (Котин, Краснодембская, Соболева 2021), артистов и заведующего Государственным театром юных зрителей А. Брянцева, ставивших пьесу из жизни современной Индии (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1928). Д. 3. Л. 132). По поручению МАЭ он организовал 26 марта — 11 апреля 1927 г. выставку «Театр народов Востока» в Большом конференц-зале АН (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 1. Л. 2). В январе 1927 г. он был избран сверхштатным действительным членом Государственного института истории искусств по секции истории театра, заведовал высшими курсами (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Д. 8. Л. 15).

Музейный опыт А. М. Мерварта был особенно ценен. В 1927 г. он предложил основные положения проекта реорганизации отдела эволюции и типологии культуры МАЭ: серию выставок сроком 1–1,5 месяца, классификацию культурных и исторических явлений, картографирование их, составление таблиц, схем, организацию общемузейной картотеки (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 1. Л. 5). Заведующий отделом Е. Г. Кагаров, готовя выставки, советовался с авторами планов; в частности, Д. К. Зеленин, А. М. Мерварт, Б. Н. Вишневский, С. М. Дудин разработали в 1928 г. выставку «Жизнь ребенка» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1929. Д. 11. Л. 188).

По итогам командировки за границу 1 июня — 8 октября 1927 г. А. М. и Л. А. Мерварт составили докладную записку о возможности сотрудничества и обмена этнографическими коллекциями внеевропейских стран с музеями Германии и Голландии (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 6. Л. 252). Одновременно А. М. Мерварт добивался покупки в Германии АН тамильского шрифта для печатания тамильских текстов в академической типографии (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 5. Л. 411), а в апреле 1928 г. — перевода остатков своих средств по золотому фонду А. Е. Глускиной, командированной в Японию для покупки коллекций для МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1928). Д. 5. Л. 81).

Новых поступлений коллекций из Индии в 1920-е гг. не было. 8–9 февраля 1928 г. А. М. Мерварт отобрал (совместно с М. Соколовым и Г. Гульбиным) из Музейного фонда в Музее города (из личных комнат Александра III в Аничковом дворце) профильные музейные предметы, исходатайствовал передачу в МАЭ и Азиатский музей АН СССР через Ленинградское представительство Главнауки азиатских предметов как «не имеющих материальной ценности и большого значения для Госфонда» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1928. Д. 12. Л. 27)».

А. М. Мерварт предоставил восточные самовары на временную выставку в Русский музей (июнь — сентябрь 1928 г.) (Там же. Л. 113), Общине художников — индийские картины для выставки «Лубки» (февраль 1929 г.) (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1929. Д. 11. Л. 6). В заседании Совета МАЭ 3 июля 1929 г. он предложил передать излишки образцов чая (80 кг), доставленных в 1923 г. Г. Д. Красинским из Азии вместе с коллекциями, Главному ботаническому саду в обмен на образцы текстиля и съедобные растения тропических народов (Там же. Л. 204). Планируя работу отдела на 1929–1933 гг., он предложил проект этнолингвистической экспедиции в Индию (Деканское плоскогорье, Западные Гаты) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 3. Л. 19).

А. М. Мерварт был увлечен созданием Народного радиоуниверситета и привлек многих коллег к разработке программ Сектора культуроведения (октябрь 1928 г.) (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1928. Д. 12. Л. 206–207).

В период реорганизации Академии наук в 1929 г. без участия энергичного А. М. Мерварта не решались никакие внутримузейные проблемы. Вместе с Д. К. Зелениным он вошел в состав Организационного бюро по созыву Совещания этнографов Ленинграда и Москвы 5–10 апреля 1929 г. (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1929. Д. 11. Л. 191). В мае 1929 г. его командировали на совещании по организации Этнографической секции во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (Там же. Л. 196). Он был в составе Комиссии по выработке мер внутренней охраны помещений МАЭ (1927) (Там же. Л. 30), Комиссии по выработке инструкции использования младших служащих (Там же. Л. 221), Комиссии по всем вопросам, связанным с коллекциями и фотографиями, относящимися к отделу древностей Восточного и Западного Туркестана (Там же. Л. 222 об.), Комиссии по урегулированию выполнения фоторабот и работы рисовальщиков (Там же. Л. 187). В заседании Общего собрания МАЭ 9 августа 1929 г. он доложил о неудовлетворительном оборудовании мулерной и фотомастерской и указывал, что желательно предоставить больше самостоятельности в работе музея (Там же. Л. 219).

Постановлением Комиссии по организации культурно-просветительной работы в МАЭ был задуман цикл лекций, читаемый на основании личных впечатлений лекторов, вернувшихся из путешествий. О лекциях оповещались заинтересованные производства и организации, что содействовало укреплению связи музея с индустриализацией страны. А. М. Мерварт выбрал тему «Современная Индия» (Там же. Л. 41).

А. М. Мерварт и И. И. Зарубин были командированы в Харьков для участия во 2-м востоковедческом съезде, созываемом Всеукраинской научной ассоциацией востоковедов 2–10 июня 1929 г. (Там же. Л. 195).

Когда Совет МАЭ в заседании 2 июня 1929 г. поручил А. М. Мерварту и В. Г. Богоразу составить проект социалистического соревнования с Русским музеем (Там же. Л. 203), они предложили сделать это в форме общей выставки по истории религии. Президиум АН СССР 20 июня 1929 г. постановил организовать выставку «История и типология религии» в Большом зале Академии наук (Там же. Л. 86). А. М. Мерварту как члену Выставочного комитета было поручено начать переговоры для точного выяснения сметы расходов по найму, освещению и отоплению помещения (Там же. Л. 221). Антирелигиозная выставка АН СССР

состоялась в 1930 г. в помещении бывшего Зимнего дворца и легла в основу Государственного музея истории религии.

11 ноября 1929 г. Совет музея просил А. М. Мерварта взять на себя отбор вещей и приобретение предметов лабораторного оборудования и экспедиционного снаряжения. В декабре 1929 г. А. М. Мерварт давал заключение по поводу заявления Е. В. Гиппиуса об организации в МАЭ архива фонограмм (Там же. Л. 228). Тогда же его просили стать уполномоченным музея для технической организации проведения производственной практики студентов и согласования между отделами всех вопросов, связанных с работой практикантов. Он был включен и в состав Методической комиссии, создаваемой для установления единых принципов музейной работы (Там же. Л. 230 об.).

За 1924–1929 гг. А. М. Мерварт подготовил пятнадцать публикаций по индологии, в том числе опубликовал отчет об экспедиции 1914–1918 гг. (1 а. л.), путеводитель по экспозиции Индии (40 с.), работу на французском языке о южноиндийском театре катхакали (100 с.), занимался формированием 8 и 9 томов «Сборника МАЭ».

Как подметил вице-консул в Коломбо Б. П. Кадомцев 25 февраля 1915 г., А. М. Мерварт обладал несколько несдержанным и вспыльчивым характером и часто позволял обнаруживать свои настроения (АВПРИ. Ф. 238. Оп. 778. Д. 89. Л. 2–4). После арестов Т. А. Корвин-Круковской и Л. А. Мерварта он просил Совет музея возбудить ходатайство перед Правительственной комиссией по проверке аппарата АН об ускорении разборки их дел (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1929. Д. 11. Л. 221 об.). Кандидатура самого А. М. Мерварта рассматривалась 20 августа 1929 г. на заседании комиссии по проверке аппарата АН, в котором участвовали тт. Фигатнер, Садовский, Шауро, Кипарисов, Воробьев, Иванов, Козлов, Разоренов, проф. Никифоров; ввиду доводов, приведенных присутствовавшими там академиками Ольденбургом, Ферсманом и Комаровым, комиссия постановила оставить А. М. Мерварта на работе в АН (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1929). Д. 99. Л. 231).

Экскурсионно-лекторская база ЛООНО обратилась 11 июля 1929 г. в МАЭ с предложением об устройстве к октябрьским дням дополнительной экспозиции на темы «Индия и Китай в борьбе за национальную независимость» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1931). Д. 18. Л. 29). Но на А. М. Мерварте сказалась тяжелая моральная обстановка в АН, он слег 19 октября 1929 г. с флегмоной правой ноги. Тем не менее идею выставки он принял, считая, что она должна стать лейтмотивом «перевыставления» (преобразования экспозиции) всего азиатского отдела. Он подготовил около 20 карт и диаграмм, а за материалами

для истории политического движения, фотографиями, вещественными материалами и новейшей литературой собирался ехать в Москву с целью установления контакта с Восточной секцией Наркоминдела и с индийскими представителями в Коминтерне (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Д. 8. Л. 55).

В ночь с 13 на 14 января 1929 г. А. М. Мерварт был арестован (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930). Д. 7. Л. 29) и уволен от службы в АН с 18 марта 1930 г. как находящийся под арестом более двух месяцев (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1930. Д. 12. Л. 24). Постановлением К/ОГПУ от 8 августа 1931 г. супруги Мерварт были осуждены НКВД по ст. 58, заключены в ИТЛ г. Ухта на 5 лет, где А. М. Мерварт скончался 23 мая 1932 г. В 1967 г. реабилитирован.

Людмила Александровна Мерварт (1888–1965) Правлением РАН 25 августа 1924 г. утверждена научным сотрудником 1-го разряда сверх штата (15-й разряд) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923). Д. 2. Л. 286). По поручению Совета МАЭ до 27 апреля 1925 г. она работала в Отделе Индии по разборке и регистрации коллекции, которые несколькими партиями доставлялись в МАЭ. Всего было обработано 5575 предметов, 975 фотографий-позитивов и 575 фотографий-негативов (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 8. Л. 1–2), из них выставлено 2774 предметов и 15 моделей (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 4. Л. 12). К сожалению, около 25% собранных коллекций погибли в Индии от климата и насекомых. Для экспозиции Индии были изготовлены манекены (андаманцы, малайцы).

4 декабря 1924 г. избрана сверхштатным научным сотрудником 1-го разряда НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3318. Л. 11). 18 февраля 1925 г. она прочла лекцию в ЛИЖВЯ (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 67. Л. 1–2), 5 марта 1925 г. — доклад в Общем собрании Радловского кружка (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 5. Л. 57), 8 апреля 1926 г. — доклад в секции живой старины НИИ литературы и языков Востока и Запада при ЛГУ (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Д. 5. Л. 296), причем с демонстрацией диапозитивов. В 1927 г. сделала доклад в Географическом обществе (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 4. Л. 18). В 1927–1928 гг. она учила молодых сотрудников МАЭ водить экскурсии для красноармейцев и краснофлотцев

Как заведующая Отделом Индонезии, Л. А. Мерварт с 28 апреля 1925 г. начала разборку и регистрацию коллекций Индонезии, как выставленных в старом помещении, так и лежавших еще в сундуках (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 8. Л. 3). С 23 ноября 1925 г.

к Отделу Индонезии была прикомандирована Советом МАЭ научный сотрудник 2-го разряда Л. Э. Каруновская (Там же. Л. 3 об.).

В ночь со 2 на 3 октября 1929 г. Л. А. Мерварт была арестована (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1929). Д. 5. Л. 61). На основании постановления Комиссии по проверке аппарата АН СССР Приказом по АН СССР с 13 ноября 1929 г. она была уволена от службы в АН по 1-й категории (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1929. Д. 11. Л. 221). 8 февраля 1930 г. уволена от службы в АН как находящаяся под арестом свыше двух месяцев (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930). Д. 7. Л. 52). Реабилитирована в 1957 г.

Развитие индологии после Л. А. Мерварт

Татьяна Александровна Корвин-Круковская (1900–1938) работала в МАЭ с 1 февраля по 1 октября 1925 г. приватно на полставки. 6 августа 1925 г. Совет музея просил Правление ЛИЖВЯ допустить ее к слушанию отдельных курсов по страноведению Индии и бенгальскому языку (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1925. Д. 10. Л. 140). 1 октября 1925 г. в связи с введением дополнительных штатов МАЭ была принята в качестве научного сотрудника 2-го разряда, помощника заведующего Отделом Индии (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 (1925). Д. 8. Л. 65–69). Под диктовку А. М. Мерварта в июле-августе 1925 г. она подготовила текст путеводителя по Отделу Индии (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Д. 20. Л. 336), делала краткое описание индийских коллекций. Ночью 10 мая 1929 г. арестована. А. М. Мерварт 25 мая 1929 г. обратился к академику Александру Евгеньевичу Ферсману с просьбой защитить ее (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1929. Д. 11. Л. 81–82 об.).

Уволена из МАЭ 23 августа 1929 г. Т. А. Корвин-Круковскую сняли с работы в АН по 2-й категории, не возражая против работы по специальности в других учреждениях, вне АН (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1929). Д. 99. Л. 231). Ввиду отсутствия подходящего заместителя на ее место на эту ставку в Отдел Сибири был принят Е. А. Крейнович (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1929. Д. 11. Л. 211). Она продолжала заниматься в Отделе Индии в частном порядке с разрешения зав. отделом, как это практиковалось в МАЭ (Там же. Л. 152). 1 апреля 1930 г. она, административная высланная в Нижний Новгород, была вновь арестована в рамках академического дела, как и Мерварты, приговорена к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирована в 1967 г.

Отдельного упоминания заслуживают практиканты в Отделе Индии. С августа 1926 г. — А. А. Зеленецкий (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1

(1926). Д. 9. Л. 5), с ноября 1926 г. по 1 июня 1927 г. — Б. С. Благовещенский (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 5. Л. 7); октябрь 1928 г. — Г. В. Бенешевич (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1928. Д. 12. Л. 267). Среди сотрудников Отдела Индии были выявлены следующие исследователи. 15 января 1930 г. — июль 1930 г. временное заведывание Отделом Индии и Индонезии принял Г. О. Монзлер (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930). Д. 11. Л. 80). В Отделе Индии не осталось ни одного сотрудника. За экспозицией Индии следил младший служащий В. А. Бисикирский (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1929. Д. 11. Л. 221 об.).

Архивные данные позволяют восстановить некоторую хронологию. Так, Василий Матвеевич Бескровный (1908–1978), 3 мая 1930 г. зачислен на должность научного сотрудника 2-го разряда по Отделу Индии, но из-за болезни не явился и 19 июня 1930 г. был отчислен (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930). Д. 7. Л. 100). С 1932 г. он работал в должности м. н.с. Института востоковедения АН. Анализ архивных данных показал, что была назначена по рекомендации дирекции МАЭ в Отдел Индии 17 марта 1930 г. Эрна Владимировна Зиберт (Там же. Л. 59); 8 октября 1931 г. музееведу Надежде Владимировне Сперанской (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1931). Д. 11. Л. 113) работу не разрешила Биржа труда. Борис Владимирович Семичёв (1900–1981) — 24 октября 1928 г. Президиум АН назначил его на должность ученого секретаря по Индийской секции Института изучения буддийской культуры (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1929). Д. 91. Л. 146). С 1930 г. он — сотрудник ИВ АН. С 1932 г. — научный сотрудник 1-го разряда Отдела Индии, секретарь Научного совещания МАЭ. Составил (1932) предварительное описание индийских коллекций, переданных из бывшего Музея Штиглица (МАЭ № 3166–3170). Арестован 18 марта 1933 г. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Д. 15. Л. 62 об.). Реабилитирован в 1989 г. Жанна Яковлевна Бухбиндер — старший экскурсовод, научно-технический сотрудник Отдела Индии. Уволена 15 февраля 1933 г. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Д. 16. Л. 33).

Международные связи Отдела индологии

В 1933 г. МАЭ и Институт по изучению народов СССР (ИПИН) реорганизованы в Институт антропологии и этнографии АН СССР (далее — ИАЭ). В видах оживления международных научных связей был привлечен к постоянному сотрудничеству ряд иностранных ученых.

Вирендранат Агарнатович Чатопадайя (1880–1937) 20 мая 1933 — 16 июня 1937 гг. — научный руководитель Кабинета Индии, Индонезии

и Дальнего Востока МАЭ (создан в марте 1934 г.). Работал над монографией «Техника и структура каст» (1933). Кабинет с географической и исторической точки зрения был наиболее обширным и сложным в ИАЭ и недостаточно силен, чтобы по определенным проблемам провести концентрированные работы. Тематикой ИАЭ стала разработка теоретических проблем доклассового общества с точки зрения марксистской методологии, максимально используя музейные материалы, а коллекции Отдела Индии и Дальнего Востока относятся к поздним ступеням феодального общества. На 1935–1937 гг. В. Чатопадайя предложил коллективную научно-исследовательскую тему о системах родства (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1935). Д. 4. Л. 13).

С 1927 г. — член партии Коммунистическое рабочее движение Германии. Председатель Постоянного совещания по колониальным отделам МАЭ. Подбирал материал для выставок о нагах и «Колониальная политика и освободительное движение в Индии». Создал диафильм «Революционное движение в Индии» (МАЭ № И86, 1934 г.). Премиирован грамотой за превышение печатной продукции против плана, выразившейся в подготовке ряда статей для юбилейных изданий, посвященных Энгельсу, за общественную работу и руководство кадрами в области изучения иностранных языков (В. Чатопадайя обучал английскому языку комсомольцев МАЭ) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1935). Д. 14. Л. 30).

Планом 2-й пятилетки на 1936 г. была намечена полная реэкспозиция Отдела Индии; частично реэкспонированы разделы «Текстильное ремесло в городе и в деревне» и «Земледелие» (выставлено поклонение тигровому богу в Бенгалии). Разработан портфель экскурсовода и подобраны диапозитивы к экскурсии по Индии. Составлены краткие тексты к фотографиям для Кабинета колониальной политики ЛИФЛИ (150 шт.) и для Кабинета Индии (35 шт.). Отдел Индии выступал против предложения реорганизовать МАЭ по стадиям развития первобытно-коммунистического общества, отстаивал региональные принципы музейной экспозиции (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1935). Д. 26. Л. 51).

Консультировал ЛИФЛИ, ГАИМК, ГМИР, Восточный институт. Преподавал язык хиндустани (урду) в ЛВИ (1933–1935) и в ЛИФЛИ (с 1936). В июле 1935 г. АН СССР присудила В. Чатопадайе степень кандидата языковедения без защиты диссертации. Он помогал ИАЭ и ИВ АН СССР наладить контакты с научными центрами Индии. Предлагал при составлении справочника «Народы мира» учитывать не только этнографические цели, но придать ему политический характер (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1935). Д. 23. Л. 52). Арестован УНКВД ЛО 16 июня 1937 (ст. 58–6 и 17–58–8 УК РСФСР). Реабилитирован в 1956 г.

Оскар Эмильевич Визель (1895–1939), переводчик, археолог, этнограф, лингвист, тибетолог, индолог, японовед, научно-технический сотрудник с апреля по 15 декабря 1933 г. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Д. 6. Л. 62).

Валерий Евгеньевич Краснодембский (1907–1942) с 15 декабря 1933 г. — научный сотрудник 2-го разряда, м. н.с. — по 20 ноября 1937 г. Работал над кандидатской диссертацией о социальной организации племен мунда. Закал фоторепродукции по теме «Племена Индии», «Ремесла Индии», «Индийская деревня», «Революционное движение Индии» (МАЭ № И83–И90, И193–И195, И200–И205, И558–И570, И783, И949). 1 ноября 1937 г. принят на должность м. н.с. в Новиндийский кабинет ИВ АН СССР. 20 ноября 1937 г. уволен из ИАЭ по собственному желанию (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 132. Л. 4 об.).

Аспиранты Бернет и Большаков четыре года занимались индусским языком у проф. А. П. Баранникова в ЛВИ и у В. Чатопадайи (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1935). Д. 4. Л. 17 об.). М. Уайт вела научно-исследовательскую работу по теме «Социальная организация племен тода и пережитки матриархата» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1935). Д. 26. Л. 85).

Берта Владимировна (Вульфова) Росина-Фирштейн. Окончила этнографическое отделение ЛГИЛИ (1930). Экскурсовод МАЭ (с 1931 г.) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Д. 17. Л. 67). Научно-технический сотрудник Отдела Индии с 1938 г. Зарегистрировала фотоколлекции МАЭ И783, И1002.

Анна Соломоновна Рискина. В МАЭ с 1935 г., 1939 — 24 августа 1940 г. — научно-технический сотрудник Отдела Индии (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 337. Л. 54). Зарегистрировала заказанные ранее фотоколлекции (МАЭ И567–И570, И948–И956, И964–968, И979–И980, И1074–И1075).

Заключение

Ранняя история Отдела Индии МАЭ — Института этнографии АН СССР демонстрирует, как сложно было искать и готовить кадры специалистов-этнографов. Советская система занятости требовала утверждения всех должностей Биржей труда, в том числе зачисление Мервартов, за которыми ставки и должности закреплялись условиями командировки от АН, в 1924 г. это осложнилось многими формальностями. В конце 1920-х гг. ситуация с кадрами этнографов улучшилась, студентов вузов сразу после выпуска приглашали на работу в МАЭ.

Но в 1930-е гг. молодые специалисты принимались на работу через местные вузовские комиссии по распределению оканчивающих, по получении наряда Наркомтруда. Если МАЭ заранее не подавал заявку в Секретариат АН, никто из них не мог быть зачислен в число сотрудников АН.

В Отделе Индии трудились ученые, знавшие и любившие живую Индию, говорившие на индийских языках. Их ученики развивали методы научной и музейной индологии в АН. Исследовательской базой отечественной индологии оставались собранные уникальные коллекции, авторские музейные описи, редкие книги, рукописи.

С началом Великой Отечественной войны в Отделе Индии не осталось научных сотрудников. Часть музейного персонала была уволена в связи с эвакуацией и сокращением работы по ИАЭ. Новый этап начался летом 1946 г., когда вновь стали нанимать персонал в Институт этнографии АН СССР.

Источники

Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. — СПб.: МАЭ РАН, 2018. — 468 с.

Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. Вынужденный идеал (Создание первой постоянной экспозиции «Народы Южной Азии» в МАЭ РАН: предпосылки, принципы и обстоятельства) // Империя смотрит на Восток: каталог выставки. — Гатчина, 2023. — С. 152–169.

Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С., Кисляков В. Н. Михаил Степанович Андреев и его вклад в индийские коллекции Музея антропологии и этнографии. — СПб.: МАЭ РАН, 2018. — 220 с.

АВПРИ. Ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 89. Л. 2–4. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XIX/1880-1900/Russ_ind_20/281-300/298.htm (дата обращения: 10.06.2024).

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1913. Д. 160.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1914. Д. 161.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1915. Д. 162.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1925. Д. 174.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 (1925). Д. 8.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Д. 8.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1925. Д. 10.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1928. Д. 12.

- СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1929. Д. 11.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1930. Д. 12.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Д. 20.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1929). Д. 91.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1929). Д. 99.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3318.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 65.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 66.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 67.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923). Д. 2.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923). Д. 3.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Д. 5.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 4.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 5.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 7.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 8.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Д. 5.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 8.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Д. 8.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Д. 9.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 1.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 3.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 4.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 5.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Д. 6.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1928). Д. 3.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1928). Д. 5.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1929). Д. 5.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930). Д. 7.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930). Д. 11.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1931). Д. 11.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1931). Д. 18.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Д. 6.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Д. 15.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Д. 16.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Д. 17.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1935). Д. 4.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1935). Д. 14.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1935). Д. 23.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1935). Д. 26.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 67.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 132.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 337.

References

Kotin I. Yu., Krasnodembskaya N. G., Soboleva Ye. S. *Ekspeditsiya MAE na Tseylon i v Indiyu v 1914–1918 gg. Istoriya. Kollektzii. Nauchnoye naslediye: monografiya*. [MAE expedition to Ceylon and India in 1914–1918. Story. Collections. Scientific heritage.] St. Petersburg, MAE RAS, 2018, 468 p. (In Russ.)

Kotin I. Yu., Krasnodembskaya N. G., Soboleva Ye. S. Vynuzhdenyy ideal (Sozdaniye pervoy postoyannoy ekspozitsii “Narody Yuzhnoy Azii” v MAE RAN: predposylki, printsipy i obstoyatel'stva. *Imperiya smotrit na Vostok. Katalog vystavki*. [A forced ideal (Creation of the first permanent exhibition “Peoples of South Asia” at the MAE RAS: prerequisites, principles and circumstances). *The Empire looks to the East: Exhibition catalogue*. Gatchina, 2023, pp. 152–169. (In Russ.)

Krasnodembskaya N. G., Soboleva Ye. S., Kislyakov V. N. *Mikhail Stepanovich Andreyev i yego vklad v indiyakiye kollektzii Muzeya antropologii i etnografii: monografiya*. [Mikhail Stepanovich Andreev and his contribution to the Indian collections of the Museum of Anthropology and Ethnography.] St. Petersburg, MAE RAS, 2018, 220 p. (In Russ.)

Краснодембская Нина Георгиевна, доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия. nigekrasno@mail.ru

Соболева Елена Станиславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия. soboleva@kunstkamera.ru

Krasnodembskaya, Nina G., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. nigekrasno@mail.ru

Soboleva, Elena S., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. soboleva@kunstkamera.ru

О. А. ФЕДОРОВА, А. В. ЖУРАВЛЕВА

СТРАТЕГИИ КОММУНИКАЦИИ С АУДИТОРИЕЙ МОЛОДЕЖНЫХ ЛАЙФСТАЙЛ-БЛОГЕРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЛАТФОРМЫ YOUTUBE)

Из многочисленных форматов видеоблогинга на площадке YouTube особый исследовательский интерес представляет лайфстайл, которому посвящена настоящая статья. Видео такого жанра представляют собой спонтанные монологи блогеров на бытовые темы, что приближает эту манеру речи к естественной. В статье рассмотрены методы вербальной коммуникации лайфстайл-блогеров с их аудиторией. Для исследования отобрано 42 видео со средней продолжительностью 20 минут. Изучаемые спикеры принадлежат к одной возрастной категории (15–25 лет) и имеют одну гендерную принадлежность (женщины). Нами были изучены особенности лингвистических портретов каждой из информанток, а также общие тенденции речи лайфстайл-блогеров. В результате проведенного анализа нам удалось выделить и описать пять типов коммуникации со зрителем, к которым прибегают лайфстайл-блогеры: «оптимистический», «остроумный», «наставнический», «профессиональный» и «хаотичный». «Оптимистический» тип характеризуется в первую очередь акцентом на комфорте зрителя, «остроумный» тип подразумевает склонность блогера самовыражаться через использование авторских речевых оборотов, «наставнический» тип ставит своей целью побуждение аудитории к действию, «профессиональному» типу свойственно особое внимание к передаче профессионального и житейского опыта зрителю, «хаотичный» тип отличается спонтанностью и отсутствием ярко выраженной цели высказывания. В ходе исследования удалось выяснить, что речь лайфстайл-блогеров имеет особые паттерны: каждый из спикеров относится к одному из перечисленных выше типов.

Ключевые слова: коммуникация, видеоблогинг, лингвистический портрет, речь молодежи, лайфстайл, анализ дискурса.

OLGA A. FEDOROVA, ANNA V. ZHURAVLEVA

STRATEGIES OF COMMUNICATION WITH THE AUDIENCE OF YOUTH LIFESTYLE BLOGGERS (BASED ON YOUTUBE PLATFORM)

Of the numerous formats of video blogging on the YouTube platform, Lifestyle is of particular research interest, which is the focus of this paper. Videos of this genre are spontaneous monologues of bloggers on everyday topics, which brings this manner of speech closer to natural speech. The article considers the methods of verbal communication of Lifestyle bloggers with their audience. 42 videos with an average duration of 20 minutes were selected for the study. The studied speakers belong to the same age category (15–25 years old) and have the same gender identity (women). We studied the features of linguistic portraits of each of the informants, as well as general trends in the speech of lifestyle bloggers. As a result of our analysis, we managed to identify and describe 5 types of communication with the viewer, which are used by lifestyle bloggers: “optimistic”, “ingenious”, “mentoring”, “professional” and “chaotic”. “Optimistic” type is characterised primarily by an emphasis on the viewer’s comfort, “ingenious” type implies the blogger’s tendency to express himself through the use of authorial speech turns, “mentoring” type aims to encourage the audience to take action, “professional” type is characterised by a special attention to the transfer of professional and worldly experience to the viewer, “chaotic” type is characterised by spontaneity and the absence of a clearly expressed purpose of the statement. The study revealed that the speech of lifestyle bloggers has special patterns: each speaker belongs to one of the above types.

Keywords: communication, video blogging, linguistic portrait, youth speech, lifestyle, discourse analysis.

Введение

Для начала XXI в. характерным фактором, оказывающим влияние на развитие современного человека, является процесс цифровизации (Бродовская, Домбровская, Пырма и др. 2019: 14–23; Каргаполова, Каргаполов, Давыдова и др. 2020: 193–210). Одним из следствий этого воздействия можно считать появление новой сферы жизнедеятельности социума — цифровой. В работах социологов цифровая информационная среда выступает в роли основного социального механизма, создающего новый уровень развития современного общества (Бродовская, Домбровская, Пырма и др. 2019: 76–104). Таким образом, можно говорить об

актуальности изучения кардинально измененных условий формирования и социализации человека, а в особенности — молодежи, в жизни которой интернет играет особо значимую роль.

В данной статье мы рассмотрим одну из наиболее популярных сфер, связанных с влиянием цифровизации на молодежь, — видеоблогинг. Для последующей оценки воздействия блогеров на аудиторию мы считаем необходимым изучить специфику дискурса, который демонстрируют авторы интернет-контента.

Тема интернет-дискурса имеет большой потенциал для оказания влияния на формирование социального и речевого поведения русскоговорящей молодежи. В рамках любого дискурса адресат, ограничивающий тематику, содержание и форму высказывания, имеет прагматическое преимущество над адресантом (*powerful participant*) (Fairclough 1989). В интернет-пространстве именно автор контента контролирует цель и форму подачи информации: коммуникативное намерение, речь и сопровождающее повествование поведение. Данное преимущество позволяет блогеру реализовывать нарраторскую саморепрезентацию — формировать для зрителя «особого персонажа» (часть личности автора) и определенный повествовательный стиль, который, как правило, поддерживается «положительным фидбэком» со стороны аудитории (Snickars, Vonderau 2009).

Значимым фактором при просмотре интернет-контента пользователем является также «информационный вакуум», который образуется вследствие автоматизированных процессов в соцсетях и видеохостингах: при однократном просмотре видео определенного блогера система будет предлагать пользователю подборку остального контента данного автора. Этот процесс существенно увеличивает вероятность более частого обращения к контенту одного типа. Последующее регулярное наблюдение за определенными блогерами можно рассматривать как членство в конкретных социальных группах, образующих центр процесса формирования личности пользователя (Srihong 2022). Дополнительными аспектами приобщения зрителя к «информационному комьюнити» являются такие характерные черты современных блогеров, как прямое обращение к аудитории и стимулирование самооценки «подписчиков». Данные факторы не только усиливают ощущение приверженности к сообществу, но и образуют эмоциональную связь между автором контента и зрителем (Pereira, Moura, Fillol 2018), что говорит о создании таких статусов, как блогер-друг или блогер-авторитет.

Приобщение зрителя к интернет-контенту на бытовом (регулярность просмотров) и эмоциональном уровнях позволяет говорить

о влиянии интернет-дискурса на социальный мир. Воздействие на пользователя происходит посредством особой семиотической системы (Jones, Chik, Hafner 2015). Зритель оказывается вовлеченным в симуляцию другой реальности, включающей в себя моделирование специфического стиля поведения, речи и языка (Manovich 2001). Мы полагаем, что в данных условиях имеет место возможность заимствования пользователем той формы выражения мыслей, которую демонстрирует автор контента.

Исследователи интернет-дискурса отмечают, что социальные интеракции в интернет-пространстве представляют интерес для изучения как на уровне письменного использования языка, так и на уровне устного. Рассматриваются примеры осуществления модификации языка и лексики за счет распространения новых лингвистических форм и выражений из популярных видео (Ferreiro 2018–2019). При изучении корпусов письменной интернет-речи отмечаются особенность самовыражения через форму подачи, значимость выбора языка (родного, диалекта или иностранного), «переключение» лингвистического кода посредством обращения к особому типу интернет-сленга (*respective language*), прагматическая сторона содержания (Thurlow, Mroczek 2011: 299–319). В настоящем исследовании мы хотели бы проанализировать вышеперечисленные факторы на основе устной речи авторов интернет-контента.

Принимая во внимание влияние интернет-дискурса и социальных интеракций на современных пользователей, в рамках данной статьи мы рассматриваем такой аспект саморепрезентации блогеров, как стратегия речевой коммуникации. Этот фактор мы оцениваем как способ самовыражения, привлечения аудитории, а также возможный источник подражания: как ценностный — в сфере мыслей и мнений, так и буквальный — на уровне языка и речевого поведения.

Предположение о влиянии современных блогеров на подражание со стороны зрителей является социологической стороной нашей работы. Лингвистический же интерес касается речи блогеров, которая имеет потенциал для воздействия на развитие речи аудитории. Таким образом, материал исследования находится в социолингвистическом поле, где отношения между блогерами и зрителями рассматриваются с точки зрения социологии, а особенности речи нарраторов — с позиций лингвистики.

Исследовательским вопросом статьи является определение закономерностей саморепрезентации русскоговорящих лайфстайл-блогеров в интернет-пространстве через изучение особенностей их речи.

Обзор литературы

Работа выполнена с опорой на метод критического дискурс-анализа, в частности на подход Нормана Фэркло. Этот метод характеризуется тем, что включает в себя тщательное лингвистическое исследование отдельных коммуникативных событий для выявления в них социальных значений. При этом учитывается социальный контекст, в котором функционирует анализируемый дискурс. Это позволяет выявить не только характеристики текста, но и особенности функционирования единиц дискурса.

Известно множество случаев применения теоретической рамки, заданной Фэркло, для анализа социальных явлений или политических событий, имеющих отражения в масс-медиа. Например, Чжан с помощью этой методики проанализировал статьи в газетах США, посвященные войне с Ираком. В ходе исследования были изучены лингвистические особенности текстов и социальный контекст. Благодаря детальному анализу языковой составляющей изучаемого материала Чжан пришел к выводу, что в новостных статьях, несмотря на внешнюю нейтральность стиля, даны субъективные оценки описываемых явлений. В текстах присутствуют следы политических ценностей и идеологии авторов, что отразилось на изображении авторами действительности: лидер Ирака представлен в невыгодном свете, лидер США — наоборот (Zhang 2014: 2273–2277). Предыдущий опыт таких исследований открывает пространство для применения теории Фэркло и к другим видам медиа, в том числе к материалу на видеохостинге YouTube.

Итак, метод Фэркло направлен на определение того, как дискурсивные практики формируют социальные отношения и в ходе этого трансформируются сами (Йоргенсен, Филлипс 2008: 115–131). Эта цель созвучна цели настоящего исследования — изучить дискурс конкретной социальной группы (лайфстайл-videоблогеров) на примере конкретных высказываний, обращая при этом особое внимание на их ситуативный контекст (общее настроение спикера, задачи и тематика всего YouTube-канала спикера).

Иными словами, в рамках глобальной цели работы была поставлена задача изучить идиостили лайфстайл-блогеров и группировать их по признаку схожести. Идиостиль представляет собой «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» (Кожина 2006: 95–96). Именно на эти параметры и обращено повышенное внимание в статье.

«Критическая лингвистика отличается от других подходов тем, что уделяет внимание грамматике и лексике текстов. Много говорится о „переходности“ — аспекте грамматики фразы или предложения, который связан с его идейным значением, то есть с тем, как он представляет реальность», — пишет Фэркло (Fairclough 2006: 27). В связи с этим было принято решение сделать фокус на морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях речи блогеров.

Во внимание принимались все лексические единицы, не относящиеся к категории нейтральных слов. Из каждого монолога блогера были вычленены стилистически окрашенные речевые единицы. Особое внимание уделялось словам, имеющим экспрессивный оттенок и особый контекст употребления. Учет лексического набора говорящих позволяет составить их речевые портреты и оценить уровень эмоциональной вовлеченности.

Не менее важно было проанализировать синтаксическое построение предложений в высказывании блогеров. Критериями в данном случае являлась логичность и сложность используемых конструкций. Анализ по этим признакам дает представление об общей манере речи блогеров: как они преподносят себя в информационном пространстве и каких целей добиваются при произнесении монолога. Простота и неструктурированность синтаксического строя делает образ блогера в медиа более неформальным, а его контент — больше развлекательным, чем информационным.

Кроме того, для оценки социального значения видеоблога нужно рассмотреть те смыслы, которые блогер транслирует своей аудитории. Было проанализировано, какие знаки и идеи фигурируют в монологах блогеров чаще всего. Этот речевой аспект также важен для изучения саморепрезентации блогеров: исследованию подлежит не только форма высказывания, но и его содержание. Как было обнаружено, лайфстайл-блогеры склонны транслировать похожие, но при этом вариативные мысли. Изучению этих различий и сходств посвящена настоящая статья.

Методология и эмпирическая база

Для исследования был выбран видеохостинг YouTube, так как, в силу сравнительно долгой популярности и развитости, он является источником большого количества видео, способных создать ряд монологических текстов, где представлена естественная свободная речь молодежи.

Для сужения выборки внимание было сосредоточено на следующих критериях:

1. Лайфстайл-видео (так как речь не должна быть специализированной).
2. Неподготовленность, спонтанность речи и минимальное количество закадрового голоса.
3. Минимальное количество монтажа в процессе произнесения монологов.
4. Примерный возраст блогеров — от 15 до 25 лет.

В результате эмпирическая база составила 42 видео. Авторами видеороликов в выборке являются девушки (представителей мужского пола, создающих лайфстайл-контент, подходящий под вышеперечисленные критерии, найти не удалось), имеющие аудиторию от 1 тыс. до 580 тыс. подписчиков. Тематики видео различны: ежедневная рутина, поездка в другой город или страну, учеба, покупки, подготовка к праздникам, монолог — рефлексия о жизни.

Методология исследования состояла из следующих этапов: вручную было отобрано 42 видео, соответствующих заранее составленным критериям. Далее был использован метод качественного лингвистического анализа затранскрибированных монологов, представленных в видео. На данном этапе были отмечены прагматические маркеры, лексические единицы и синтаксические обороты, выбивающиеся из рамок кодифицированного русского литературного языка. На основе индуктивного метода полученные результаты были сгруппированы на основе схожих особенностей речи. На последнем этапе, на основе замеченных лингвистических особенностей, были выявлены критерии определения каждой стратегии коммуникации.

Исследуя стратегии коммуникации блогеров, мы уделяли особое внимание грамматике и семантике речи, а также коммуникативным намерениям. Более конкретные критерии определения типов будут рассмотрены в эмпирической части статьи.

Предполагается, что изучение этих аспектов саморепрезентации блогеров позволит развить исследования речи молодежи, а также выявить степень влияния цифрового контента на формирование современных зрителей. Кроме того, проведенное исследование может задать вектор последующему изучению взаимодействия блогеров с аудиторией, которое включает в себя как дискурсивные особенности речи, так и способы коммуникации.

Таблица 1

**Пример обработки данных.
Характеристики «оптимистического» типа коммуникации
с цитатами блогеров**

Черта	Примеры	№ видео
Вовлечение зрителя (обращения, упоминания, вопросы)	Знаете...; давайте (будем); видите; ...в моей жизни <...> и в вашей; чтоб вы понимали; как вам...?; вы заметили...?; станут поддержкой для вас; показать вам	1
	Вы можете погрузиться; вы увидите; у вас уже идут кадры; как вы могли подумать; посмотрите; я вам не скажу; как я вам уже сказала (2×); вы совсем скоро увидите; как вы уже только что видели; вам рассказать; вам советую; вы будете поступать; вы большие молодцы, большое вам спасибо, поздравляю вас	6
	Пойдемте я вам расскажу; ссылочку я для вас оставлю; вы можете переходить; давайте сейчас будем разбирать; давайте пойдемте; посмотрите (2×); смотрите; надеюсь, что оно вам понравилось; подписывайтесь <...> всем пока!	7
	Всем большой привет, друзья; ребят; как вы понимаете; кто не знает; посмотрите; напишите; вы можете видеть; можете написать; начнем наверно давайте; как вы видели; показать вам (3×)	8
	Вы здесь; вы со мной; вы меня видите; вы меня слушаете; вы видите (2×); знаете... (8×); вы можете видеть; ну вы поняли; вы подписаны; вы знаете; предлагаю перейти; предлагаю не затягивать; если вы не знали; давайте я чуть переставлю камеру; вы ознакомьтесь; вы сами понимаете; натолкнуло вас; вам понравилось; вы поставите лайк; желаю вам; вы можете все изменить сами; вам спасибо, что вы со мной, что вы меня смотрите; оправдать ваше доверие; я вас очень люблю; вы были умничками	17
«Неуверенность», отсутствие конкретики	<u>Что-то</u> еще поделать; <u>какого-то</u> спокойствия (2×), <u>какого-то</u> уюта; наверно; возможно; <u>какой-то</u> отдушиной; с <u>какого-то</u> дисклеймера, где я <u>что-то</u> буду говорить; <u>что-то</u> вести в интернете; может быть; <u>какое-то</u> средство; <u>какие-то</u> срывы; <u>что-то</u> реализовывать; <u>куда-то</u> было бы уехать; выложить хоть <u>что-то</u>	1
	Вроде (3×); какая-то овечка; что-то очень нереально милое; с какими-то напитками; какие-то слова; какими-то лайфхаками; возможно вы будете поступать; мне кажется; кажется	6

Таблица 1 (продолжение)

Черта	Примеры	№ видео
«Неуверенность», отсутствие конкретики	Я сегодня <u>какая-то</u> заспанная, <u>мне кажется</u> ; как бы примерно; вот что-то вот в этом роде; возможно это как-то запоминалось	7
	Немногоко поспать, <u>может быть</u> до часу; <u>может быть</u> , я посплю даже; <u>как-то</u> себя тоже порадовать; наверно	8
	Наверно (3×); <u>какой-то</u> такой, <...> <u>может быть</u> куколкой; (всего «какой-то» в разных формах: 22×); мне правда <u>так кажется</u> ; <u>что-то</u> там еще; что-то такое; что-то где-то ошибиться; что-то подобное; <u>всякие там</u> экология, зарубежная литература, <u>что-то еще</u> (всего «что-то»: 19×); как-то (3×); где-то (3×); куда-то (2×); какой-нибудь интерактивчик; какой-либо поступок; кому-то; натолкнуло вас на <u>какие-то</u> размышления, <u>возможно</u> , преподнесло <u>какие-то</u> уроки, <u>возможно</u> , заставило сделать <u>какие-то</u> выводы	17
«Маркеры искренности»	Хочется, честно; если честно; хочется <u>реально</u> сказать слова поддержки; я люблю <u>на самом деле</u> убираться; это действительно так	1
	Честно (4×); если честно (3×); честно сказать; на самом деле	6
	На самом деле (3×)	7
	На самом деле	8
	Правда (3×); если честно (2×); реально, по моим влогам... (как вводное слово)	17
Усиление эмоций	Прям <u>безумно</u> тяжело	1
	Там капец какой завал; не является прям супер-пупер-классным; нереально холодно; я просто нереально рада; вот реально они просто чистейшие; вот огромнейшую тетрадь; реальный минус; это капец просто	7
	Реально уже нет ресурса; просто нереальная редкость; прям кайф; безумно понравился	8
	Реально могу зацепить; реально очень круто (всего «реально» в этом значении: 6×); просто огромную поддержку; прямо счастлива; нереально счастлива; очень главным итогом стал; делала действительно упор; невероятно благодарна	17

Таблица 1 (окончание)

Черта	Примеры	№ видео
Диминутивы и уменьшительно-ласкательные формы	Немножечко поработать; немножечко накраситься	1
	Блокнотик (5×); котик (5×); клеточка (4×); чехольчик (4м); стёрочки (3×); бутылочка (2×); зайчик (2×); крышечка (2×); календарик (2×); листочек (2×); немножечко (2×); открыточки (2×); полочка (2×); тетрабочка (2×); вкусняшками; миленько; овечка; в виде облачка; мишкой, вишенки; сердечек; тайничка; ошибочка	6
	Бутылочку; ссылочку; немножко (2×); недельку; тренировочку; немножечко; узенькая	7
	Немножко; листочки; папочку; блинчики (2×); по магазинчикам; свитерочков; свитерок; кофточки (2×)	8
	Немножко (4×); немножечко (2×); куколкой; пунктиком; пикничок; кучка; интерактивчик; мирок; солнышко (2×); потихонечку	17

Эмпирическая часть

Оптимистический тип

Одним из первых мы выделили «оптимистический» тип коммуникации, при котором высказывания блогеров эмоционально окрашены, как правило, в положительные тона (однако попадают и редкие исключения, когда блогер делится своими негативными впечатлениями). Спикеры открыто демонстрируют свои эмоции посредством медиа и, предположительно, передают свой психологический настрой зрителям. Достигается это благодаря активному вовлечению аудитории в действие, насколько это возможно сделать в условиях площадки YouTube, например, блогеры приглашают своих зрителей «сопроводить» их во время выполнения рутинных задач.

Авторы изучаемых видео довольно часто в разных формах обращаются к своей аудитории. Нередки прямые обозначения зрителя с помощью личного местоимения множественного числа второго лица («Вы — большие молодцы», «Надеюсь, что оно вам понравилось», «Вы сами понимаете», «Желаю вам», «Вы будете поступать», «Как вам?», «Большое вам спасибо» и др.). Иногда встречаются и прямые обращения к зрителям, например слова «Друзья», «Ребят(а)». Благодаря таким обращениям сокращается дистанция между автором и аудиторией.

Блогеры склонны контактировать со слушателями с помощью глагольных форм. Среди них глаголы в повелительном наклонении, такие как «(по)смотрите», «подписывайтесь», «напишите», «пойдемте я вам расскажу». Спикер может побуждать публику не только к логичным в данной ситуации действиям (смотреть, писать, подписываться на канал), но и к потенциально невыполнимым, например, пойти с блогером в другую комнату.

Следующая особенность, обуславливающая наименование этого типа, — эмфаза, достигаемая с помощью характерных сленговых слов. Они присутствуют и в речи представителей иных типов, но наиболее часто встречаются в лексиконе блогеров, использующих «оптимистическую» модель. Слова, расставляющие эмоциональные акценты в высказывании, мы поделили на три подгруппы: на маркеры искренности, усилители эмоций и диминутивные (уменьшительно-ласкательные) формы слов.

Под маркерами искренности подразумевается разновидность дискурсивных слов. Среди них мы выделили: «(если) честно», «реально», «на самом деле», «действительно», «правда». Маркеры искренности, во-первых, связывают воедино различные по смысловому наполнению части высказывания, во-вторых, имеют в своем семантическом ядре значения искренности говорящего. Такого рода дискурсивы не привносят в речь принципиально новые смыслы, но при этом их лексическое значение указывает на правдивость высказывания. Помимо этого, маркеры искренности служат все той же цели сближения полюсов зрителя и блогера: авторы видео стремятся завоевать доверие аудитории.

Из усилителей эмоций нам удалось выделить: «безумно», «капец», «(не)реально», «прямо», которые в речи спикеров с чертами «оптимистического» типа встречаются особенно часто. Эти единицы, как и маркеры искренности, используются блогерами, чтобы подчеркнуть тональность высказывания (эмоциональную составляющую монолога), а также личное отношение к демонстрируемому на экране.

Кроме того, в речи представителей «оптимистической» группы в большом количестве присутствуют диминутивы. Говорящий, применяя слова с уменьшительно-ласкательными аффиксами по отношению к бытовым предметам и ситуациям, транслирует свое отношение к ним. Так, вместо возможных в данных коммуникативных ситуациях эмоционально нейтральных предложений появляются субъективно-оценочные высказывания. Особенно ярко выражается эта особенность в контексте рассказа о покупках: блогеры описывают свои приобретения по большей части с помощью диминутивов. В качестве иллюстрации

приведем пример: одна из блогеров в течение десятиминутного рассказа о купленной канцелярии и подарках использует слова «блокнотик» и «котик» по пять раз, слова «клеточка» и «чехольчик» по четыре раза, слово «стёрочки» три раза и т. д.

Субъективно-эмоциональную окраску принимают не только понятия, обозначающие объекты реального мира. Речь представителей «оптимистического» типа имеет общую тенденцию «смягчения», т. е. слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами встречаются иногда также и в абстрактных рассуждениях авторов. Например, блогер, подводя итоги прошедшего года и рассказывая о себе, очень часто прибегает к словам «немножко» (4 раза за 23 минуты) и «немножечко» (2 раза за такое же время), при этом ни разу не сказав слово «немного». Возможно, такое стремление к подчеркнутому преуменьшению, достигаемое с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов, говорит об уже упомянутом желании блогера погрузить зрителя в комфортную, спокойную, лишенную резкости (как в психологическом, так и в речевом плане) обстановку.

Эта идея перекликается с еще одной отмеченной нами чертой коммуникативного типа. Если, с одной стороны, блогеры «оптимистического» типа ставят во главу угла эмоциональный компонент видеоролика и ярко демонстрируют свои переживания, то, с другой стороны, их речи свойственна неопределенность. Авторы часто используют вводные слова со значением неуверенности («наверно», «вроде», «возможно», «кажется», «может (быть)») и неопределенные местоимения («что-то», «какой-то» в разных формах). Важно, что такие слова употребляются не только по отношению к действительно неопределенным, но и к вполне конкретным объектам. Например, «Начать с какого-то дисклеймера» (имея в виду дисклеймер с определенным и ясным из контекста содержанием). В целом блогеры зачастую избегают резких формулировок: вместо «Это все, чем я хотела поделиться» — «Наверно, это все, чем я хотела поделиться», вместо «Начнем давайте сразу с кофты» — «Начнем, наверно, давайте сразу с кофты», вместо «Натолкнуло вас на размышления, преподнесло уроки, заставило сделать выводы» — «Натолкнуло вас на какие-то размышления, возможно, преподнесло какие-то уроки, возможно, заставило сделать какие-то выводы».

Таким образом, получается речевой портрет человека хоть и эмоционального, но стремящегося сгладить острые углы. Люди этого типа настроены на контакт со слушателем, стремятся погрузить его в состояние комфорта и ощущение безопасности, чего они добиваются с помощью использования уменьшительно-ласкательных форм.

Подчеркивая искренность своей речи и единство со своей аудиторией, блогеры данного типа поддерживают обстановку «дружеского диалога».

Остроумный тип

Следующую группу блогеров мы обозначили как «остроумные» благодаря их выдающейся склонности к самоиронии, юмору, построению речевых перформансов и словотворчеству. Шутки и оригинальные речевые обороты для них — способ самовыражения. При приближенном рассмотрении речевой портрет каждого представителя этого типа уникален и отличается от остальных. При систематизации уникальных высказываний мы опирались на общность их функций. Тем самым мы распределили ряд фраз по нескольким категориям. Среди них: ироничный тон высказываний, в том числе по отношению к себе («Ура!» с негативной коннотацией, «Какая хорошая пай-девочка... которой я не являюсь», «Мой режим сна — э... я, кажется, с ним даже незнакома»), разыгрывание диалогов и «сценок», перформативность («Мне сказали: „Катя, сегодня ты повар“». Я сказала: „Ну, давайте попробуем“», «И как думаете, за чем стоят эти люди? М? М? Они стоят за этой вот сладкой картошечкой», «Я вообще типа: учеба? Нет!«).

Более того, речь блогеров этого типа отличается разнообразием вокабуляра: здесь представлены жаргонизмы («обалдеть», «клево», «кайфанула», «манатки»), англицизмы («трушная», «для релакса», «кринжово»), авторские слова и обороты («для безделенья», «не вау-проще, а окей-проще», «немножечко по-босэ»). Блогеры, использующие «остроумный» метод коммуникации, зачастую анализируют свою речь, корректируют ее по ходу создания высказывания («Просто best woman in the world — что с моим английским?», «Ой, ничего себе!.. хотела сказать, хочу зайти вот в эту булочную», «Башня, назовем ее так»).

Некоторые из черт могут быть свойственны нескольким типам. Начиная описание «остроумной» стратегии коммуникации, важно отметить, что с предыдущим типом ее роднит наличие некоторых уже упомянутых нами особенностей (однако из-за наличия еще и уникальных черт нельзя говорить о тождестве типов). Блогеры «остроумного» типа тоже стремятся наладить контакт со своей аудиторией, их речь во многом ориентирована на зрителя. Нам удалось выделить вопросы зрителям («Как вам / как думаете?», «Понимаете?», «Может, скажем ему?» и проч.) обращения («Ребята»), глаголы в повелительном наклонении («пойдемте», «посмотрите», «подписывайтесь» и проч., а также сленговые варианты «погнали», «прикиньте»). Нередки и случаи грамматического слияния со зрителем (конфлюэнции): «Идем умываться»,

«У нас сегодня план», «Собираемся», «У нас лук» [комментируя свои действия]. В исследуемых монологах присутствует реплика, четко характеризующая это явление: «Этот день вы провели вместе со мной». Подобные конструкции указывают на желание блогеров разделять опыт и прожитые переживания со зрителями.

Как и в случае предыдущего типа, речь говорящих не всегда конкретна. Роль «маркеров речевой неуверенности» в случае первого и второго типов схожа: они отмечают либо размышления об абстрактном («каким-то хаосом», «что-то фотогеничное»), либо указывают на скептическое отношение говорящего к происходящему («Сделала прическу вроде бы» [прическа сделана, но автор сомневается в ее качестве]), либо на нежелание оперировать точными данными и принимать конкретное решение сиюминутно («Где-нибудь сниму обзор через недельку», «Я вам, наверно, поближе покажу», «Куда-нибудь типа в Германию»).

Как представителям «оптимистов», так и «остроумных» свойственна эмпатия, но выраженная другим способом. Для подчеркивания своих положительных и негативных эмоций герои анализируемых видео прибегают не только к «безумно», «капец», «(не)реально», «прям», но и добавляют в эту категорию новые сленговые образования: «супер... (старая)», «супер...(место)», «жестко». Из различий можно отметить, что гораздо реже (практически никогда) для выполнения этой функции в рамках «остроумного» типа не используются прилагательные в превосходной степени сравнения, характеризующие объекты вокруг.

В оригинальном речевом строе блогеры с «остроумным» стилем коммуникации выражают свою идентичность. Речь на камеру для них является в первую очередь способом поделиться впечатлениями от переживаемых событий и выразить себя.

Наставнический тип

Ряд блогеров из нашей выборки стремятся занять позицию наставника по отношению к своим зрителям. Они, как и остальные лайфстайл-блогеры, повествуют о своем быте, но обязательной чертой их монологов являются рекомендации аудитории и призывы к определенным действиям. Блогеры типа «наставники» позиционируют себя успешными людьми и воодушевляют зрителей повторить их путь.

Спикеров с этим видом коммуникации от предыдущих типов отличает то, что они не стремятся подчеркнуть свою индивидуальность посредством авторских речевых оборотов или использования молодежного жаргона. Их главная задача — не самовыражение, а убеждение зрителя. В монологах о повседневности встраиваются темы

самосовершенствования: представители типа склонны делиться своим опытом в сфере личностного и профессионального развития, давать советы своим зрителям («Передать каждому человеку свои смыслы», «Поделиться своей историей и своими реализациями», «Надеюсь, что сейчас это не будет звучать как какая-то ужасная жалоба на свою жизнь. Нет, это не так. Я просто хочу поделиться своим опытом»). Блогеры часто ссылаются на знания, полученные ими на практике, тем самым делая свои реплики более убедительными: «Нужно определенное время, чтобы ты как бы прошел испытание», «Когда я проходила свой путь, мне очень не хватало вот этой поддержки». Некоторые из используемых выражений уходят корнями в популярную психологию («разрыв шаблона», «делиться своей философией», «конкретный новый уровень мышления», «мотивировала себя я сама»).

Блогер выстраивает эмоциональную доверительную связь с аудиторией: часто объединяет себя с ней под знаменателем личного местоимения «мы». С одной стороны, это роднит тип с двумя предыдущими, но ключевым отличием является наличие рекомендации в виде глагольного императива, а также упоминание темы личностного роста («Мы ставили вместе с вами цели», «Не забывайте анализировать свои действия», «Мы как будто привыкли все жить по шаблону», «Просто старайтесь записывать все»). Блогер приобщает зрителя к своему опыту и, в случае, если результат оказался положительным, призывает придерживаться той же траектории. Например, «Для всех желающих, кто сейчас в *такой же* нулевой точке» [сначала блогер рассказывает о своем пребывании «в нулевой точке», затем — о своем достижении успеха, потом предлагает купить свой обучающий курс тем людям, которые тоже «в нулевой точке»; сравнение себя с потенциальными покупателями вызывает доверие зрителя, подталкивает к мысли, что курс поможет повторить путь преуспевающего блогера].

В целом рассуждения при «наставническом» виде коммуникации отличаются структурированностью. Блогер много внимания уделяет композиции своей речи: каждый элемент устного выступления призван подкрепить центральный тезис (как правило, призыв к действию, например «учитесь больше», «начните работать», «купите образовательный курс»). Ведущую линию повествования поддерживают вводные конструкции («Начнем с того, что...»), «Я анонсирую одну очень важную вещь для меня», «Мой такой первый итог», «Выделю некоторые, так скажем, инсайты»).

Зачастую идеи оформлены в виде емких предложений («Разве я так могу? Да! Вы тоже так можете», «Главное — просто работать», «Можно

быть известным блогером? Можно!», «Я хотела себе iPad — я взяла и заработала себе на iPad»). Лаконичные конструкции такого типа легко воспринимаются на слух и запоминаются. По структуре они напоминают лозунги, главной задачей которых является призыв реципиента к действию. Такое сходство обусловлено несложным грамматическим построением предложений, а также абсолютизацией. Блогеры зачастую руководствуются логикой «все или ничего», ярко противопоставляют собственные провалы успехам, а также свое состояние до достижения цели и после этого («Начинала я с полного нуля, у меня было ноль знаний, ноль опыта и ноль процентов понимания», «Я хочу кардинально изменить», «Про самую неприятную часть жизни», «Везде пишешь, а в итоге почти никто никогда не отвечает, и поэтому кажется, что ты делаешь все просто так»). Спикеры с ярко выраженными чертами типа «наставник» стремятся подчеркнуть связь между озвученными тезисами, обобщить свои идеи, обосновать их («Мой выбор пал именно на... потому что...», «Скорее позитивным опытом самостоятельной жизни, чем негативным», «Напоследок хочу сказать, что действительно у самостоятельной жизни есть множество плюсов и множество минусов», «Я хочу немножко рассказать о своем пути сначала и позже уже поделиться тем...»).

Так, для блогеров с «наставническим» типом коммуникации важен не только посыл, но и его оформление. Они, как и предыдущие типы, налаживают контакт с подписчиками и воздействуют на них эмоционально. Несмотря на это сходство, способ коммуникации является самостоятельным и дифференцируется на основе тенденции делиться с аудиторией советами и опытом саморазвития.

Профессиональный тип

Четвертый метод коммуникации мы назвали «профессиональным». Представители типа делятся знаниями из профессиональной сферы, например дизайна, медицины, менеджмента. Повышенное внимание к форме высказывания сближает эту стратегию с предыдущими. При этом важным отличием является осознанность по отношению к себе и своей речи, что выражается в виде самокоррекции и самоанализа («Сейчас я сижу в... (пауза) на работе», «И потом самому мониторить — ненавижу это слово — в общем, смотреть регулярно», «Меня настолько этот процесс засосал, если так можно сказать», «Работа моя похотатайствовала — куда ударение ставить?»).

Блогеров типа «профессионалы» с «наставниками» роднит также стремление поделиться опытом и знаниями («Нужно внимательнее

быть, потому что это достаточно хрупкий камень», «Если хотите упростить, можно заменить футболку...», «Они очень-очень вкусные, я всем советую их попробовать», «Чем как бы больше вариантов для себя найдете, тем будет больше вероятность, что какой-то из них выстрелит»). Эти высказывания также логично организованы, указана их причинно-следственная связь («Поменялась моя реальность, потому что я захотела заниматься чем-то другим», «Я оставила завтрак и утреннюю рутину на потом, так как была суперзамотивирована», «Мне кажется, в них ничего не должно стоять, потому что они сами по себе как предмет искусства»).

Отличительными признаками является склонность представителей «профессионального» типа давать свою личную оценку окружающим их объектам, в том числе руководствуясь знаниями, полученными опытным путем («Видите, какой здесь оттенок серого. Я сразу пришла, я оценила все эти оттенки, потому что они подобраны очень хорошо», «Хорошее, кстати говоря, место, хоть и на карте оно вообще никак не отмечено», «Что очень удачно в этом костюме, что у него застежка есть сзади»).

Речь спикеров с этой стратегией коммуникации богата лексикой различных регистров. От них можно услышать как профессионализмы («Свет хороший, комплементарный», «Сошлись мысли с мерчандайзером», «Финансирование выдали»), так и жаргон, использованный в юмористическом ключе («Везти всякое барахло», «Расколбас, отдых полным ходом», «На компуктере»). Обобщенно, речь информантов, отнесенных к данному типу, можно охарактеризовать как насыщенную образами, устойчивыми и авторскими конструкциями, выражающими эмоциональное отношение блогера к происходящему («Отношение к этой бюрократической волоките и к свистопляске со всеми документами», «У меня немного так подавилась голова», «Это наш улов с рынка», «Любимая пицца теперь на всем белом свете», «С высоты птичьего полета, как выглядит наш парк», «Составляет такое хорошее, мощное досье»).

По ряду признаков «профессиональную» стратегию можно сопоставить с «наставнической» и противопоставить остальным. Блогеры первой группы, как и блогеры второй, полагаются на привлечение аудитории логическим путем: с помощью подготовленной системы аргументов и продуманных речевых конструкций. Они имеют эксплицитно выраженную цель: например, пригласить зрителей записаться на курс, прорекламировать свою книгу, т. е. добиться выполнения конкретного действия. При обоих видах коммуникации спикеры стремятся скорее не наладить доверительные отношения, а стать авторитетом в глазах подписчиков, поделившись историей своего успеха и / или своими знаниями.

Итак, блогерам, использующим «профессиональную» модель взаимодействия со зрителем, свойственен осознанный подход к генерации речи и использование ее в качестве инструмента собственного продвижения. Темами их монологов часто становятся объекты из сферы профессиональных интересов, которым представители типа склонны давать личную оценку.

Хаотичный тип

Последняя группа блогеров, которую нам удалось выделить в рамках исследования, была охарактеризована как «хаотичная». Выбор наименования обусловлен подходом блогеров к построению высказываний: они доносят свою мысль отрывочно, быстро меняя вектор хода рассуждения. В отличие от «профессионального» и «наставнического» подхода к коммуникации, при «хаотичном» типе блогеры не уделяют повышенного внимания структурированию своей речи. Они говорят много, спонтанно, часто под влиянием эмоций перескакивают с одной темы на другую, допускают противоречия внутри высказывания («Хотела вам рассказать, что я делала в это время, но на самом деле особо рассказывать нечего», «Презентация — это вообще... я, честно говоря, с ней еще загналась», «Просто кому-то кажется, конечно, с одной стороны, что типа: чё, к чему тут вообще Баста? Ваще зачем он тут? Типа... какой-то тут... нужна какая-нибудь милая, а не рэп. Русский», «Встала сегодня, короче, в три дня. В универ я не ходила, потому что... потому что. Ну всё, больше я ничего не хотела сказать»).

Блогеры, использующие «хаотичный» тип коммуникации, склонны в большом количестве использовать дискурсивы («Короче, всем привет», «Я реально... я реально терпеть не могла школу», «Так что да, в принципе мое утро вы уже видели», «В общем, сходила я»). Следует отметить, что подобные речевые единицы употребляются и при других видах взаимодействия со зрителем, но именно в случае блогеров пятого типа они становятся наиболее часто используемыми. Возрастает доля обценных слов (среди которых, например, «бл*н», «подзад***алась», «оф***нно»), жаргонизмов и сленговых выражений («Какую-то шнягу», «Нужно проверить этому челу», «Просто отстой», «Обучение лайтовое»).

Этот тип коммуникации, как и первые два, включает в себя повышенное эмоциональное воздействие на зрителя. Яркий эмоциональный фон блогеров типа «оптимистичные», «остроумные», «хаотичные» выражается в их склонности «перепрыгивать» с темы на тему, быстро переключаться между описанием внутренних переживаний и внешних событий, стремлении шутить и использовать в больших объемах

разговорную лексику. Их монологи можно сравнить с дружеским посланием, которое не имеет рациональной цели (например, подтолкнуть слушающего к какому-то действию), а направлено на установление контакта с реципиентом, обмен эмоциями.

Таким образом, «хаотичная» стратегия коммуникации со зрителем включает в себя: частое использование жаргонных и обценных слов, а также отсутствие заранее продуманной композиции как единичного высказывания, так и целого монолога. Компенсировать нехватку средств связи между предложениями блогерам помогают дискурсивные слова. Следуя данной стратегии коммуникации, блогеры склонны много говорить экспромтом, из-за чего в их речи могут возникать семантические повторы и логические ошибки. Тем не менее представителям «хаотичного» типа не свойственно корректировать неточности в своих высказываниях, как это было в случае «профессионального» подхода. Данный тип коммуникации подразумевает свободную импровизацию: повествование ведется «ради повествования» и не имеет за собой конкретной цели, например убеждения или побуждения.

Заключение

Результатом данного исследования является классификация речевых типов лайфстайл-блогеров, основанная на отмеченных коммуникативных тенденциях. Примеры самых характерных представителей каждой категории позволяли нам выявить дифференциальные признаки для «оптимистического», «остроумного», «наставнического», «профессионального» и «хаотичного» типов. Однако распределение блогеров из сформированной выборки на пять типов нельзя назвать однозначным. Как правило, речевая стратегия коммуникации блогеров сочетает в себе черты нескольких типов, с превалированием одного из них. В спорных случаях мы анализировали количественное соотношение черт разных типов в речи спикера.

Полученное нами разграничение речевых стратегий коммуникации позволяет проследить некоторые объективные тенденции, которые присутствуют в речи молодых блогеров. Среди них: разная частота использования сленга, семантически пустых языковых единиц, лингвистических маркеров, выражающих неуверенность или положительную эмоциональную окраску высказывания; разная степень грамотности и структурированности речи, уникальности языкового самовыражения.

Таким образом, мы описали дифференциальные признаки пяти стратегий коммуникации, которые были выявлены на основе

лингвистического анализа и наблюдения за прагматикой речи. Стоит отметить, что в связи с изменением психологического фона спикера могут возникать внутривидовые колебания характеристик, т. е. речь блогера не всегда однородна в течение одного видео.

При исследовании межвидовых колебаний было выдвинуто предположение, что стратегия коммуникации коррелирует с такими социологическими параметрами, как возраст, уровень образования. Для изучения степени влияния этих факторов на формирование стратегии коммуникации и речевой саморепрезентации в дальнейшем можно обратиться к смежным научным дисциплинам.

Большое количество проанализированных нами научных работ подтвердило, что исследование блогинга как сферы влияния на интернет-аудиторию (в особенности молодежь) является перспективным вопросом для изучения. Исследуется не только взаимодействие между зрителем и блогером, но и сам блогер: особенности его профессии, контента и условий самореализации в цифровом пространстве. Это позволяет проследить причинно-следственную связь между появлением новой профессии «блогера» и изменениями в условиях формирования современной молодежи. В результате исследование фигуры блогера с разных точек зрения является подспорьем для будущего понимания, по каким причинам среди современной молодежи возникают тренды, а в поведении появляются новые характерные черты. В данной статье продемонстрировано наблюдение за блогерами с целью выявления ряда характерных признаков. Обнаруженные черты речи позволяют классифицировать изучаемых спикеров по нескольким коммуникативным типам. Представленное исследование формирует перспективы для дальнейшего социологического изучения видов саморепрезентации современных авторов медиаконтента и их влияния на аудиторию; вносит вклад в лингвистическое исследование речи молодежи, которая потенциально способна перенимать стратегии коммуникации своих интернет-кумиров.

Источники

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Азаров А. А. Специфика критического мышления российской молодежи в условиях цифровизации // Молодежь как субъект и объект политической жизни. — 2019. — № 1 (37). — С. 14–23.

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Синяков А. В., Азаров А. А. Взаимосвязь ценностного и компетентностного выбора молодежи в условиях цифровизации: результаты всероссийского исследования (2018 г.) // Ценности и смыслы. — 2019. — № 2 (60). — С. 76–104.

Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. А. А. Киселевой. — 2-е изд., испр. — Харьков: Гуманитарный центр, 2008.

Каргаполова Е. В., Каргаполов С. В., Давыдова Ю. А., Дулина Н. В. Информационные компетенции молодежи в условиях цифровизации общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13, № 3. — С. 193–210.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2006.

Diirscheid C., Stark E. Sms4 science: An International Corpus-Based Texting Project and the Specific Challenges for Multilingual Switzerland // Digital discourse: Language in the New Media / Ed. C. Thurlow, K. Mroczek. — New York: Oxford University Press, 2011. — P. 299–317.

Elsaesser T. Tales of Epiphany and Entropy: Around the Worlds in Eighty Clicks // The YouTube Reader / Ed. P. Snickars, P. Vonderau. — Lithuania: Logotipas, 2009. — P. 166–186.

Fairclough N. Discourse and Social Change. — Cambridge: Polity Press, 1992.

Fairclough N. Language and power. — Edinburgh: Longman, 1989.

Ferreiro A. The influence of social media in language change: Changes in vocabulary // Master's Theses 2022. — URL: https://aquila.usm.edu/masters_theses/898 (access date: 15.06.2024).

Jones R., Chik A., Hafner C. Introduction: discourse analysis and digital practices // Discourse and Digital Practices / Ed. R. Jones, A. Chik, C. Hafne. — New York: Routledge, 2015. — P. 1–17.

Manovich L. The language of New Media. — London: The MIT Press, 2001.

Pereira S., Moura P., Fillol J. The YouTubers phenomenon: what makes YouTube stars so popular for young people? // J. Communication. — 2018. — Vol. 17. — P. 107–123.

Srithong N. Influences of YouTube advertising on young adults: a social identity perspective // Universidade de Santiago de Compostela 2018/2019. — URL: https://minerva.usc.es/xmlui/bitstream/handle/10347/20185/Vilari%C3%B1o_%20Ferreiro_Andrea.pdf?sequence=1&isAllowed=y (access date: 15.06.2024).

Zhang M. A critical discourse analysis of political news reports // Theory and Practice in Language Studies. — 2014. — Vol. 4, no. 11. — P. 2273–2277.

References

Brodevskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Azarov A. A. The specificity of critical thinking of russian youth in the context of digitalization. *Youth as a subject and object of political life*, 2019, no. 1 (37), pp. 14–23. (In Russ.)

Brodevskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Sinyakov A. V., Azarov A. A. Interrelation of value and competence choice of youth in the digitalization conditions: results of all-Russian research (2018). *Values and meanings*, 2019, no. 2 (60), pp. 76–104. (In Russ.)

Diirscheid C., Stark E. "Sms4 science: An International Corpus-Based Texting Project and the Specific Challenges for Multilingual Switzerland." *Digital discourse: Language in the New Media*. Ed. C. Thurlow, K. Mroczek. New York, Oxford University Press, 2011, pp. 299–317.

Elsaesser T. "Tales of Epiphany and Entropy: Around the Worlds in Eighty Clicks." *The YouTube Reader*. Ed. P. Snickars, P. Vonderau. Lithuania, Logotipas, 2009, pp. 166–186.

Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge, Polity Press, 1992.

Fairclough N. *Language and power*. Edinburgh, Longman, 1989.

Ferreiro A. "The influence of social media in language change: Changes in vocabulary." Master's Theses 2022. URL: https://aquila.usm.edu/masters_theses/898 (date of access: 15.06.2024).

Jones R., Chik A., Hafner C. "Introduction: discourse analysis and digital practices." *Discourse and Digital Practices*. Ed. R. Jones, A. Chik, C. Hafne. New York, Routledge, 2015, pp. 1–17.

Jorgensen M. V., Phillips L. J. *Discourse Analysis. Theory and Method*. Trans. A. Kiseleva. Kharkov, Humanitarian Center, 2008. (In Russ.)

Kargaplova E. V., Kargapolov S. V., Davydova Ju. A., Dulina N. V. Information competences of young people within digitalization of society. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 193–210. (In Russ.)

Manovich L. *The language of New Media*. London, The MIT Press, 2001.

Pereira S., Moura P., Fillol J. "The YouTubers phenomenon: what makes YouTube stars so popular for young people?" *J. Communication*, 2018, vol. 17, pp. 107–123.

Strithong N. "Influences of youtube advertising on young adults: a social identity perspective." Universidade de Santiago de Compostela 2018/2019. URL: https://minerva.usc.es/xmlui/bitstream/handle/10347/20185/Vilari%C3%B1o_%20Ferreiro_Andrea.pdf?sequence=1&isAllowed=y (access date: 15.06.2024).

Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language. Ed. M. N. Kozhina. Moscow, Flinta, Nauka, 2006. (In Russ.)

Zhang M. A critical discourse analysis of political news reports. *Theory and Practice in Language Studies*, 2014, vol. 4, no. 11, pp. 2273–2277.

Федорова Ольга Андреевна, студентка 2-го курса бакалавриата образовательной программы «Филология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. rretertum@mail.ru

Анна Вячеславовна Журавлева, студентка 2-го курса бакалавриата образовательной программы «Филология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. azhurav004@ya.ru

Fedorova, Olga A., 2nd year undergraduate student of the educational program "Philology", National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia. rretertum@mail.ru

Zhuravleva, Anna V., 2nd year undergraduate student of the educational program "Philology" of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia. azhurav004@ya.ru

DOI: 10.25990/socinstras.pss-24.kghz-tf69

EDN: RCGEMA

УДК 316.334.22

***О. Е. БРЕДНИКОВА, О. Н. БУРМЫКИНА, К. А. ГАЛКИН,
В. Д. ДМИТРИЕВА, Г. В. ЕРЕМИЧЕВА, Н. В. КОЛЕСНИК,
М. Г. МАЦКЕВИЧ, М. Н. МУФТАХОВА, И. Б. НАЗАРОВА***

О ПОТЕНЦИАЛЕ И ВОЗМОЖНОСТЯХ СОЦИОЛОГИИ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

Представлен обзор второй Всероссийской научной конференции «(Не) новые вызовы и возможности социологии», которая состоялась 23–24 апреля 2024 г. по инициативе редакции научного журнала «Петербургская социология сегодня». В рамках научной конференции работало восемь секций и круглый стол, на площадках которых были представлены научные доклады ученых из Санкт-Петербурга и Москвы, Самары и Нижнего Новгорода, Донецка и Саратова, Гродно и Воронежа. В ходе работы научной конференции участники обсудили проблемы ускорения социальной динамики, значимость и возможности социологии для общества, а также каналы распространения социологического знания в фокусе исследований горожан и городских сообществ, семьи и брака, занятости и рынка труда, социальных неравенств в здоровье и старении, самоорганизации и коллективного действия в условиях (не) новых вызовов.

Ключевые слова: конференция, научный доклад, социология, каналы распространения, журнал «Петербургская социология сегодня».

***OLGA E. BREDNIKOVA, OLGA N. BURMYKINA, KONSTANTIN A. GALKIN,
VALERIYA D. DMITRIEVA, GALINA V. EREMICHEVA, NATALYA V. KOLESNIK,
MARIYA G. MATSKEVICH, ALMIRA N. MUFTAKHOVA, INNA B. NAZAROVA***

ON THE POTENTIAL AND OPPORTUNITIES OF SOCIOLOGY IN NEW REALITIES

The work provides an overview of the second all-Russian scientific conference “(Non) New Challenges and Opportunities of Sociology,” which took place on April 23–24, 2024 at the initiative of the editors of the scientific journal “St. Petersburg Sociology Today.” As part of the scientific conference, there were eight sections and a round table, at which scientific reports from scientists from St. Petersburg and

Moscow, Samara and Nizhny Novgorod, Donetsk and Saratov, Grodno and Voronezh were presented. During the scientific conference, participants discussed the problems of accelerating social dynamics, the significance and opportunities of sociology for society, as well as channels for disseminating sociological knowledge in the focus of research on citizens and urban communities, family and marriage, employment and the labor market, social inequalities in health and aging, self-organization and collective action in the face of (non)new challenges.

Keywords: conference, scientific report, sociology, distributional channels, journal "Petersburg Sociology Today".

23–24 апреля 2024 г. в Социологическом институте РАН — филиале ФНИСЦ РАН состоялась вторая Всероссийская научная конференция «(Не) новые вызовы и возможности социологии». Проведение научной конференции на регулярной основе было инициировано редакцией академического журнала «Петербургская социология сегодня» (главный редактор И. И. Елисеева), который издается в г. Санкт-Петербурге с 2009 г.¹. В ходе работы конференции удалось обсудить проблемы ускорения социальной динамики, значимость и возможности социологии для общества, а также каналы распространения социологического знания в фокусе исследований горожан и городских сообществ, семьи и брака, занятости и рынка труда, социальных неравенств в здоровье и старении, самоорганизации и коллективного действия в условиях (не) новых вызовов. Открывая конференцию, председатель программного комитета И. И. Елисеева (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) подчеркнула, что в современных условиях обращение к проблеме теоретических и эмпирических возможностей социологии крайне актуально. С приветственным словом выступил зам. директора по научной работе Р. Г. Браславский (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН), отметив потребность в обсуждении не только возможностей социологии, но и в целом современных проблем общества.

Социология как рефлексивная наука, чутко реагирующая на любые социальные трансформации, в ситуации кардинальных социальных подвижек вынуждена также особенно внимательно относиться к вопросам методологии, в частности, обсуждать релевантность используемых методов и достоверность получаемых данных, искать новые исследовательские темы и фокусы. Обсуждению этих вопросов и проблем была

¹ См. более подробно о научном журнале: URL: <https://pitersociology.ru/ru/about> (дата обращения: 10.06.2024).

посвящена секция *«Возможности социологии в условиях вызовов, или О чем (не) говорят социологические данные»* (модератор О. Е. Бредникова). На заседании секции выступили шесть докладчиков. Открыл секцию доклад О. А. Александровой (ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ, ГБУ НИИОЗММ ДЗМ), который был посвящен «подводным камням» в исследованиях, касающихся общественно-чувствительных тем, в частности исследованиям в сферах здравоохранения и образования. В докладе поднимались проблемы, с которыми сталкивается социолог, исследующий ситуацию в социальных отраслях: снижение физической доступности респондентов, нежелание сотрудничать с социологами, риск фальсификации данных и пр. Отдельную проблему составляет презентация результатов исследования, когда заказчик не заинтересован в честных выводах и настаивает на их изменении. Затем с докладом выступила А. В. Кулешова (независимый исследователь), которая фокусировалась на анализе невидимой повседневности россиян внутри страны и за ее пределами. В частности, исследовательница рассказала о том, как релокация вызывает неочевидные трансформации семейных констелляций и переформирует семейные отношения. Выступление О. Е. Бредниковой (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) было посвящено размышлениям о том, какие методологические вызовы встают перед социологией в условиях специальной военной операции. Докладчик говорила о важности этнографических методов в исследованиях незаметно меняющейся повседневности, в частности, о многофокусной этнографии. Работу секции продолжил доклад петербургских социологов К. А. Галкина и Т. З. Протасенко «Стратегии (не)доверия к социологическим исследованиям в период глобальных трансформаций», в котором авторы постарались ответить на вопрос о том, как формируется (не)доверие к социологическим исследованиям и опросам и какие пути повышения доверия могут стать наиболее релевантными. Результаты исследования показали, что существует целый комплекс проблем, который не только осложняет доверие к социологическим исследованиям, но и делает такое доверие невозможным, в частности, оторванность социологических исследований и опросов от реалий современного мира, неэффективность проводимых исследований и используемых методов, неverifiedируемость данных исследований, недоверие к исследованиям, выполненным по заказу, и пр. Выступление А. В. Чугунова (Университет ИТМО, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) было посвящено вопросам развития цифровых платформ различных государственных служб г. Санкт-Петербурга, тем возможностям, которые могут дать эти

платформы для социологического анализа. Завершил работу секции доклад И. А. Григорьевой «Реконструкция представлений о возрасте и старении. Сопоставление результатов исследований», который был посвящен анализу описания и определения возраста в социальных науках. Докладчица рассмотрела перспективы изучения концепции активного долголетия и проанализировала проблемы занятости и роль информационных технологий в жизни пожилых людей.

Работа секции *«Современные проблемы семьи, гендерных и сексуальных отношений»* (модераторы И. И. Елисеева, О. Н. Бурмыкина) включала заслушивание и обсуждение десяти докладов. Работу секции, посвященную памяти В. Б. Голофаства (1941–2004), открыла И. И. Елисеева. Она отметила вклад В. Б. Голофаства как исследователя семейных проблем, его вклад в развитие методологии социального познания, в развитие социологии семьи, подчеркнувшего актуальность исследования повседневной жизни семьи. Доклад И. И. Елисеевой был посвящен проблематике устойчивости семьи. Несмотря на многочисленные свидетельства якобы разрушения семьи, семья остается «первичной ячейкой общества». С использованием глобальных статистических данных было показано, что российская семья впитывает тренды, которые возникают в других странах (при временных лагах и специфике проявления, но имеющих ту же сущность). В качестве индикатора устойчивости российской семьи был принят показатель разводимости, значения которого кратно превышают западноевропейские. Выдвинута гипотеза о сдерживании разводов за рубежом распространенностью брачных контрактов и повышением возраста вступающих в брак. В заключении И. И. Елисеева отметила поддержку работы секции зам. директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Т. К. Ростовской. В докладе О. В. Кучмаевой (ИДИ ФНИСЦ РАН) была проанализирована структура семей и особенности ее формирования с использованием данных переписей населения за длительный период, с 1959 по 2020 г. Подчеркнуто, что истоки современной тенденции снижения рождаемости возникли до 1960 г. Динамика представлений молодого поколения петербургских студентов о границах семьи и идентификации ее членов рассмотрена в докладе О. Н. Бурмыкиной (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН). Используя понятие «значимый член семьи», докладчик выявил подвижность границ семьи со стороны родственников по материнской, отцовской линии и смешении родственников. Раскрыт состав ядра и периферийной части семьи. Концептуальные положения подтверждены результатами авторских

исследований. В выступлении Н. Ю. Егоровой и А. Л. Янак из Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского была представлена проблема семейной «немодалности» в теории и цифрах, исследовано понятие «немодалности», критерии и типы немодалных семей. Доклад Н. А. Нечаевой (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) был посвящен рассмотрению того, какие изменения произошли в общих жизненных установках студенческой молодежи в период 2014–2023 гг. Автором были проанализированы как отдельные аспекты эмпирически зафиксированных диспозиций, так и их типологии — активизм, гедонизм, прагматичный вещиизм, показаны гендерные особенности взглядов юношей и девушек. В сообщении О. А. Немовой (Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина) затрагивались гендерные аспекты благополучия семьи как биосоциодуховного организма общества. Выступление А. П. Багировой (Школа государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина) было посвящено возможностям развития родительских компетенций в системе российского образования. Некоторые технические моменты «школы родительства» были рассмотрены содокладчиком — С. В. Черешовой (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Ельцина). Е. Н. Васильева (Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН) остановилась на стратегии формирования многодетных семей в современной России. К. Р. Котков (Европейский университет в Санкт-Петербурге) рассказал об адаптации организационного сценария в социальных центрах поддержки вовлеченного отцовства г. Санкт-Петербурга. Доклад Н. Н. Цветаевой (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН), подготовленный по материалам Биографического фонда СИ РАН, возникшего по инициативе В. Б. Голофаства, содержал результаты биографического исследования взглядов на семью, брак и родительство в исторической ретроспективе.

Новым граням религиозного опыта была посвящена секция *«Возможности социологии в условиях вызовов, или О чем (не) говорят социологические данные»*, организованная при участии Совета молодых ученых СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН. В рамках этой секции, работу которой модерировала В. Д. Дмитриева (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН), обсуждались актуальные вопросы социологии религии. Представленные доклады, охватившие широкий спектр проявлений религиозного — от институциональных религий до *New Age* и эзотерических сообществ, — исходили из разных исследовательских перспектив.

Если А. Д. Гейм (СПбГУ) интересовала взаимосвязь экономического и религиозного аспектов деятельности Русской Православной Церкви, то доклады А. Ю. Шваи (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) и В. Д. Дмитриевой были сфокусированы на взаимодействии религиозной и политической проблематик при изучении элит. В своем сообщении С. И. Лозовская (СПбГУ) и А. А. Кузнецов (СПбГУ) представили данные о религиозности современного студенчества, полученные посредством проведения фокус-групп. Агентности молодых людей в религиозных организациях Санкт-Петербурга были посвящены два других доклада. На основании материалов включенных наблюдений и глубинных интервью Е. С. Балацук (НИУ ВШЭ СПб) проанализировала агентность неопятидесятников, а Ю. В. Бузенкова (НИУ ВШЭ СПб) — членов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Завершая работу секции, А. Д. Тедикова (НИУ ВШЭ СПб) презентовала результаты изучения культурных практик и гендерной идентичности молодых представителей сообщества таро.

Секция *«Социальное неравенство и практики межпоколенной солидарности»* была посвящена исследованиям различных поколений, гражданской активности, а также перспективам неомарксизма (модератор К. А. Галкин, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН). Доклады, прозвучавшие на секции, в том числе молодежные, охватили такие направления, как взаимодействие различных поколений и их перспективы, мобильность молодежи и неравенства в жизни молодежи, интеграция представителей молодого поколения в сферу науки, а также развитие диалога молодежи с представителями других поколений. В докладах И. С. Петуховой, Т. С. Липиной рассматривались особенности межпоколенных солидарностей и вовлечения молодежи в гражданскую активность. Доклад Ю. В. Дергунова был посвящен современным исследованиям и современному состоянию неомарксизма. Отдельного внимания заслуживают доклады начинающих исследователей, которые впервые представили результаты своих работ на научной конференции. Это доклады Н. А. Демченко, Н. Ю. Истратий, а также доклад О. Д. Логиновой и Е. К. Воробьевой. Состоявшееся обсуждение показало, что вопросы поиска межпоколенных солидарностей, как и вопросы молодежной политики и развития поколенческого диалога, не теряют своей актуальности и продолжают достаточно остро напоминать о себе в периоды глобальных трансформаций, происходящих в современном мире. Кроме того, на секции состоялась живая дискуссия, в рамках которой удалось выслушать различные точки зрения — как исследователей со стажем,

так и начинающих ученых. Одной из отличительных особенностей секции стал диалог исследователей, отличающихся своим опытом. В ходе дискуссии участники отмечали, что программа секции была крайне насыщенная, и в целом подчеркивали ее значимость. Подводя итог работы секции, хотелось бы обозначить наиболее актуальные вопросы, затронутые в докладах и обсуждениях: проблема межпоколенческого диалога и поиска солидарности в рамках подобного диалога; вопросы мобильности молодежи и разрывы в стратегиях мобильности, существующей в крупных и небольших городах, в сельской местности, а также поиск способов минимизации негативных эффектов от подобных разрывов; перспективы развития политики по привлечению молодежи в науку и определение возможных путей этой интеграции; создание удобной и комфортной среды для молодежи; возможности, осмысление и применение положений неомарксизма в социологических исследованиях.

Также в ходе второй Всероссийской конференции «(Не) новые вызовы и возможности социологии» была проведена секция *«Социальное пространство города: разнообразие и унификация»*, модераторами которой выступили Е. Н. Рассолова (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) и А. Н. Муфтахова (СЗИУ РАНХиГС). С результатами своих научных исследований выступили стажеры-исследователи Проектно-учебной группы «Устойчивое развитие городской среды» СЗИУ РАНХиГС: М. А. Сакаринен «Нехватка объектов социальной инфраструктуры в районах Санкт-Петербурга при территориальном планировании мегаполиса», Е. П. Кузнецова «Гражданское участие жителей мегаполиса в разработке Генерального плана Санкт-Петербурга», Н. О. Болдырев «Влияние социальных факторов как условий, определяющих выбор места проживания», А. В. Волкова «Концепт „Доступная среда“ в городском пространстве мегаполиса Санкт-Петербурга». Команда студентов и молодых ученых из НИУ ВШЭ СПб представила к апробации свои научные работы: А. Д. Петрова «Дети репрессированных родителей: повседневная жизнь и отношение к государственным органам власти в послевоенный период (1945–1953)», К. И. Рыжухина «Перформативный аспект фреймирования музейного пространства: экспозиция „Советская эпоха“ в Музее политической истории России», В. С. Карташева «Память о трудном прошлом: восприятие темы сталинских репрессий студентами Санкт-Петербурга», Д. Д. Пархоменко «Современное пространство города: анализ топонимической политики Санкт-Петербурга за 2013–2023 гг.». Ведущий аналитик Центра технологий электронного

правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО А. В. Чижик выступила с докладом «Ландшафт Санкт-Петербурга в эмоциональном измерении: методы анализа социальных медиа». Н. Д. Вавилина и Ю. М. Шпигунова из Сибирского института управления — филиала РАНХиГС представили свой взгляд на джентрификацию как (не) новый процесс в российском мегаполисе.

Проблемы функционирования политической власти и управления в условиях цифровизации обсуждались на секции, которой руководили Г. В. Каньгин и Н. В. Колесник (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН). Открыла работу секции социолог Н. А. Мизиряк (СПбГУ), которая проанализировала процесс антропоморфизации образов стран в международном контексте. Особый интерес у слушателей вызвала концептуальная схема анализа и визуальный материал. А. Б. Даугавет, которая длительное время занимается изучением феномена российской власти, обозначила в докладе методологические вопросы в изучении региональной политики, рассмотрела динамику развития концепта субнациональной политики в исследовании региональной власти. В рамках секции был представлен коллективный доклад молодых ученых из НИУ ВШЭ, в фокусе которых оказались эффекты геймификации партийных практик в современной России. На большом эмпирическом материале исследователи Д. С. Баева, Д. И. Витовская, Е. Д. Мирошниченко, С. В. Парадивский, Б. А. Тумоян, Е. В. Хилькевич показали, как российские партии используют игровой ресурс в избирательной кампании и повседневной политической жизни. Вопросам коммуникации муниципальной власти с гражданами в условиях цифровизации посвятили доклад ученые из ИТМО — И. В. Купrienko и Ю. Э. Слав. Особое внимание было уделено представлению результатов эмпирического исследования и этико-правовым аспектам внедрения искусственного интеллекта в практики коммуникации. Методологические вопросы в изучении социальных процессов были освещены в выступлении Г. В. Каньгина (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН). На примере нарратива он показал возможности исследовательского инструмента в изучении социальных процессов. Молодой исследователь из НИУ ВШЭ Э. С. Доптан обратился к изучению цифрового культурного потребления провинциальной молодежи. На основе анализа проведенных интервью докладчик показал роль культурных практик в городской социализации молодежи. Завершил работу секции доклад А. Ю. Долгова (ИНИОН РАН). В своем выступлении московский исследователь проанализировал то, как происходит осмысление научно-технической информации

пользователями интернета. В качестве кейса была выбрана генетика и показаны эффекты ее медиатизации.

На секции *«Исследование здоровья и старения: методологические сущности и актуальные вопросы»* (модератор И. Б. Назарова, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», РУДН) были рассмотрены важные вопросы, связанные с изучением здоровья и организации системы здравоохранения, включая методологические проблемы исследований в системе здравоохранения. Н. Л. Русинова и В. В. Сафронов (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) выступили с докладом «Переживание одиночества и проблемы со здоровьем: значение социально-экономического контекста и культуры», в котором представили результаты исследования, позволяющие прояснить вопрос о влиянии чувства одиночества на здоровье и выраженности этого влияния в зависимости от макрообщественных условий. На основании репрезентативных опросных данных для тридцати стран мира (среди которых и Россия), полученных по Международной программе социальных исследований (ISSP 2017), проведено двухуровневое моделирование, в котором самооценки респондентами своего здоровья анализировались в зависимости от переживания одиночества (измеренного соответствующей краткой шкалой) при контроле социальной демографии. Различия таких зависимостей в изучавшихся странах объяснялись контекстуальными факторами социально-экономического развития и индивидуалистической / коллективистской культуры. Результаты подтвердили, что одиночество оказывает существенное отрицательное влияние на оценки здоровья, и оно заметно различается по странам. С повышением социально-экономического развития страны происходит заметное улучшение здоровья всех его граждан, однако оно было наименее отчетливым среди людей, переживающих одиночество. Одиночество в большей степени сказывается на самочувствии в обществах с коллективистскими, чем с индивидуалистическими ориентациями. М. Ю. Сурмач (Гродненский государственный медицинский университет) в докладе «Медико-социологические проблемы информационного общества» особое внимание обратила на риски эпохи цифровизации как предпосылки для новых проблем: 50% всей информации, распространяемой через интернет, является фальшивой или неточной; коммерциализация информации — коммерциализация знаний, — когнитивный разрыв и угроза основным принципам прогресса: «знание как общественное достояние» и «здоровье для всех»; провайдеры услуг в медицинском образовании: качество vs количество, псевдодоступность информации в сочетании

с маркетинговыми целями приводит к формированию иррационального спроса населения на коммерческие продукты медицинского назначения и порождает псевдограмотность пациентов; развитие сетевых обществ ставит под угрозу сохранение ценности книги, библиотек и глубины познания. Было подчеркнуто, что ускорение технического прогресса приводит к все более быстрому устареванию компетенций. Единицей измерения знаний может стать скорость выполнения когнитивных задач. Все это предъявляет новые требования к современному профессионалу. И. Б. Назарова, Р. С. Нестеров (РУДН) в своем докладе «Использование методологии „Тайный пациент“ в исследовании качества оказания медицинской помощи» отметили, что изучение современных медицинских организаций Москвы и Московской области требует сочетания методов и включения в исследовательский арсенал новых методик, позволяющих изучить взаимодействие врача и пациента, качество оказания медицинской помощи. Таким методом в том числе может стать «Тайный пациент». С использованием данного метода была проанализирована работа двух медицинских организаций. Участники исследования, выступившие в роли тайного пациента, отметили приверженность врачей обследуемых организаций ценностям московских поликлиник — пациентоцентризму, доброжелательности, взаимному уважению, а также слаженность работы коллективов медицинских организаций. О. А. Кислицына (ИЭ РАН) выступила с докладом «Отношение россиян к роли государства в здравоохранении», в котором отметила важную роль государства в деле охраны здоровья населения. П. С. Калинин (ГКУ ЛО «Оператор «электронного правительства») в докладе «Социальные аспекты внедрения цифровых сервисов в здравоохранении: анализ и перспективы» представил схемы коммуникаций населения с медицинскими организациями в различных электронных системах. Докладчик привел пример удобного сервиса коммуникации в одной из медицинских организаций Санкт-Петербурга, который позволяет получать пациенту необходимую информацию, хранить свои документы состояния здоровья в личном кабинете организации и оплачивать медицинские услуги онлайн. О. А. Парфенова (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) выступила с докладом «Старение как предмет изучения социальных наук в России», в котором дала анализ социологического концепта «старение» в ретроспективе. Г. М. Орлов (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) в докладе «Цифровое здравоохранение и тренд пациентоориентированности: сочетание социологических и аналитических методов» рассмотрел вопрос цифровизации в здравоохранении с точки зрения ценностей московских поликлиник.

Глобальное и локальное в изучении труда и трудовых отношений были детально обсуждены на одноименной секции (модераторы В. Ю. Бочаров и Г. В. Еремичева). Первым на секции выступил В. Ю. Бочаров (Самарский государственный университет) и представил доклад «Социология жизни как методология исследования трудовых отношений», в котором осветил концептуальные вопросы в изучении проблематики труда в современной России. Эту тему продолжила Г. А. Меньшикова (СПбГУ) и в своем докладе (на примере петербургского «Форума труда») показала роль форумов как современной открытой коммуникационной площадки, выполняющей управленческие функции. Она представила статистику форумов, проанализировала новые и актуальные проблемы организации труда. М. С. Борисевич (СПбГУ) в своем выступлении осветила современные тренды управления трудом на предприятии (по материалам экспертных интервью с руководителями «Газпром СПб»). Исследовательница рассмотрела глобальные тенденции, включающие переход от мира VUCA к миру BANI, предпосылки, касающиеся непосредственно российской системы управления, которые способствуют изменениям в данной области. Г. В. Еремичева (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) посвятила свое выступление новым компетенциям современных профессий в цифровой сфере. По мнению докладчика, успешные разработки технологий в IT-индустрии и накопление большого объема диджитал-знаний привели к трансформациям на рынке труда и появлению корпуса новых профессий. Далее были представлены доклады молодых ученых. А. О. Пушкова (независимый исследователь) рассказала об особенностях выстраивания профориентационной работы в трансформирующихся условиях, М. В. Шутова (СПбГЭТУ ЛЭТИ) представила результаты исследования профессиональной репутации в цифровом обществе. И. Д. Демочкин (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) раскрыл специфику новой системы виртуальной торговли, когда ни продавец, ни покупатель друг с другом не встречаются. Исследователь определил положительные и отрицательные эффекты виртуальной торговли (некачественный товар, обманная цена, недоверие вообще к сетевому общению и торговле в целом). И. К. Евсеева, обратившись к проблеме современных трендов рынка труда и трудовых отношений в сфере занятости, представила три кейса работы в трех компаниях, которые дифференцировала по уровню виртуальности. Завершил работу секции Д. А. Барабанов (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого). Были выявлены инновационные методы

стимулирования персонала, обозначены проблемы и возможные пути решения.

Мемориальная часть конференции включала проведение *круглого стола памяти Л. Е. Кесельмана* (модератор М. Г. Мацкевич, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН). 19 февраля 2024 г. Л. Е. Кесельману исполнилось бы 80 лет. Состоявшаяся встреча его коллег, учеников и тех, кто участвовал в реализации методики «уличного опроса», была посвящена вкладу Л. Е. Кесельмана в отечественные исследования. О. Д. Цепилова посвятила свое выступление опыту совместной работы с Л. Е. Кесельманом, тому, как в 1990–2000-е гг. использовали его методика и опыт, в частности, в исследованиях массового сознания и отношения к экологическим проблемам жителей г. Кириши. О. Караева поделилась опытом применения методики «уличного опроса» в исследованиях ВЦИОМ, «Левада-центра»². В ее докладе были представлены как преимущества метода (особенно ярко проявившиеся в 1990-е — начале 2000-х гг.), так и ограничения, связанные с изменением образа жизни населения крупных городов (где в основном и проводились «уличные опросы»), с новой конфигурацией доминирующих опросных методов (усовершенствование технологий телефонных и планшетных опросов, внедрение онлайн-методов и др.). В работе круглого стола приняли участие В. Б. Звоновский (Самарский государственный экономический университет), О. С. Караева (независимый исследователь), А. Г. Левинсон (НИУ ВШЭ), В. С. Магун (Институт социологии ФНИСЦ РАН), М. Г. Мацкевич (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН), Н. А. Романович (Президентская академия, Институт Общественного мнения «Квалитас»), О. Д. Цепилова (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН).

Бредникова Ольга Евгеньевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
o.brednikova@socinst.ru

Бурмыкина Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
o_burmykina@mail.ru

² «Левада-центр» (АНО «Аналитический центр Юрия Левады») включен Минюстом в реестр иностранных агентов.

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. kgalkin1989@mail.ru

Дмитриева Валерия Денисовна, младший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. v.dmitrieva@socinst.ru

Еремичева Галина Васильевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. eremag@mail.ru

Колесник Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент, департамент социологии, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия. n.kolesnik@socinst.ru

Мацкевич Мария Георгиевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. mmatskevich@yandex.ru

Муфтахова Альмира Нургалиевна, старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия. msmalmira@yandex.ru

Назарова Инна Борисовна, доктор экономических, главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. inna-nazarova@mail.ru

Brednikova, Olga E., PhD in Sociology, Senior Research, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. o.brednikova@socinst.ru

Burmykina, Olga N., PhD in Sociology, Senior Research, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. o_burmykina@mail.ru

Galkin, Konstantin A., PhD in Sociology, Senior Research, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. kgalkin1989@mail.ru

Dmitrieva, Valeriya D., Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. v.dmitrieva@socinst.ru

Eremicheva Galina V., PhD, Senior Research, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. eremag@mail.ru

Kolesnik Natalya V., PhD in Sociology, Senior Research, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, department of sociology, National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russia. n.kolesnik@socinst.ru

Matskevich Mariya G., PhD in Sociology, Senior Research, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. mmatskevich@yandex.ru

Muftakhova, Almira N., Senior lecturer of the Chair of State and Municipal Management, North-West institute of management — a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (NWIM RANEPa), St. Petersburg, Russia. msmalmira@yandex.ru

Nazarova, Inna B., Doctor of Economics, Main Researcher, Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. inna-nazarova@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-24.xyy6-8s22
EDN: NWRBVG
УДК 316.334.3:321

В. А. ДЕНИСОВА

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Lance W. Bennett, Steven Livingston, Eds.

THE DISINFORMATION AGE.

Cambridge University Press, 2020. 294 p. ISBN 9781108914628

В книге *The Disinformation Age* («Век дезинформации») рассматривается дезинформация в демократиях. Авторы кратко описывают историю этого термина, его назначение, причины распространения, усиление восприимчивости к дезинформации и возможности противодействия. Цель книги состоит в том, чтобы ответить на вопрос, что такое дезинформация и как помочь демократическим институтам противостоять ей.

Редакторы книги Ланс Беннетт — профессор политологии Вашингтонского университета, и Стивен Ливингстон — профессор средств массовой информации, связей с общественностью и международных отношений Университета Джорджа Вашингтона. Книга была опубликована в 2021 г. в рамках дискуссии об упадке демократического устройства общества во всем мире. Авторы концентрируются на изучении дезинформации в США, хотя отмечают, что их находки можно применить и для ситуаций других демократических государств.

В настоящее время актуальность книги возросла в связи с ростом и развитием технологий искусственного интеллекта и возможностей для дезинформации. В условиях отсутствия четких стратегий противодействия мировое сообщество может столкнуться с серьезными вызовами, связанными с появлением поддельных высказываний политических фигур, синтезированных искусственным интеллектом, а также с распространением искусственно созданных сюжетов и обширным объемом прочей дезинформации в медийном пространстве.

Книга *The Disinformation Age* подразделяется на четыре части, каждая из которых посвящена различным аспектам дезинформации. Первая часть, *Disinformation in Political and Historical Context*, рассматривает политические и исторические контексты дезинформации, включая главу, в которой исследуются информационные войны и упадок институциональной власти. Вторая часть, *The Current Situation*, анализирует текущую ситуацию с дезинформацией, включая политическую экономию асимметричной пропаганды в американских медиа и уязвимость к дезинформации в цифровую эпоху. Третья часть, *Historical Roots of Disinformation*, погружает читателя в исторические корни дезинформации, описывая, как американские бизнесмены связали свободное предпринимательство с американской демократией благодаря пропагандистской кампании Национальной ассоциации производителей 1935–1940 гг., а также стратегии сети, использующей дезинформацию для противодействия демократии. Четвертая часть, *The Policy Problem*, сосредоточена на политических проблемах, связанных с дезинформацией, включая анализ того, как цифровая дезинформация стала опасной, уроки политики из исторических паттернов манипуляции информацией и объяснение, почему так сложно регулировать дезинформацию в интернете.

В первой части книги, названной «Краткая история эпохи дезинформации: информационные войны и упадок институциональной власти», рассказывается об исследовании механизмов и последствий дезинформации в современных демократиях. Авторы анализируют, как политические силы легко используют дезинформацию для манипуляции общественным мнением, что приводит к снижению доверия к демократическим институтам и политическим процессам в стране. Беннетт и Ливингстон приводят примеры манипуляций в разных странах — от США до стран Восточной Европы, — демонстрируя, как дезинформация стала инструментом политических баталий.

Особое внимание уделяется роли медиа в распространении дезинформации. Обсуждаются как традиционные медиа, такие как телевидение и газеты, так и новые медиаплатформы, включая социальные сети, такие как Facebook¹ или YouTube, которые способствуют усилению дезинформации. Они создают сильный информационный шум, в котором становится сложно отличать реальные факты от фейков. Большинство людей не настолько вовлечено в политику — они собирают информацию

¹ Деятельность Facebook в России признана экстремистской и запрещена.

из разных телеканалов, разговоров со знакомыми, интернет-ресурсов. Чаще всего они даже не задумываются о том, какие медиаэффекты могут использоваться для манипулирования их мнением; люди не распознают дезинформацию. По мнению авторов, проблема дезинформации не является исключительно современной — она имеет долгую историю, но с развитием технологий и глобализацией ее масштабы и влияние значительно возросли.

В качестве примера ранней дезинформации приводится деятельность Комитета по публичной информации в США во время Первой мировой войны, который использовал пропаганду для поддержки вступления страны в войну, несмотря на изначальные обещания президента Вильсона оставаться вне конфликта. Обращаясь к вопросу решений этой проблемы, авторы пишут, что пути борьбы с дезинформацией через проверку фактов, создание и улучшение законодательных и образовательных инициатив не будут иметь положительного эффекта, поскольку будут восприниматься как цензура. Они приводят в пример радио в Веймарской Германии, которое изначально было направлено на спасение демократии путем усиления государственного надзора за контентом. Это регулирование предполагало предотвращение распространения сепаратистских материалов, которые могли поддержать антидемократические настроения. Однако такие меры облегчили нацистам быстрый захват контроля над радиоэфиром после их прихода к власти в январе 1933 г. Регуляции, которые были задуманы как инструмент сохранения демократического режима, привели к непредвиденным последствиям.

Вторая часть книги под названием «Текущая ситуация» затрагивает вопрос об асимметричной пропаганде в американских медиа. Этот раздел начинается с анализа политической реакции на выборы Дональда Трампа и кампанию Brexit, которые были восприняты как кризис эпистемологии, связанный с технологиями. Рассматриваются различные источники этого кризиса, включая манипуляции с новостями и создание эхо-камер через социальные медиа. Авторы проводят анализ американской медийной экосистемы, акцентируя внимание на ее фундаментальной асимметрии. Они обсуждают, как правые СМИ (Fox News или Breitbart) создают изолированное от других точек зрения сообщество, в то время как другие медиа предлагают более разнообразное содержание. Это исследование подкрепляется анализом четырех миллионов новостных статей и подчеркивает, как правые СМИ повышают внимание к своему контенту. По сути, они создают пузырь,

в котором находится их аудитория, — такая изоляция не позволяет людям взглянуть на ситуацию с другой стороны, кроме как той, которая подсвечивает выгодные для правых моменты.

Здесь может использоваться фрейминг, прайминг, простая дезинформация и все другие медиаэффекты — главное, что все это ограничивает людей в получении информации со всех сторон и создании своего мнения. В книге описывается использование ложных новостных сайтов, таких как NewYorkTimesPolitics.com, которые создают сенсационные истории для максимального вирального распространения через социальные сети. Эти сайты выглядят как настоящие новостные ресурсы и распространяют статьи с недостоверной информацией, что усиливает эффект дезинформации.

Дополнительно обсуждается, как алгоритмы социальных медиа, таких как YouTube, усиливают политические предвзятости, предлагая пользователям более экстремальные точки зрения после выявления их политических предпочтений. Этим примером авторы подводят к рассмотрению концепта «петли пропаганды». Данный концепт предполагает отсутствие механизмов коррекции сюжетов в правых медиа, которое способствует неограниченному распространению ложных утверждений, соответствующих идентичности аудитории. Они утверждают, что это результат конкуренции — т. е. СМИ борются за внимание всеми способами, не заботясь о фактической точности. Это ведет к укреплению предвзятых нарративов, которые поддерживаются внутри правой медийной экосистемы. Начиная с 1960-х гг. обсуждаются изменения в законах и технологиях, которые позволили новым медийным каналам стать более доступными и менее регулируемыми. Эти изменения способствовали росту кабельного телевидения и радио, что, в свою очередь, усилило распространение асимметричных медийных практик.

Продолжая вторую часть книги, авторы описывают, как в начале XXI в., когда произошла цифровая революция, предполагались две основные идеи: уменьшение роли государства и оптимистичный взгляд на технический прогресс и его политические последствия. Первоначальное представление о том, как цифровые технологии положительно повлияют на СМИ и демократию, оказалось ошибочным из-за трех ключевых факторов:

- 1) оптимизм в отношении возможностей новых технологий не учитывал, что они могут не только улучшить, но и ухудшить ситуацию;

- 2) двойственная природа новых технологий, способных распространять дезинформацию так же легко, как и достоверную информацию, не была учтена;
- 3) прогнозы о том, что новые технологии разрушат централизованную власть, не оправдались, открыв возможности для монополизации, наблюдения и контроля.

Таким образом, цифровая революция привела к деградации медийных стандартов и стандартов общественной дискуссии.

Третья часть книги, «Исторические корни дезинформации», посвящена кампании по пропаганде, проводимой Национальной ассоциацией производителей (NAM) с 1935 по 1940 г. Цель кампании — убедить американцев в том, что свободное предпринимательство неразрывно связано с американской демократией. NAM использовала радио для противодействия регулирующим инициативам правительства, акцентируя внимание на идеях о свободе рынка и минимальном государственном вмешательстве.

Авторы анализируют стратегии и тактики для продвижения радикальной либертарианской повестки, особенно в контексте сокращения государственного вмешательства в экономику. Например, такие фигуры, как Чарльз Кох, финансировали и поддерживали научные исследования и образовательные учреждения, стремясь внедрить в общественное сознание идеи, поддерживающие их экономическую и политическую повестку. Это включало продвижение политических идей, выгодных для бизнеса, и использование дезинформации в качестве инструмента для дискредитации оппонентов и манипуляции общественным мнением. Они создавали и поддерживали сети аналитических центров и учебных заведений, таких как Институт Катона и Независимый институт, которые продвигали их повестку под видом научных исследований.

Они использовали подставные общественные организации, такие как Citizens for a Sound Economy, для создания иллюзии массовой поддержки. Эти организации часто манипулировали общественным мнением через публикации и кампании в СМИ, направленные на подрыв доверия к научным данным и продвижение своих интересов. Например, они активно участвовали в кампаниях по дезинформации о климатических изменениях, где использовали тактики дискредитации ученых и распространения сомнений относительно научного консенсуса. Стратегии дезинформации также влияли на законодательные инициативы, направленные на сокращение избирательных прав и ограничение доступа

к голосованию, что, в свою очередь, способствовало поддержанию власти определенных политических групп без широкой общественной поддержки.

В четвертой части, «Проблема политического регулирования», авторы анализируют, как цифровая дезинформация стала угрожать демократическим процессам, особенно в контексте выборов в США. Они начинают с изучения исторического развития дезинформации, чтобы показать, как ее динамика изменилась с распространением интернета. Первоначально распространение слухов и теорий заговора в интернете в 1997 г. казалось незначительным, однако к 2016 г. структура медиа и методы распространения информации значительно изменились. Интернет превратился в полноценную экосистему с интеграцией социальных медиа, что существенно ускорило и усилило масштаб распространения дезинформации.

Особое внимание уделено «промышленному производству дезинформации» во время выборов 2016 г. Рассмотрен пример дезинформации через Facebook², которая не только маскировалась под достоверные новости, но и быстрее достигала аудитории благодаря алгоритмам платформы, которые исследуют поведение пользователя и предлагают ему контент на этой основе. Авторы приходят к выводу, что современным цифровым платформам, политикам и журналистам необходимо активно бороться с дезинформацией. Предлагается ряд мер: усиление регулирования социальных сетей, введение законодательных норм, а также призыв журналистов сохранять профессиональные стандарты даже при условиях высокой конкуренции за аудиторию.

В заключении книги «Век дезинформации» Ланс Беннетт и Стивен Ливингстон анализируют дезинформацию в контексте современных демократий, рассматривая ее эволюцию, распространение и влияние на демократические институты. Авторы подчеркивают, что в эпоху цифровых технологий борьба с дезинформацией усложнилась в разы. Они предлагают меры для повышения медиаграмотности населения, реформирования политических и медиаструктур, укрепления независимых источников новостей, а также регулирования медиамонополий и создания общественных альтернатив коммерческим новостям. Эта книга полезна всем, кто хочет понимать взаимодействие между медиа, обществом и политикой. Прежде всего, она нужна специалистам в области политологии и международных отношений, так как в ней

² Деятельность Facebook в России признана экстремистской и запрещена.

предоставлено глубокое понимание влияния дезинформации на политические процессы и институты. Социологи найдут ценную информацию для анализа влияния дезинформации на общественное мнение и социальное поведение. Специалисты в области журналистики и коммуникаций смогут использовать информацию для разработки стратегий противодействия дезинформации и повышения стандартов профессиональной этики. Специалистам в области информационной безопасности книга будет полезна для разработки методов защиты от дезинформации и киберугроз. Материалы книги можно использовать в образовательных программах по повышению медиаграмотности.

Денисова Вероника Александровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. vadenisova@edu.hse.ru

Denisova, Veronika A., National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia. vadenisova@edu.hse.ru

С. Э. ШВЕЦОВА

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Кэролайн Криадо Перес. НЕВИДИМЫЕ ЖЕНЩИНЫ:
ПОЧЕМУ МЫ ЖИВЕМ В МИРЕ, УДОБНОМ ТОЛЬКО
ДЛЯ МУЖЧИН. НЕРАВНОПРАВИЕ, ОСНОВАННОЕ
НА ДАННЫХ / Пер. с англ. В. Башкировой.**

**М.: Альпина Паблишер, 2020. 496 с. ISBN 9781419729072
(Caroline Criado Perez. INVISIBLE WOMEN: EXPOSING
DATA BIAS IN A WORLD DESIGNED FOR MEN.**

New York: Abrams Press, 2019. 432 p. ISBN 978-5-9614-3762-1)

В книге «Невидимые женщины» содержится глубокий анализ значительного влияния гендерной предвзятости на сбор и анализ данных, из-за которой женщины в значительной степени остаются невидимыми в показателях и подходах, формирующих наше общество.

Главный аргумент Перес основан на идее пробела в данных, основанных на половой принадлежности. Этот пробел описывает, как взгляды и потребности женщин обычно недооцениваются или игнорируются при сборе и анализе информации, что искажает восприятие реальности и поддерживает гендерное неравенство. Автор книги раскрывает далекоидущие последствия зависимости от данных, которые преимущественно отражают мужские нормы и опыт, привлекая внимание к этой часто упускаемой из виду проблеме. Яркие примеры Перес, которые охватывают широкий спектр тем, от здравоохранения до городского планирования, подчеркивают важность ее идеи. В своей книге она рассказывает о том, как часто выбор дизайнера исследования и сбора данных основывается на мужских нормах, игнорируя различные требования и реалии жизни женщин. Примерами таких суждений могут служить размеры автомобильных сидений и температура в офисных зданиях. Такое пренебрежение к женщинам препятствует развитию более инклюзивных и равноправных сообществ в дополнение к сохранению существующего дисбаланса.

«Невидимые женщины» подталкивают читателей к изучению предсудобков, которые влияют на нашу архитектурную среду, законы и технологии, и к переоценке устоявшихся представлений об объективности

данных. В нашем обществе, все больше ориентированном на данные, Перес закладывает основу для критической переоценки способов сбора, анализа и использования информации, выявляя скрытые аспекты половых предрассудков.

В книге убедительно раскрывается широко распространенный пробел в данных, который омрачает важные сферы жизни общества, показывая, как отсутствие данных с разбивкой по полу подпитывает институционализированные предрассудки и дискриминацию в отношении женщин. Городское планирование и транспортные сети — две важные области, где эта проблема особенно заметна. Перес обращает внимание на тот факт, что города по всему миру в основном планируются с учетом мнения мужчин, предполагая, что большинство автомобилистов — мужчины, а значит, схемы передвижения и соображения безопасности соответствуют их опыту. Например, на чувство безопасности и мобильность женщин непропорционально сильно влияют неудачно расположенные станции общественного транспорта и недостаточное освещение улиц; тем не менее эти проблемы часто игнорируются из-за нехватки средств для сбора данных.

Эффект распространяется и на профессиональную обстановку, где стандартные элементы, такие как пропорции мебели и температура в офисе, обычно корректируются в соответствии с физиологией мужчин. Перес рассказывает об исследованиях, которые показывают, что женщины более уязвимы к более низким температурам, чем мужчины, поскольку у них, как правило, более низкий уровень метаболизма. Но температура в офисе часто устанавливается в соответствии с мужскими стандартами, что создает неудобства для сотрудниц и снижает их продуктивность. Эта проблема усугубляется отсутствием данных, учитывающих оба пола, при проектировании рабочих мест.

Перес рассказывает о неравенстве в сфере здравоохранения, которое проистекает из гендерных предрассудков в области медицинских исследований и услуг. Поскольку женщины исторически были в меньшей степени представлены в клинических испытаниях или не допускались к ним, для них было разработано меньше эффективных или, возможно, опасных лекарств и методов лечения. Чтобы убедиться, что медицинские вмешательства учитывают целый ряд биологических реакций, Перес приводит примеры ситуаций, в которых женщины страдали от неблагоприятных побочных эффектов лекарств, которые в основном изучались на пациентах мужского пола. Эти примеры подчеркивают насущную необходимость в методах исследований, учитывающих половые аспекты.

Перес также упоминает о цифровой сфере, показывая, как системы и алгоритмы искусственного интеллекта усиливают неравенство с далекоидущими последствиями. Например, дискриминационные алгоритмы, используемые в процедурах онлайн-найма, могут непреднамеренно воздействовать на женщин, усугубляя уже существующие гендерные различия в перспективах трудоустройства. Экономические факторы также играют ключевую роль в разрыве в данных. Перес говорит о том, что неоплачиваемый труд по уходу, который в основном выполняют женщины, недооценивается и практически не поддается определению при использовании традиционных экономических показателей. Хотя исключение этого вида труда из экономических расчетов искажает наше представление об экономическом вкладе и поддерживает неравенство в определении приоритетов политики и распределении ресурсов, этот вид труда остается непризнанным и вносит значительный вклад в общественное благосостояние и экономическое производство. Посредством количественной оценки недооцененной работы по уходу, которую в основном выполняют женщины, автор призывает к переоценке методов, используемых для оценки и возмещения вклада в общество. Этот вклад повлияет на политические дискуссии, касающиеся социального обеспечения, экономического развития и трудовых прав.

Чтобы привлечь внимание к распространенности и последствиям пробелов в гендерных данных в различных отраслях, Кэролайн Криадо Перес внимательно изучает текущие исследования. Перес убедительно доказывает необходимость быстрых действий для решения этих системных проблем, сочетая увлекательное повествование с фактическими данными. При обсуждении городского планирования и транспорта Перес ссылается на исследования, иллюстрирующие влияние подобных решений на гендерную проблематику. Например, она ссылается на исследования, которые демонстрируют, что женщины чаще, чем мужчины, пользуются общественным транспортом для нескольких нелинейных поездок (например, высаживают детей, а затем отправляются на работу), что имеет последствия для планирования поездок. Градостроители могут создавать более инклюзивные и доступные сообщества, отвечающие требованиям всех людей, разбивая данные по полу и принимая во внимание различные привычки пассажиров.

Перес также рассматривает, как компьютеры и технологии поддерживают неравенство полов. Она приводит исследования, которые демонстрируют, как предвзятые процессы принятия решений, воспроизводимые системами искусственного интеллекта, могут усугубить уже существующие различия. Непреднамеренная дискриминация в отношении кандидатов-женщин может происходить из-за автоматизированных

алгоритмов найма, которые обучаются на основе необъективных наборов данных, что приводит к сохранению гендерных различий в шансах на трудоустройство. Перес требует повышения подотчетности и прозрачности при создании и применении технологий искусственного интеллекта, выявляя эти проблемы. Раздел «Технологии и алгоритмы» привносит важный аспект в дискуссии о предвзятости и этике ИИ. Она поднимает этические вопросы об использовании ИИ и важности алгоритмической подотчетности и прозрачности, демонстрируя, как автоматизированные системы могут поддерживать дискриминационные результаты. Ее исследования способствуют междисциплинарным дискуссиям о том, чтобы технологические достижения поддерживали социальную справедливость и права человека, а не угрожали им.

Перес приводит убедительные доказательства влияния гендерных предубеждений на медицинские исследования в области здравоохранения. Она ссылается на исследования, показывающие, как исключение женщин из клинических испытаний может привести к ошибочным выводам о безопасности и эффективности лекарств. Например, было показано, что снотворное Ambien по-разному влияет на мужчин и женщин из-за различий в обмене веществ, что подчеркивает важность учета половых различий при разработке новых лекарств и планов лечения.

Книга «Невидимые женщины» расширяет возможности междисциплинарных дискуссий, подчеркивая, каким образом гендер, данные и дизайн взаимосвязаны при достижении социальных и экономических результатов. В целях устранения системных различий в работе Перес подчеркивается ценность междисциплинарного сотрудничества и целостных подходов. Раскрывая перспективы менее представленных сообществ и продвигая методы, учитывающие гендерные аспекты, Перес призывает ученых, специалистов и лиц, принимающих решения, пересмотреть дисциплинарные границы и стремиться к более инклюзивному и справедливому будущему. Ее работа служит катализатором революционных перемен, поощряя коллективные усилия по созданию обществ, в которых высоко ценятся равенство, справедливость и достоинство всех людей, независимо от пола или идентичности.

Швецова София Эдуардовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
sofiashvecova@gmail.com

Shvetsova, Sofia E., National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia. sofiashvecova@gmail.com

Научное издание

**ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2024**

Выпуск 24

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>
Адрес редакции и издателя: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, комн. 526.
Тел.: +7(812)316-24-96
E-mail: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *А. А. Нотик*
Оригинал-макет *Л. А. Харитонов*

Подписано в печать 13.09.2024. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 9,3. Тираж 300 экз. Печать цифровая.
Заказ № 199. Свободная цена.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru